

Живут в Москве где
отдает з...
женых...
одианутой; никому не нужно
дочери, но результата это
дочь - Ж...
все хуже и хуже. Она думает
трянках, да еще атмосфере
меха и ас...

Шатьяна Тотанова

Не говори любви «прощай»

«Надо сделать так, чтобы им было хорошо вместе, прекратить попытки переделать друг друга... Какая ерунда – все эти их стычки по пустякам...»

Татьяна Тимофеевна Потапова

Не говори любви «прощай»

Свадьба... Сколько книг о любви заканчиваются этим радостным событием, за которым — безоблачное и безграничное счастье! Но это книги. В жизни, порой, со свадьбы все только начинается...

Мужчина и женщина друг для друга — два непознанных мира. Они могут подарить друг другу радость и любовь, а могут обречь на вечные страдания. И только мудрое и любящее сердце способно понять и простить. Хотя иногда это так трудно сделать...

Содержание

Глава первая.....	0005
Глава вторая.....	0012
Глава третья.....	0018
Глава четвертая.....	0025
Глава пятая.....	0031
Глава шестая.....	0037
Глава седьмая.....	0043
Глава восьмая.....	0049
Глава девятая.....	0055
Глава десятая.....	0060
Глава одиннадцатая.....	0066
Глава двенадцатая.....	0071
Глава тринадцатая.....	0077
Глава четырнадцатая.....	0082
Глава пятнадцатая.....	0087
Глава шестнадцатая.....	0093
Глава семнадцатая.....	0098
Глава восемнадцатая.....	0104
Глава девятнадцатая.....	0108
Глава двадцатая.....	0113
Глава двадцать первая.....	0119
Глава двадцать вторая.....	0125
Глава двадцать третья.....	0132
Глава двадцать четвертая.....	0138
Глава двадцать пятая.....	0145
Глава двадцать шестая.....	0151
Глава двадцать седьмая.....	0158
Глава двадцать восьмая.....	0165
Глава двадцать девятая.....	0172
Глава тридцатая.....	0177
Глава тридцать первая.....	0184
#32.....	0191
#33.....	0192

Татьяна Потапова
Не говори любви «прощай»

Глава первая

Варя выбрала шикарный букет из белых лилий и темно-бордовых роз. Цена оказалась сумасшедшей, но не экономить же на свадьбе дочери лучшей подруги! Она полюбовалась на цветы — капельки воды на лепестках напоминали маленькие жемчужины. Варя подумала, что если они исчезнут по пути к Любиному дому, то пропадет вся свежесть, делающая букет таким красивым. Ее взгляд упал на стоящий рядом киоск, где торговали сигаретами и напитками. Да ведь проблема с капельками разрешается элементарно! Варя купила бутылку негазированной воды и посмотрела на часы. Надо спешить! Она обещала Любе приехать пораньше, чтобы поучаствовать в выкупе невесты.

— Там, конечно, будут подружки Инны, — волновалась Люба накануне. — Но они какие-то бестолковые! Верхом их фантазии стала идея заставить жениха сплясать!

Люба выдавала замуж свою единственную дочь Инну, и ей хотелось, чтобы свадьба прошла по высшему разряду. Неделю назад она жаловалась Варе, что приготовления уже высосали из семейного бюджета две тысячи долларов, а конца и края расходам не видно! Конечно, лучше было бы потратить деньги на свадебное путешествие, но дочка хочет, чтобы и лимузин, и платье, и все эти церемонии...

Варя открыла сумку и проверила, на месте ли подарок. Он не занимал много места. Выбирая между постельным бельем и деньгами, Варя остановилась на последних. Правда, Люба сама подсказала такой вариант.

— Боюсь, — обреченно вздыхала она, — что натащат всякого ненужного барахла. Почему у нас не принято сообщать каждому гостю, какой подарок требуется? На Западе новобрачные открывают свой сайт и помещают там список того, что им нужно в хозяйстве. А гости изучают и шлют подтверждения: мол, наша семья подарит то-то. Как все удобно! Главное, любые повторения исключены...

Люба еще долго восхищалась западным опытом, а потом добавила:

— Но я все-таки думаю, что лучше всего — деньги.

Варе Прямота подружки понравилась: она любила, когда люди выражают свои желания открыто...

Поднимаясь по лестнице, она лихорадочно придумывала тост в честь жениха и невесты. Варя мучилась над этим уже дня три, но никак не находила нужных слов, способных выразить все ее чувства.

Инна выросла у нее на глазах — длинный, невероятно худенький ребенок, вызывающий жалость у взрослых. Идя к ним в гости, Варя всегда прихватывала еду — что-нибудь вкусненькое, от чего ни одно нормальное дите не в состоянии отказаться. Кроме... тщедушной Иннули. Она своими ручками-ножками, напоминающими тоненькие тросточки и готовыми, казалось, сломаться при малейшем прикосновении, отпихивала все эти дары, которые родители пытались засунуть ей в рот.

Впрочем, ей было в кого такой уродиться. Сколько Варя помнит, Люба всю жизнь мечтала обрести какие-нибудь формы. В то время как все вокруг выискивали диеты для похудения, она была озабочена прямо противоположной проблемой.

Варя не могла забыть, как лет в восемнадцать они вдвоем отправились «ди-

карями» отдыхать в Сочи. Танцам и развлечениям Люба предпочла малопо-
движный образ жизни и набор калорий. Она оставляла Варю в обычной сто-
ловой, а сама отправлялась обедать в блинную, где заказывала сразу несколь-
ко порций мучных блюд. По вечерам Люба ела пирожные, по утрам непременно
требовала плотный завтрак. Каждый раз после еды она долго лежала, что-
бы не «растряссти» с трудом добытые граммы. Отдых превратился в настоящий
кошмар. Варя еще никогда так скучно не проводила летние каникулы.

Но оказалось, что все Любины мучения были тщетными. В Москву она вер-
нулась ровно с тем же весом, с каким уезжала. Куратор их курса в пединститу-
те — крупная седая женщина — отвела ее в сторону и спросила, нет ли у Любы
хронических заболеваний, которые приводят к такой худобе, и настойчиво ре-
комендовала пройти обследование. Напуганная Люба к врачам сходила, долго
пила витамины и питалась в специальной диетической столовой, куда, между
прочим, старались попасть обманным путем многие студенты — из-за низких
цен, но не каждому институтский врач давал направление... А однажды в че-
реде дистрофиков, направленных на усиленное питание, появился румяный
здоровяк с только что проклюнувшимся, как потом выяснилось, гастритом.
Он сразу подсел со своим подносом к Любиному столу и завязал с девушкой
знакомство, которое через полгода благополучно разрешилось законным бра-
ком.

Люба не поправилась даже после родов. И только пару лет назад, когда ей
перевалило за сорок, она наконец стала похожа на человека. Оказалось, что
Люба просто принадлежит к той редкой породе женщин, которые с возрастом
только расцветают. Теперь она жила в свое удовольствие и больше в рот не
брала ненавистные ей блины и пирожные.

Зато метаморфозы с Инной произошли значительно быстрее. Из гадкого
утенка она неожиданно превратилась в прекрасного лебедя, причем без помо-
щи врачей. Когда это случилось — Варя не заметила...

Войдя в подъезд, она открыла бутылку с водой, сбрызнула цветы и в душе
посмеялась за это над собой: иногда ею овладевали совершенно идиотские
идеи, от которых она не могла отвязаться.

...Дверь была открыта настежь, и в квартире царила праздничная суета.
Девчонки — подружки Инны носились из комнаты в комнату с только им из-
вестными целями. А в центре этой кутерьмы восседал в кресле перед телеви-
зором глава семейства Геннадий — при полном параде, в новом костюме, со
слегка расслабленным галстуком — и спокойно щелкал кнопками пульта ди-
станционного управления. На Варю он отвлекся со словами:

— Почему Серегу не взяла?

— Он сразу в кафе приедет, — ответила Варя. — А где невеста?

— Последние штрихи наносит, — сказал Геннадий и снова переключил ка-
нал.

— Ой, Варька, наконец-то! — появившаяся из недр квартиры Люба броси-
лась подруге на шею.

— Ну ты красавица! — Варя отстранилась, чтобы рассмотреть будущую те-
щу. — Бесподобное платье! На заказ шила?

— Не поверишь, — покрутилась Люба вокруг собственной оси, — купила на
ВДНХ. Как увидела — сразу поняла: мое! Этот цвет слоновой кости... Обожаю!
А тут, смотри, бледно-сиреневые вставочки...

— Да просто «Дольче и Габбана»... — Платье было действительно выше всяких похвал и смотрелось на Любе как вторая кожа.

— Лучше! И главное — дешевле!

— Кто о чем, — пробурчал Геннадий.

— Не понимаю, — недовольно покосилась на мужа Люба. — Как можно в такой день спокойно смотреть телевизор... Пойдем, Варюш, выпьем что-нибудь. А то я с ума сойду. Такой мандраж, как будто сама под венец отправляюсь...

На кухне она налила в бокалы сухого вина и сказала:

— Ну давай за мою девочку. — Подруги чокнулись. — Мы почти не спали сегодня. — Даже голос у Любы слегка дрожал. — Рано утром помчались с Инкой в парикмахерскую. И ей не понравилась прическа! Пришлось все переделывать! Девочка так нервничает. Просто оголенный провод! Без конца звонит своему Вове. А у него, можешь себе представить, мобильник выключен! Разве нормальный человек станет отключать телефон в день свадьбы?!

— Может, тоже в парикмахерской сидит? — предположила Варя.

— Какая парикмахерская?! Ему пора уже здесь быть!

— Ну ты же знаешь, какие у нас пробки, — успокаивающе заметила Варя. — Сейчас прибудет как миленький... А что, родители Вовы так и не придут на свадьбу?

— Нет! — Люба так взмахнула бокалом, что остатки вина выплеснулись на стол. — И вот объясни, почему?! Чем их Инка не устраивает?! Красивая, молодая, с высшим образованием! Мы не олигархи, конечно, но и не нищие какие-нибудь! Кичатся своим домом загородным, автомобилями... Мамаша не работает, но и водитель у нее имеется, и домработница... Мы себе такого позволить не можем, конечно. Ну и что?! А на свадьбу они ни копейки не дали! Кто это, если не жмоты?! Как вспомню нашу встречу с ними — до сих пор тошно! Они на нас смотрели как на бедных родственников, приехавших к ним жить из провинции. А мы всего лишь хотели обсудить предстоящую свадьбу... Ну и без них обойдемся... Пойдем с балкона посмотрим: вдруг уже Вова приехал?

Они прошли мимо Геннадия, по-прежнему устремившего взгляд в голубой экран. Балкон оказался заполнен подружками Инны, которые курили и оживленно болтали.

— Никого не видно? — с надеждой в голосе спросила Люба.

— Нет, — ответила свидетельница с красной лентой через плечо и еще раз осмотрела улицу.

Зайдя обратно, Люба раздраженно бросила мужу:

— Ты бы в кафе позвонил, узнал, все ли в порядке!

— Сколько можно звонить? — изобразил удивление Геннадий. — Сама ведь недавно разговаривала.

Люба только махнула рукой и толкнула дверь в комнату, где сидела Инна.

На девушке не было лица. Красные, заплаканные глаза не оставляли сомнений: невеста — на грани нервного срыва. Ее хорошенькая, уложенная в парикмахерской головка, похоже, была погружена в самые мрачные мысли, а руки нервно общипывали лепестки лежащих на коленях белых роз. Она не отрываясь смотрела на часы и никак не отреагировала на появление матери с подругой.

— Доченька, — бросилась к ней Люба, — ну что с тобой? Все будет хорошо, вот увидишь!

— Куда уж лучше! — всхлипнула Инна. — Жених не торопится на собственную свадьбу.

Она показала на часы. До регистрации оставалось полчаса. Даже если бы Вова появился сию секунду, новобрачные уже все равно, без отвращения на выкуп невесты, опоздали бы в загс.

— Любаша, — сказала Варя, — пусть выключен мобильник, но ведь куда-то можно позвонить? Родителям, свидетелю, друзьям?

— Родителям — ни за что! — отрезала Люба.

— И надо предупредить загс, что молодожены задержатся. Там ведь конвейер. Пусть наших немного передвинут. Должны же пойти навстречу...

— Инусик! — Люба взяла себя в руки. — Хватит рыдать! Давай сюда телефоны!

— Я сама, — пискнула Инна. — Только вы лучше уйдите.

Люба спорить не стала, а торопливо потянула за собой Варю и закрыла дверь.

— Что же это делается?! — закатила она глаза и прижала руки к груди. — Ничего не понимаю! А вдруг с Вовой несчастный случай?! — Она приникла ухом к замочной скважине и одними губами донесла до сведения Вари: — До кого-то дозвонилась...

Видимо, слышимость оказалась плохой. По напряженному Любиному лицу было видно, что слов она не разбирает.

— А-а-а-а-а! — разнеслось через минуту на всю квартиру.

Люба ногой толкнула дверь. Инна лежала ничком на диване и срывала украшающие ее прическу и платье цветы.

— Что случилось? — крикнул подбежавший Геннадий. Позади него с тем же вопросом на лицах сгрудились подружки невесты.

Инну сотрясали рыдания, и она не могла вымолвить ни слова.

— Воды! Принесите скорей воды! — закричала Люба, заламывая руки и пытаясь успокоить дочь.

Варя бросилась на кухню.

Вскоре Инне подали стакан. Ее зубы мелко застучали по стеклу, а вода полилась мимо, прямо на белое подвенечное платье.

— Он не приедет, — наконец произнесла она, подняв голову. — Он испугался.

— Что?! — остолбенела Люба. — Как это понимать?

— Легко, — Инна посмотрела на подружек. — Все свободны. Свадьбы не будет.

— А как же кафе?! Там все заказано!

— Повеселитесь сами, мама. Без меня.

— Объясни по-человечески: что он сказал?!

— Да я не с ним разговаривала! У него по-прежнему телефон отключен. — Инна нервно взлохматила свою прическу. — Его друг сообщил, что Вова спрятался и в загс идти не хочет. Бойтся семейных оков. А сказать об этом мне у него смелости не хватило.

— Так я и знал! — взорвался Геннадий, стягивая с шеи галстук, словно тот мешал ему дышать. — Ведь предупреждал, чтобы с этим козлом не связыва-

лась!

— Да замолчи ты! — прикрикнула на мужа Люба.

— Что, не удалось салатиков поесть? — ерническим тоном ответил жене Геннадий. — Ты ведь об этом мечтала?

— Дурдом! — опустилась на диван Люба. — Что же теперь делать?!

— А кафе нельзя отменить? — робко встала Варя.

— Вместо того чтобы выступать, — бросилась к мужу Люба, — лучше делом займись! Поезжай в кафе, отмени банкет! У тебя же там знакомый директор. Лучше любую неустойку заплатим, чем выставлять себя на посмешище! И перед гостями извинись.

Геннадий, чертыхаясь, стал собираться.

— Оплаченные блюда прихвати с собой! — крикнула ему вслед Люба. — Дома тоже что-то есть надо! — Тут ее взгляд упал на испуганных подружек невесты. — Девчонки, поезжайте кто-нибудь вместе с Геннадием Васильевичем, помогите ему.

Подружек тут же словно ветром сдуло.

А Варя с Любой, как две клушки, засуетились вокруг Инны.

— И черт с ним! — в сердцах сказала Варя.

— Я вот сейчас его родителям позвоню и скажу все, что о них думаю! Это они Вову настроили! — металась Люба. — Теперь мне терять нечего!

— Мама, только не это! — вскинулась Инна. — И вообще... Может, мы еще помиримся.

— И ты такое простишь?! — У Любы не нашлось слов. — После сегодняшней подлости?!

— Да мы с самого начала никакой свадьбы не хотели! Это ведь ты настояла! Не помнишь уже?! Нас устраивал гражданский брак! Но ты же заладила: законные отношения, законные... Кому они нужны?! — Инна опять была на грани истерики.

— Приехали! — возмутилась Люба. — Наконец стало понятно, кто здесь враг номер один! Это я!

— А-а-а-а, — снова завывала Инна.

— По-моему, нам надо для начала успокоиться, — внесла разумное предложение Варя. — Никто из вас ни в чем не виноват. Просто Вова оказался негодяем. И хорошо, что это выяснилось до того, как вы поженились. Разводиться потом еще хуже. Найдешь себе другого.

— Да кому я нужна?! — крикнула сквозь слезы Инна. — И потом — я Вову люблю! Зачем мне другой?

— А ты знаешь, что любая страсть через три года проходит? — вмешалась Люба, подавившая в себе обиду, нанесенную дочерью. — Потом бы ты прозрела, рассмотрела Вову и ужаснулась. Твой отец все-таки прав. Вова — несамостоятельный, избалованный, не способный ни одного решения принять!

— Раньше ты его хвалила, — с сарказмом заметила Инна.

— Просто вставала на твою сторону. Пыталась понять, что ты в нем нашла. Хотела тебе счастья. А лично мне он никогда не нравился.

— Знаете что, — взяла инициативу в свои руки Варя, — давайте выпьем что-нибудь и съедим. Это очень помогает при стрессе. На себе испытала. Хотите, я сюда все принесу?

— Да что мы, до кухни не дойдем? — Люба поднялась с дивана. — Инусик,

ты с нами?

— Сейчас, — буркнула та.

Телефонный звонок заставил всех вздрогнуть.

— Это Вова! — крикнула Инна и бросилась отвечать.

Люба с Варей напряглись. С лица Инны медленно сползло появившееся секунду назад оживление, смешанное с остатками надежды.

— Папа, — сказала она и передала трубку Любе.

— Я все отменил, — отрапортовал Геннадий. — Этот козел, видимо, предупредил своих гостей — никто с его стороны не пришел, собрались только наши. Мы хотим найти его и набить ему морду.

— Совсем с ума сошел?! Выбрось эти мысли из головы! И срочно приезжай домой!

— Не волнуйся, — сказал Геннадий. — Я должен ребят угостить. — И он отключился.

— Мало мне неприятностей, — прокомментировала Люба. — Сейчас они там напьются и поедут Вову искать. Чем это может кончиться?

— А откуда они узнают, где он? — встрепенулась Инна.

— Вот одна надежда, что Вова хорошо спрятался.

— Я с ними поеду, — решительно заявила Инна. — Хочу посмотреть ему в глаза.

— Господи! Да успеешь еще! — попыталась остановить дочь Люба.

Но Инна уже стаскивала с себя платье, переодеваясь в джинсы и свитер. Варя с Любой не успели оглянуться, как она умчалась на подмогу отцу и его «ребятам».

— Пусть делают что хотят, — устало махнула рукой Люба. — Ну ты представь: я же во всем виновата! Конечно, я хотела, чтобы все по-человечески было! И потом — Инне уже двадцать четыре! Вспомни: у нас в это время дети были. Инна такая разборчивая! А тут наконец влюбилась. Я так радовалась, даже на Вовиных родителей плюнула. Куда бы они, между нами говоря, делись? Все могло наладиться. И вот...

— Главное, чтобы у Инки комплексы сейчас не развились. Хотя в ее возрасте все намного легче переносится. Вспомни, много мы страдали, когда со своими парнями расставались?

— А я сочувствую молодым, — Люба открыла новую бутылку вина. — Все время надо выбирать, утверждаться... Когда я в институте училась, мне все таким скучным казалось. Вроде где-то жизнь бьет ключом, а я за конспектами прозябаю. На полном серьезе хотела куда-нибудь на комсомольскую стройку поехать. Вот и сидела бы там сейчас в бараке, наслаждалась романтикой. Хорошо, мама грудью встала, не пустила. Да и Генка уже появился, любовь началась...

— Когда ты смотрела в замочную скважину, я анекдот вспомнила, — алкоголь поднял Варю настроение. — Муж поехал в командировку и поручил сыну присматривать за матерью. Возвращается и спрашивает: «Ну как? Кто-нибудь к маме приходил?» «Все нормально, — отвечает сын. — Приходил дядя Вася. Они закрылись с мамой в комнате, а я стал смотреть в замочную скважину. Сначала они чай пили. А потом дядя Вася снял брюки, повесил их на дверную ручку, и мне стало не видно». «Ну вот, — почесал голову отец, — опять полная неясность!» Прямо как у нас сейчас. Сплошная неясность!..

Стресс они снимали на кухне до поздней ночи, пока не вернулись возбужденные Геннадий с Инной и не сообщили, что Вову им отыскать не удалось.

— Ну ничего, — сжала кулачки Инна. — Ему это так просто с рук не сойдет!

— Брак для мужчин, — торжественно изрек Геннадий, — это цена, которую они платят за секс. А секс — цена, которую женщины платят за брак.

— Ты, пап, совсем, что ли? — добродушно спросила Инна.

— Все-таки напился, — миролюбиво посмотрела на мужа Люба.

Через пять минут Геннадий спал в кресле перед включенным телевизором.

Глава вторая

— Какое унижение! Бедная Любашка! С ее самолюбием объяснять всем, что со свадьбы дочери сбежал жених! Как я ее понимаю! Сама из-за Полины на транквилизаторах сидела. Ты же помнишь!

Женя звонила Варе из Германии, из курортного городка Баден-Баден, где уже два года жила как полноценная гражданка. Она вспомнила сейчас о том лете, которое оставило в ее жизни неизгладимый след.

Началось все это еще в Москве с того, что Женька решила отправить свою любимую дочь Полину отдохнуть на Черное море (потом она долго кляла тот день, когда подобная мысль возникла у нее в голове!). Полина только что закончила институт, и они со дня на день ждали известий из немецкого посольства. Женька хотела прибыть на новое место жительства в достойном виде и села на очередную диету — острый супчик, который варился из капусты, лука и сладкого перца. Рецепт гарантировал «сброс» девяти килограммов веса. Полина же своим присутствием мешала достигать результата — она беззастенчиво готовила себе нормальную еду, чем постоянно соблазняла мать. Так что ее отъезд на Черное море обеим был, что называется, на руку.

Через две недели Полина вернулась, и сразу стало ясно, что там с ней что-то случилось. Она закрывалась в своей комнате, никуда не ходила и с отстраненным лицом сутками слушала музыку. А еще дней через десять к ним пожаловал молодой человек — абориген с Черного моря, с восьмиклассным образованием, без профессии, работающий во время курортных сезонов лодочником. Однажды в его шлюпке случайно оказалась разомлевшая от солнца Полина, и стрела Амура мгновенно пронзила обоих.

К ужасу Женьки, «лодочник» мало напоминал мачо, зато сильно смахивал на крокодила, поймавшего в свою пасть наивную Полину и не собиравшегося легкую добычу отпускать.

Женя пыталась образумить дочь, объяснить, что «лодочник» ей не пара, что он даже ростом ниже ее, что если такой приснится во сне, то бросит в пот... Не говоря уже об остальном. Но очень скоро отношения между матерью и дочерью перестали быть доверительными и переросли в настоящую войну. В один из дней Полина сообщила, что не собирается мириться с таким отношением к ее возлюбленному, собрала вещи и, подхватив «лодочника», убыла с ним в неизвестном направлении.

Все новости о жизни парочки приходилось добывать от знакомых. Обосновались влюбленные в студенческом общежитии, где комендантом работала мать одной из Полининых подруг. Информация поступала неутешительная. Если Полина, будучи по профессии экономистом, нашла себе работу, то «лодочник» устроиться никуда не мог. Как подозревала Женя, на самом деле просто не хотел. Зато, как живописала особо приближенная к Полине подруга, «лодочник» вел себя как настоящий монстр: держал любимую в «черном теле», изводил ревностью, даже поднимал на нее руку. Женя ждала возвращения дочери, глотая успокоительные. В том, что это случится со дня на день, она не сомневалась — не может же Полинка долго носить розовые очки! Но время шло, а ничего не менялось.

Зато вскоре пришла и вовсе убийственная весть: Полина ждет ребенка!

Дальше сидеть, лить слезы и пить таблетки было нельзя. Требовалось дей-

ствовать, и как можно скорее. Женя приехала в общежитие без предупреждения, застав Полину врасплох. «Лодочника», к счастью, дома не оказалось. Женя начала разговор с дочерью издалека, плавно приблизившись к главной теме — беременности.

— Не понимаю, — спокойно отреагировала Полина. — Разве ты не хочешь стать бабушкой?

Это были ее первые и единственные слова за все время их разговора. «Лодочник» не терял времени даром: он обрел абсолютную власть над Полиной, заглотил ее всю своей крокодильей пастью. По сути, украл у Жени дочь. Весь разговор Полина просидела с каменным лицом, не реагируя на явное отчаяние матери, которая пыталась склонить ее к аборту.

Когда из посольства сообщили, что документы на выезд в Германию наконец готовы, Женя опять бросилась к дочери. Теперь предстоящая эмиграция казалась ей тем спасительным кругом, который вытащит Полину из объятий ненавистного «лодочника».

— Я никуда не поеду, — объявила уже изрядно пополневшая Поля.

— Квартиру я продаю. — Женя хорошо подготовилась. — Тебе негде будет жить. И не на что.

— Мы поедем к свекрови и свекру.

— Хорошо, — стиснув зубы, согласилась Женя. — Как хочешь.

И стала готовиться к отъезду, прерываясь на рыдания и думы о неблагодарной дочери, ради которой в основном и затевалась вся история с эмиграцией — ради ее будущего, ради ее благополучия. Ведь именно в Полине заключался смысл Жениной жизни. Теперь на месте их дружеских, искренних отношений, которыми Женя так гордилась и считала неподвластными любым ситуациям, осталось пепелище.

— А если ребенок будет похож на «лодочника»? — плакалась она Варе в жилетку. — Я же не смогу его любить!

Но ровно через три недели Полина вернулась от свекрови и свекра, живших в доме-развалюхе у Черного моря, и объявила матери, что едет в Германию вместе с ней. Что случилось там, в родовом гнезде гражданского мужа, — толком выяснить не удалось. Видимо, шалаш «лодочника» мало соответствовал представлениям Полины о рае...

Дожив до тридцати девяти лет, Женя вообще не подозревала о том, что в ее жилах течет арийская кровь. Правда, ее папа иногда намекал на свое непростое происхождение, но жил он в другой семье, виделись они крайне редко. И вдруг однажды отец позвонил дочери из больницы, куда попал с инфарктом, и попросил приехать для серьезного разговора. Женя испугалась. Она подумала, что он чувствует близкий конец и хочет с ней проститься.

С гостинцами и наклеенной на лице широкой улыбкой она явилась в больницу. Отец был оживлен, бодр и явно шел на поправку. Хитро прищурившись, он сказал:

— Я тут долго думал и решил, что тебе пора узнать историю нашей семьи.

Из длинного и весьма путаного рассказа выяснилось, что в далеком детстве папа был гражданином Германии, а его мать — Женина бабушка, которую она и в глаза не видела, — настоящая немка, вышедшая замуж за русского. Сложные перипетии военного времени раскидали семью по всему свету. Папа же был трудным подростком, которого романтические устремления потянули в

Россию. Но на границе его поймали, судили и именно тогда отобрали единственный документ, который у него был, — немецкий паспорт. Выйдя из тюрьмы, папа уже по всем анкетам проходил как русский. А распространяться о том, что это не так, он не рисковал — боялся снова угодить за решетку.

Такие грандиозные факты биографии Женя не могла оставить просто семейной легендой. В один прекрасный день она созрела для того, чтобы обратиться в немецкое посольство и оставить там заявление с просьбой признать ее, дочь Полину и отца гражданами исторической родины. Процесс затянулся — ждать решения пришлось больше двух лет. Но что удивительно — гражданство папы подтвердилось, несмотря на минимум документов. И в один прекрасный день чиновник немецкого посольства выдал им заветные паспорта.

За это время Женя очень сдружилась с отцом и узнала, что второй своей семьей он очень недоволен, именно жена довела его до инфаркта, и отец просто мечтает уехать от всех куда-нибудь подальше. В свои семьдесят четыре года он еще отлично выглядел и планировал в Германии найти наконец свою настоящую половину.

Сама Женя имела высокий социальный статус — она была главным бухгалтером большого банка. Но уверенности в том, что банк не разорится и не закроется, у нее не было. Она вообще боялась завтрашнего дня. А рассчитывать Женя могла только на себя, поскольку с мужем развелась, когда Полинке исполнилось всего полгодика.

Мысль о том, что однажды она окажется без работы, что ее заменят кем-нибудь более молодым и амбициозным, не давала ей покоя. Основания для беспокойства были: управляющий банком постоянно демонстрировал ей свое недовольство. Если признаться честно, то Жене тоже давно все надоело и ее просто тошнило от собственного кабинета, знакомого здания, одних и тех же лиц и обязанностей.

Но главное — она мечтала о счастливой и безбедной жизни для своей выросшей дочери.

У Жени был любовник. Но он с самого начала не казался ей тем человеком, с которым она хотела бы провести остаток жизни. Жене он был нужен для того, чтобы подавлять чувство одиночества. Иногда они вместе куда-нибудь ходили, иногда он оставался ночевать. Никаких страстей ни у Жени к нему, ни у него к Жене не наблюдалось. К тому же любовник трудился в госучреждении, получал маленькую зарплату, на всем экономил и особыми талантами не блистал. Если у него возникала какая-либо проблема, то он долго доводил своим нытьем Женю, а потом делал так, как она ему говорила. Понятно, что на такого мужчину положиться было нельзя ни в чем. Так что мечты о месте на земле, где человек защищен и обеспечен, у Жени с ее папой совпали.

...Связь прервалась. Но Варя от телефона не отошла — она знала, что Женя обязательно перезвонит снова. Во-первых, она обожала долго болтать с Варей, поскольку на чужбине не нашла столь родственной души. Во-вторых, Женя пользовалась дешевыми телефонными каналами.

Повторный звонок не заставил себя ждать.

— Сели обедать, — щебетала Женя, — и не пойдем, чего нам на столе не хватает? Я борщ сварила... И вдруг поняли — шампанского! Мы за ним во Францию ездим. Это ведь рядом, к тому же шампанское там значительно де-

шевле.

— Вот видишь, — сказала Варя, — у тебя и на шампанское хватает.

— Жить можно по-разному, — философски заметила Женя.

«Ну да, — подумала Варя, — это точно. Только вряд ли нашему гражданину, переехавшему из Германии в Россию, выделили бы социальную помощь, на которую можно кататься в соседнюю страну за шампанским».

У Жени не было в Германии ни родных, ни знакомых. Поэтому, прибыв из Москвы в аэропорт Франкфурта, она подошла к первому попавшемуся на глаза полицейскому и с помощью папы, который немного помнил немецкий, заявила иностранному стражу порядка, что они прибыли из России, являются гражданами Германии и что у них нет жилья, работы и денег.

Первую ночь пришлось провести в дешевой «ночлежке», где новоявленные граждане не могли сомкнуть глаз: к таким условиям проживания ни Женя, ни ее близкие не привыкли. Утром их накормили бесплатным завтраком, о котором семейство долго вспоминало с содроганием. Затем последовала длинная череда хождений по бюрократическим инстанциям. Но зато через два месяца основные вопросы были решены, и Женя с дочерью въехали в трехкомнатную квартиру, полностью оплачиваемую государством, а папа получил двухкомнатную в том же доме. Правда, на телефонные разговоры и электричество приходилось раскошелиться самим.

— С языком — загвоздка, — жаловалась Женя. — Хотя здесь столько наших! Так что больше по-русски говорим, чем по-немецки. Мы себе «тарелку» поставили, регулярно смотрим «Большую стирку». Ой, этот Малахов — обожаю! Вчера в русский магазин заходила. Знаешь, что там продают? Кабачковую икру, пельмени, квашеную капусту, селедку, хозяйственное мыло, мочалки... Я ничего не купила. Очень мне нужна эта кабачковая икра! А капусту я сама квашу, когда мне нужно. Знаешь, чего хочется? Соленых груздей и сала! Ой, я же про главное забыла! Ищи мне покупателя на квартиру. Хочу вложить деньги в новое строительство. Сама мне говорила, что недвижимость дорожает. А пока строить будут — не надо за квартиру платить.

Свое московское жилище Женя хранила «на всякий случай». Правда, мебель она распродала, а ключи оставила Варе. Но пускать квартирантов категорически запретила, побоявшись за евроремонт, на который в свое время спустила кучу денег.

Честно говоря, Варя была уверена, что Женя вернется домой. Процесс адаптации проходил у нее слишком мучительно.

— Я плохо сплю, пропал аппетит, болит сердце! — кричала в трубку Женя в первые месяцы заграничной жизни. — Моя душа находится в состоянии болевого шока! Я чувствую, что теряю и в материальном, и в духовном смысле. И неизвестно, что приобрету. Возможно, никогда уже у меня не будет того, что я оставила!

— Так возвращайся, елки-палки! — говорила в ответ Варя. — Зачем эти страдания?!

— Люди, прошедшие через это, — размышляла Женя, — рассказывают, что это со всеми бывает, но все устраиваются и обратно возвращаться не хотят. А мне кажется, просто не могут. Потому что все уже потеряно, никто в России не поможет, и это всех пугает.

— Перестань, — повторяла Варя. — Как это — никто не поможет?! А мы на

что?

— Действительно, — задумывалась Женя. — Может быть... Но только после того, как Полина родит. Срок подходит. А тут такие условия — нам с тобой они и не снились. Вспомни, как мы рожали? В туалет не достоинься, пеленок не допросишься. А Полина даже сама выбирала акушерку, которой можно звонить в любое время дня и ночи. Та тоже русская, давно эмигрировала из России. И роды, и лекарства — все-все оплачивает социальная служба. А потом на ребенка дадут пособие — шестьсот евро.

— Ничего себе! — восхищалась Варя. — Тогда конечно...

У Вари долго стояла перед глазами картина отъезда Жени.

Она провожала подругу, ее сильно беременную дочь и папу, который после своих давних детских приключений никогда не выезжал за границу, и разрывалась от жалости к Женьке. У всех было отвратительное настроение. Полина, видимо, пребывала в раздумьях об оставленном «лодочнике», к тому же ее мучил токсикоз. Папа страшно нервничал и заводил других.

— Не могла толком узнать! — прикрикивал он на дочь из-за любого пустяка. — Говорил ведь: все заранее выясни!

Главной причиной его недовольства был карликовый пинчер, которого в самый последний момент Женя решила не бросать на чужих людей, а забрать с собой в Германию. Пинчер то скулил, то угрожающе лаял, не желая тихо сидеть в специально купленной для него клетке. И своим неадекватным поведением усугублял общее напряжение. На ветеринарном контроле в Шереметьево-2 придрались к документам на пинчера. И Женя долго объясняла усталой таможеннице, почему в справках забыли отразить какие-то необходимые сведения, а ответственные люди не расписались там, где положено. Только после скромной суммы, врученной сотруднице аэропорта в качестве «платы за беспокойство», проблема была снята.

Потом папа долго искал бланки деклараций на русском языке, ругая последними словами всех чиновников, которые даже эту мелочь не предусмотрели. Женя его поиски остановила, объяснив, что декларации уже отменены. Но строгий таможенник семейство не пропустил, а на Женино возмущение ответил:

— Отмена деклараций эмигрантов не касается.

Второй раз он их завернул, когда оказалось, что бумаги заполнены неправильно и их надо переделать. Пинчер на стража порядка зарычал. Полину затошнило. А папа разразился бранью на бестолковую дочь. Народ с интересом наблюдал за мечущейся из стороны в сторону компанией.

Когда общими усилиями бумаги заполнили, вывозимые деньги посчитали, внесли в декларации и опять спрятали подальше, на таможне их снова затормозили. Из-за двух картин с видами Москвы, подаренных Жене на работе — чтобы она чаще вспоминала родной город. Таможенник потребовал разрешение на вывоз из Минкультуры.

— Да что вы! — засуетилась Женя. — Тут ведь ничего ценного! Картинки!

— Даже если бы вы ночью сами какой-нибудь рисунок начирикали, то все равно на него нужно разрешение, — возразил таможенник. — Вдруг это шедевр и национальное достояние?

Все отошли в сторону, чтобы продумать дальнейшие действия. Пинчер, которого удалось временно засунуть в клетку, надрывался из последних сил. По-

лина сбегала в туалет и вернулась совершенно бледная. Папа, никого не слушая, рванул к таможеннику и стал ругаться. Весь этот шум, гам, куча вещей, лающая и прыгающая собака, беременная Полина, беспомощные провожающие совершенно усыпили бдительность людей в зеленой форме, и сверток с картинками в конце концов пропустили вместе со всем остальным. Как потом выяснилось, «шедевры» благополучно въехали в Германию и теперь украшают Женину квартиру, напоминая о родине.

Любовник прощаться не пришел. Он обиделся, что не вписался в планы Жениной эмиграции. По той же причине отсутствовала жена папы, с которой тот успел развестись.

Время летело, и Полина вскоре благополучно разродилась мальчиком. Женя ликовала: внук оказался копией своей мамы и совсем не напоминал «лодочника».

— Полянка до сих пор по нему скучает, — докладывала Женя. — Конечно, никаких новых знакомств. Если бы она работала или училась... А то сидит дома...

Через полгода втроем они прилетели в Москву. Полина позвонила «лодочнику» и сказала:

— Приезжай посмотреть на сына.

— Если ты мне денег пришлешь на дорогу, — ответил тот.

После этого большая любовь Полины окончательно пошла на спад.

А Женя в Москве ходила по гостям, наслаждалась общением и восклицала:

— Вот по чему я скучаю — так это по некоторым людям! — После чего непременно добавляла: — Почему везде так грязно? Почему народ на улицах такой неприветливый?

Варю подобные высказывания возмущали. Это в Москве-то грязно? Разве Женька не помнит время, когда действительно казалось, что с московских улиц не убирался мусор? Но сейчас! Варя, наоборот, гордилась, видя, какой аккуратной стала столица, и от Жени подобных замечаний не ожидала. Это москвичи-то хмурые? Что за занудство появилось в Женьке? Варя попыталась спорить, но подруга приводила ей в пример свой Баден-Баден, утверждая, что, побывав там, она сразу поняла бы, насколько очевидна разница.

Вернувшись в Германию, Женька повеселела. Это чувствовалось по ее телефонным звонкам.

— Полинка влюбилась! — радостно рассказывала она. — Познакомилась с молодым человеком по Интернету. Здесь это в порядке вещей. Парень — чудо! Он наш, русский, но живет в Германии больше десяти лет. Зарабатывает прилично! Я так боюсь сглазить!

Внук подрастал и радовал бабушку. Его крестили в католической вере, и большинство его первых слов были немецкими. Женю же вполне устраивала роль моложавой бабушки, а не деловой фрау, делающей карьеру. Деловой женщиной она устала быть еще в Москве.

Глава третья

Варя перерыла все шкафы, но ключей не нашла.

— Что ты ищешь? — через плечо спросил Сергей, который сидел за компьютером и отрабатывал программу «Соло на клавиатуре» — она обучала быстрому набору текста слепым десятипальцевым методом.

Варя не понимала, зачем ее муж тратит на это свободное время — ведь Сергею никакие тексты самому набирать не приходилось. Но обычно им руководствовала простая тяга к новым навыкам и общему совершенствованию.

— Ключи от Жениной квартиры, — сказала Варя.

— Интересно, зачем?

— Она решила ее продать. Да куда же они делись, елки-палки! — Варя старательно перетряхивала всякую мелочь в серванте.

— Вечно ты все теряешь, — пробормотал Сергей.

И это говорил человек, который сам каждый раз перед уходом на работу ставил всех на уши в вечном поиске собственных очков, записной книжки, зажигалки и много чего еще!

Он оторвался от компьютера, повернулся, буквально пробуравил супругу взглядом своих черных, в густых ресницах, глаз и неторопливо, почти нарасспев, где-то даже по-доброму произнес:

— Слушай, а почему бы тебе не сделать пластическую операцию?

От неожиданности Варя прищемила палец дверцей серванта.

— Зачем? — спросила она.

— Ну... — протянул Сергей, — убереешь следы увядания.

— А так я тебе уже не нравлюсь? — Когда Варя нервничала, у нее начинало дергаться веко.

— Сделай это для меня, — сказал Сергей и, видимо исчерпав тему, снова уткнулся взглядом в монитор.

— А что изменится?! — Варя попыталась рукой унять этот проклятый тик, который вечно отвлекал и мешал сосредоточиться.

Муж лишь пожал плечами.

Это было слишком!

Вообще-то Варя совершенно не переживала по поводу своего возраста. Ей было сорок лет, и она чувствовала себя молодой и полной сил. Конечно, под глазами есть морщинки, и овал лица при тщательном осмотре уже не кажется столь идеальным, но ничего страшного в этом Варя не видела. Она с большой иронией относилась к тем женщинам, которые были помешаны на сохранении собственной красоты.

— Тебе хорошо! — сказала ей когда-то давно Женька. — Нашла себе мужа, и теперь можно не стараться! А мне до чего же надоело вертеться перед зеркалом и украшать себя шмотками, чтобы хоть кому-нибудь понравиться!

Но Женька ошибалась. Варя все-таки старалась: она регулярно ходила в парикмахерскую — примерно раз в квартал — где приводила в порядок волосы и делала маникюр.

И вот теперь родной человек, муж, которому она должна быть дорога независимо от морщин, на полном серьезе заявляет, что ее внешность его не устраивает. Причем ни с того ни с сего, просто так, мимоходом, что особенно оскорбительно. Если он говорит такое сейчас, когда она еще в расцвете сил, то

чего ожидать дальше?

Варя зашла в спальню и остановилась перед большим зеркалом. Женщина, которую она увидела в нем, была хорошо знакома. Нормальная фигура, длинные ноги. Грудь могла бы быть и больше, но зато не висит. И потом — Варя носит бюстгальтеры с поролоном. У нее густые, жесткие волосы, которыми восхищаются все парикмахеры. В последние годы они почему-то стали темнеть, и Варя их немного подкрашивает, примерно на тон светлее... А лицо... Конечно, не идеал, но и не страшное. Варя приблизила его к зеркалу, чтобы лучше рассмотреть. Например, у нее красивые брови, которые она никогда не выщипывает — нет необходимости. Небольшой прямой нос. Кожа, правда, немножко подкачала — не очень гладкая, приходится припудривать, замазывать. Ну морщинки... Конечно, не без изъянов... Но, говорят, они есть даже у Клаудии Шиффер!!! Неужели ее недостатки, которые она старательно прячет, так бросаются в глаза?!

За девятнадцать лет совместной жизни Сергей впервые столь грубо отозвался о ее внешности. Он вообще сильно изменился в последние месяцы. Это можно было объяснить: у него началась длинная полоса неудач. Сергей руководил департаментом ценных бумаг в инвестиционной компании, и совет директоров не мог простить ему серию неудачных сделок, из-за которых компания потеряла большие деньги. Насколько Варя поняла, серьезно встал вопрос о его компетентности. Несколько дней назад Сергей пришел с работы совершенно убитым.

— Меня хотят освободить от должности. — Он был мрачнее тучи. — А в качестве издевки предлагают пойти в трейдеры. Ты представляешь, что это такое?! Да на западе трейдеры уходят на пенсию в тридцать пять лет с полностью изношенным организмом! А мне уже сорок.

Варя посмотрела на мужа: он, всегда казавшийся ей самым красивым мужчиной на свете, сейчас напоминал постаревшего льва, которого выгоняют из прайда.

— Найдешь себе другую работу. — Ее голос преисполнился добротой и оптимизмом. — Мало в Москве инвестиционных компаний? С твоим опытом и квалификацией тебя с руками оторвут.

— Ты не понимаешь! — прямо-таки взбесился Сергей. — Разнеслись слухи, что я — неудачник! Кому я нужен с такой репутацией? Сколько молодых волков вокруг!

Варя понимала. Человек столько лет ощущал свою принадлежность к верхнему слою среднего класса, и вдруг все это в одночасье рушилось. Для Сергея с его амбициями опуститься даже на ступеньку ниже было настоящей катастрофой.

А муж тем временем становился просто невыносимым.

— Это слишком большая роскошь, — говорил он, поднимая крышку со сковородки, естественно так, чтобы вода с ее внутренней поверхности текла на плиту, — делать жаркое из вырезки. Ее и отдельно можно съесть, без картошки. Почему бы тебе не покупать мясо подешевле?..

Вскоре он стал намекать жене и дочери, что не одежда красит человека, и строго контролировал их покупки. Объяснять мужу, зачем им с Жанной требуются новая кофточка или туфли, а потом выслушивать, что за такие деньги можно купить что-нибудь получше, оказывалось выше Вариных сил. Его при-

зывы к экономии начинали бесить. Варя не была расточительным человеком, поэтому обвинения мужа считала несправедливыми. Любой мелочности есть предел! Они все-таки не настолько еще обнищали, чтобы считать буквально каждую копейку. К тому же Сергей почему-то не спешил отказываться от собственных дорогостоящих привычек. Почему бы ему, к примеру, не поменять свой навороченный джип на отечественный автомобиль? Или бросить курить дорогие сигареты, перейдя, скажем, на «Приму»? Или пить не коньяк, который он так любит, а дешевый портвейн?

Действительно, семья держалась на его зарплате. А в последние два года расходы резко увеличились из-за Жанны: она училась в университете за четыре тысячи долларов в год, к тому же ее надо было кормить и одевать. Но Сергей сам настоял на том, чтобы дочь училась на платном отделении в хорошем вузе. И два года назад, когда решался этот вопрос, смеялся над Вариными опасениями:

— Неужели я не заработаю эти несчастные четыре тысячи?!

Тогда ему казалось, что его положение преуспевающего бизнесмена незыблемо.

Сама Варя тоже приносила в дом деньги. Но делала это от случая к случаю, нерегулярно. Она подрабатывала в агентстве недвижимости. Работа была нервной, утомительной, много времени тратилось впустую, и потому Варя бралась за дело, только когда требовалось купить или продать квартиру в ее районе. Сергей терпеть не мог, когда она по вечерам убегала из дома на встречу с клиентами или часами разговаривала с ними по телефону. Варя перестала давать свой домашний номер, а для деловых звонков завела мобильник. Совсем бросать работу ей не хотелось, хотя Сергей при случае повторял:

— Кому нужны копейки, которые ты получаешь?

Но даже «копейки» давали ей ощущение независимости. Тем более сейчас, когда Сергей со своим страхом перед увольнением просто слетел с катушек!

Варя видела, что муж даже на время не мог отключиться от своих печальных дум. Если бы он строгал, пилил, интересовался еще чем-нибудь, кроме своих ценных бумаг, то, наверное, переносил бы неудачи легче. Но Сергей был абсолютно равнодушен к физическому труду. Варя помнила, как однажды, много лет назад, он сам повесил на стену две книжные полки. Сергей долго готовился: купил длинную линейку, карандаш, специальные сверла, которые Варя с тех пор хранила в коробочке, надеясь, что они еще когда-нибудь пригодятся. Прежде чем сделать дырки, муж рисовал на стене углы и линии, отходил в сторону, смотрел, звал ее, чтобы она оценила четкость геометрических фигур. Наконец дырки были сделаны, полки повешены. Каждый час Сергей задумчиво делал себе комплимент:

— Неплохо все-таки получилось.

Через две недели, когда они мирно пили чай на кухне с заглянувшими на огонек знакомыми, в комнате раздался неимоверный грохот — вместе с книгами свалилась на пол одна из полок. Надо же было Варе именно под нее пристроить коробку с чайным сервизом, подаренным на свадьбу, который она в кои-то веки вытащила, чтобы начать наконец им пользоваться. Оказалось, не судьба.

Но Варю все эти мелочи мало расстраивали. Сергей делал прекрасную карьеру, обеспечивал семью, и она всячески поощряла его стремление добиться

в своей профессии высот. Его серьезное и дотошное отношение абсолютно ко всему Варю восхищало. Когда они, например, начинали искать Сергею солнечные очки, то объезжали пол-Москвы, сравнивая цены и модели. Бывало, что через пару месяцев, когда лето кончалось, очки все-таки покупались. Чаще — нет. Поэтому в целях экономии времени и нервов Варя предпочитала принимать многие решения в гордом одиночестве. В отличие от мужа она к бытовым заботам относилась гораздо легкомысленнее. И если ей требовалось что-то купить, то она делала это сразу, хотя потом нередко разочаровывалась в выборе. Но всегда точно знала: несколько дней, потраченных на поиски чего-либо, сделали бы этот предмет для нее ненавистным и ненужным.

До сих пор Варя была уверена, что Сергей ее любит, несмотря на его все сильнее портившийся с каждым днем характер. Но фраза о пластической операции заставила ее в этом усомниться.

С каменным лицом она вернулась в комнату и включила телевизор. Шла очередная серия фильма «Все мужики — сво...». Сергей, кинув взгляд на экран и поморщившись, изрек:

— Предназначение женщины в том, чтобы исполнять всякие капризы мужа. Носить кофе в постель. Слушаться во всем.

— А что она делать не должна? — поинтересовалась Варя с такой интонацией, чтобы Сергей понял: его «шутка» о необходимости хирургического вмешательства в ее организм была крайне неудачной.

— Изменять мужу и глушить водку.

Кажется, он пытался сейчас разрядить обстановку.

— А знаешь, чего не должен делать мужчина? — Варя убавила громкость телевизора.

— Ну?

— Указывать женщине на ее недостатки! Тем более если их нет! Тебя что, через столько лет перестал мой нос устраивать?! Или губы?! Или вообще вся я?!

— А-а, ты об этом... — Сергей выключил компьютер. — Не хочешь — не делай. Я просто предложил. — И он вышел из комнаты.

Просто предложил?! Да он ничего не говорит просто так! Варя вспомнила, как Сергей любил повторять, что главное в женщине — осанка, потом ноги, дальше — грудь и обаяние. Насчет осанки он упоминал специально для Жанны, которая одно время сильно сутулилась. Про грудь — это камешек в ее, Варин, огороде. Если покопаться в памяти, то Сергей частенько подшучивал над ее и дочериными недостатками. Но раньше он делал это как-то добродушно, как мудрый отец, который видит несовершенства собственных детей, но все им заранее прощает. Сегодняшнее высказывание совсем не напоминало его прежние замечания.

Только вчера, когда Сергей уже спал, Варя легла рядом и долго всматривалась в мужа. Каждая его черточка была родной и принадлежала ей. Сергей беспокойно ворочался, что-то мучило его. Он поднял руку, потер лоб — как раз в том месте, где был шрам, пересекающий бровь. Лет пять назад он неудачно нырнул в Клязьму. Ему наложили шесть швов, попутно сбрав всю бровь. Это смотрелось смешно, и Варя шутила, что его слишком правильному лицу как раз не хватало какой-нибудь «изюминки». А Сергей именно тогда заметил, что у Вари очень красивые брови.

Такой близкий и родной, последнее время он словно заковался в броню, пробить которую не было никакой возможности. От его панциря отскакивали и слова и чувства. Даже «супружеские обязанности», к которым Сергей относился столь ревностно, теперь им не выполнялись. Когда же в последний раз они были близки? Месяц назад или больше?

Сон никак не приходил. Уже под утро Варя убедила себя, что проблемы с Сережиной работой не будут вечными, все так или иначе образуется, а значит, и их отношения наладятся. Нужно немножко потерпеть, быть самой сдержаннее и ласковее. Пусть Сережка чувствует, какой крепкий тыл у него дома. С этими убаюкивающими мыслями она наконец заснула.

Но после высказанных обидных слов стало трудно двигаться навстречу. А Варю совсем не устраивало одностороннее движение.

— Подойди сюда, — раздался из кухни зов, почти крик, равный по эмоциям объявлению чрезвычайного положения.

Варя даже вздрогнула. Что там стряслось? Прорвало трубу? Начался пожар?

Муж стоял у маленького кухонного телевизора с поднятым перед собой пальцем.

— Сломал? — бросилась к нему Варя.

— Почему такой слой пыли на экране? — Для убедительности Сергей провел по поверхности телевизора пальцем другой руки.

Да что это такое! Сегодня суббота, выходной, но у Вари как раз состоялась с утра хорошая сделка, она встречалась с клиентами, заключала договор, брала залог. Потом бегала в магазин, готовила ужин. У нее просто не было времени заняться уборкой! Она устала, в конце концов! А разве сидящий дома Сергей не мог взять тряпку и вытереть пыль не только на этом телевизоре, но и на остальных, которые он же и смотрит?

Этот демонстративно поднятый палец обидел больше всего! Да и кто бы делал замечания?! Человек за собой тарелку со стола не уберет! Ладно тарелку, так он же весь хлеб в доме превращает в сухари, потому что ему трудно сложить его в пакет!

— Раз ты такой чистюля, — Варя зачем-то открыла воду и стала споласкивать грязную чашку, — возьми тряпку и вытри! Меня для этого звать не обязательно!

Сергей от такой наглости просто застыл.

— Две бабы в доме, а я еще с тряпкой бегать должен?! Сама ничего не делаешь и из дочери лентяйку растишь! — И он громко хлопнул дверью.

О каких шагах навстречу может идти речь в такой обстановке?!

Оставшись на кухне и автоматически продолжая мыть посуду, Варя мысленно разговаривала с мужем и доказывала ему, что он окончательно распустился. Она делала это тактично и умно. Логично выстраивала доводы, находила аргументы и подбирала язвительные слова. Удивительно, как складно все получалось! Но только у Вари в голове. Стоило ей столкнуться с очередными Сережинными придирками, как она терялась, домашние заготовки почему-то не срабатывали, нужные фразы забывались, а на свет выскакивали совсем не те слова.

Варя взглянула на часы. Столько времени, а Жанны до сих пор нет дома. У Вари уже образовалась мозоль на языке от разговоров на тему учебы дочери. В прошлом году приходилось отгонять Жанну от письменного стола, чтобы

она нормально высыпалась. В нынешнем ее письменный стол оставался девственно-чистым — ни учебников, ни конспектов. А ведь скоро сессия! Как она собирается ее сдавать?

Раздался звонок в дверь, и Варя подумала: что за манера, неужели трудно открыть замок своим ключом?

Но это была не Жанна. Соседка Ира пришла попросить денег в долг. Взяв тысячу, она еще долго топталась в коридоре, жалуясь на жизнь. Варя рассеянно слушала ее. Во-первых, ее мысли были заняты дочерью и мужем. Во-вторых, она не слишком симпатизировала Ире.

На этот раз соседка возмущалась поступком своего бывшего свекра, который только что вернулся из загранкомандировки и привез в подарок ее пятнадцатилетнему сыну «только шорты и футболку». Самой же Ире — да как он только посмел! — вручил мыло и шампунь, которые позаимствовал в гостинице. А ведь свекор руководил целым проектным институтом, где, кстати, Ира работала чертежницей. Раз в неделю она обязательно ходила к нему на прием, требуя то материальной помощи, то повышения зарплаты. Но в ответ получала лишь жалкие подачки!

Миловидное Ирино лицо выражало презрение к богатому свекру. Он совсем не думал о том, как живет бывшая невестка и внуку.

Варя вспомнила, что ведь внук был этому свекру неродным. А в невестках Ира ходила чуть больше года. Ее короткий второй брак распался так же быстро, как и начался. Кажется, и с первым мужем она прожила недолго. Но к нему Ира давно претензий не имела — он затерялся где-то на просторах родины, но алименты платил исправно.

Варя иногда думала, что первому мужу и его родителям повезло больше, чем семейству второго.

Несмотря на нехватку средств, Ира регулярно совершала крупные покупки — в виде новой мебели или дорогих шмоток. Так она приходила в себя после всевозможных историй с сыном, который не хотел учиться, зато попадался на воровстве и других неблагоприятных поступках. Ира заминала скандалы с помощью свекра из проектного института, обладавшего какими-никакими связями.

— Слушай, — сказала Варя, — твой свекор и так тебе вечно помогает, ну что ты от него хочешь?

— Наверняка своей новой невестке он мыло из гостиницы не дарит! — обиделась на Варину непонятливость Ира.

Ее бывший второй муж недавно снова женился. Чувствовалось, что Ира готова была поведать Варе жуткие подробности из его новой жизни. Она вальяжно прислонилась к коридорной тумбочке, приготовившись к долгому повествованию.

Тумбу давно надо было выбросить. Именно она служила причиной зацепок на Вариных колготках. И сейчас Варя забеспокоилась, что соседка Ира испортит свой красивый васильковый костюм. Как ей, кстати, удастся всегда так хорошо выглядеть? Поздний вечер, а она нарядная, со свежим макияжем на лице... Ире тридцать четыре года, а, посмотрев на нее, больше двадцати восьми и не дашь...

— Я так плохо себя чувствую, голова раскалывается, даже говорить трудно, еле стою на ногах, — вдохновенно соврала Варя, изобразив мученическую гри-

масу на лице.

— Это погода, — авторитетно заявила Ира. — Давление...

— Сейчас лекарство выпью и лягу. — Варя сделала шаг навстречу Ире, чтобы та наконец поняла: пора и честь знать.

— Наверное, я тогда пойду, — нерешительно сказала она.

Закрыв за ней дверь, Варя опять посмотрела на часы. Начало первого... Она взяла телефон и принялась разыскивать дочь.

Глава четвертая

Компания подобралась странная. Создавалось впечатление, что Машка приглашала на сегодняшнюю вечеринку всех, кто попадался ей на пути. Рядом с Жанной сидели два парня, которые обсуждали, когда же подруга одного вступит с ним в интимные отношения.

— Может быть, она тебя на твой день рождения осчастливит? — спрашивал первый.

— Сто пудов! — уверенно кивал второй. — Обещала.

— Но у нее вечно находятся отмазки.

— В прошлый раз дело пошло, но тут ты зачем-то позвонил. Пока мы с тобой говорили, она уже оделась.

Парни были Жанне незнакомы. И злободневная для них тема предстоящего совокупления ей надоела. Она поднялась и прошла в другую комнату, где Машка беседовала с девчонкой, которая явно была младше ее.

— Ты когда невинность потеряла? — спрашивала у нее Машка.

— А я и сейчас девушка.

— Не верю! — Черные Машкины глаза, и без того круглые, сделались величиной с тарелку.

— Как хочешь.

— Вот что я тебе скажу. — Машка перешла на менторский тон. — Переспишь с кем-нибудь — тогда поймешь, в чем смысл жизни.

— Прямо!

— Криво! — передразнила Машка. — Слушай, когда старшие говорят. То-то я смотрю, что ты как ребенок себя ведешь. Теперь понятно.

Машка была так увлечена своей просветительской миссией, что не обратила на Жанну никакого внимания. Все просто помешались на сексуальной теме, как будто больше говорить не о чем!

Когда вчера Машка предложила собраться, потому что ее мамаша уехала отдыхать на целую неделю, Жанне идея понравилась. Но она никак не ожидала, что сюда набредут чрезвычайно озабоченные незнакомые личности. Лучше бы Машка устроила девичник с однокурсницами. Ну и что делать, если у них «бабский» факультет? Зато интересы общие. Потрепались бы, посмеялись... Но Машке нравились только смешанные компании. Она считала, что вечеринка без парней — зря потраченное время. А сама сидит с соседской девчонкой и несет всякий бред! Слушать тошно! Можно подумать, что у нее — большой сексуальный опыт. Уж Жанна-то точно знала, что это не так. Машка — очень компанейская и веселая, у нее туча знакомых, но постоянного парня нет. Как, впрочем, и у Жанны. Это даже странно. Им уже по восемнадцать, а ничего серьезного в их жизни в смысле чувств и любви еще не происходило. Наверное, это их и сблизило. Когда девчонки с их курса проводили время со своими парнями, они хотя бы не оставались одни, а могли вместе куда-нибудь сходить.

— Ну и скукотища здесь! — Около Жанны возникла их с Машкой однокурсница Вика — единственный знакомый здесь человек. — Лучше бы в «Цеппелин» пошли. Или в «Министерство». Или еще куда-нибудь...

Вика была похожа на фотомоделю. С ростом метр семьдесят пять она носила только высокие каблуки и потому смотрела на всех свысока.

— У меня денег не хватит, — сказала Жанна.

— Неужели на билет не наскребешь? — Вика была известной тусовщицей. — В прошлую субботу мы ходили в «Министерство» большой компанией. Сидели все вместе. Знаешь, как клево! Кто-то, например, вышел, а ты в это время разговариваешь с теми, кто остался, не успеешь соскучиться по тем, кто ушел, как они возвращаются, и ты снова с ними общаешься!

— Вау! — Жанна изобразила восхищение. Иногда Вика выглядела настоящей идиоткой, хотя это не мешало ей учиться в университете.

— Зачем Машка эту девицу притащила? — Вика кивнула на соседскую девочку. — Что на ней за убогий прикид? Хотя, — она с минуту подумала, — я к подобным экземплярам отношусь не как к полным дурам, а так, знаешь, — по-доброму. Может, свинтим отсюда?

— Не, я в клуб не пойду.

— Как хочешь. А я позвоню своей тусовке, — набирая номер, Вика как бы между прочим сообщила: — Собираемся в Милан за тряпками смотаться на праздники. А то ходить не в чем...

Ее папа владел крупной компьютерной фирмой и ни в чем дочери не отказывал. Своеобразие Вики заключалось в том, что она строила из себя богемную девочку, которая все видела, все знает и уже слегка утомилась от собственных возможностей.

Тусовка, как оказалось, зависла во «Фрайдисе».

— Приезжайте, если захотите, — предложила на прощание Вика.

Проводив ее, Жанна вытащила свою сумку, которая валялась среди других на Машкином туалетном столике, достала мобильник и проверила поступившие звонки. Три раза к ней пыталась пробиться мама. Ну вот чего, спрашивается, ей спокойно не спится...

— Я у Машки останусь, — перезвонила домой Жанна. — Надо же ей помочь все убрать... Мам, — ее голос излучал дочернюю нежность, — а можно я на майские праздники куда-нибудь съезжу?

— Сессию сдашь, а там видно будет. — Никаких других слов, собственно говоря, она от матери и не ожидала.

— И не буду стараться, раз так, — обиделась Жанна.

— А ты для кого учишься — для себя или для нас? — села мать на любимого конька.

— Для того, чтобы в Милан ездить... Ну ладно, пока, — не стала дожидаться дальнейших нравоучений Жанна.

Она подошла к столу и налила себе в стакан кока-колы. С родителями стало совершенно невозможно разговаривать. Учеба, учеба... Можно подумать, они в ее возрасте только за учебниками сидели! Да и какая разница, как она сдаст экзамены? В прошлом году у нее были одни «пятерки» — и что? Ее освободили от платы за учебу? Дали стипендию? Да с этого года все скидки для отличников отменили! Какие стимулы, чтобы грызть этот гранит науки? Раньше обещали, что на стажировку будут отправлять в Лондон и в Нью-Йорк, а сейчас никто даже не вспоминает.

Она вдруг обратила внимание на парочку, которая весь вечер зажималась на диване. Парень, отпустив подругу, сверлил Жанну взглядом. Чего это он? Жанна одернула свою короткую юбку и пригладила длинные — до пояса — волосы.

— Потанцуем? — обратился к ней парень и вскочил с дивана.

Он оказался даже выше Вики на ее самых больших каблуках. Парень закатил глаза и начал вдохновенно извиваться всем телом. Жанна присмотрелась: да он здорово двигался! Ей нравились пластичные юноши. Она терпеть не могла тех, кто не умел танцевать и сидел на вечеринках в углу. Проникновенно пела Пинк. Парень обнял Жанну за талию и, прикасаясь губами к ее правому уху, прокричал:

— Меня зовут Стас. А тебя?

— Жанна.

— А ты прикольно зажигаешь. — От него исходил запах весеннего леса...

Все испортила Машка. Она просто выключила музыку и встала посередине комнаты, уперев руки в бока.

— Хватит! Я спать хочу, — грубо осадил она романтический настрой своих гостей.

Видимо, Машка сильно устала от воспитания соседской девчонки. Ее кукольное лицо, смахивающее на личико Барби, было недовольным.

— Тебе, Стас, — Машка совсем распоясалась, забыв о всяких церемониях и приличиях, — тоже пора! Так что завязывай! Я же ясно сказала: мы спать хотим!

Жанна подумала, что ее мнением на этот счет Машка не поинтересовалась.

— Может, я вам компанию составлю? — с надеждой спросил Стас.

— Перебьешься! И метро закроется! — Машка почти вытолкала гостя за дверь.

С остальными она расправилась, судя по всему, немного раньше, потому что в квартире уже никого не было.

Это получилось, на взгляд Жанны, очень некрасиво. Ничего плохого Стас Машке не сделал. Что она, в самом деле, себе позволяет? И ведь не в первый раз! Машка бывает в прекрасном расположении духа только тогда, когда лично ей хорошо. Но если ей не удастся привлечь чье-нибудь внимание — разумеется, мужское, — то она готова всех за это растерзать!

Жанна даже пожалела, что не ушла вместе со Стасом. Эти перепады Машкиного настроения переходят все границы! Надо бы бросить ее одну и уехать домой! А может быть, еще не поздно?

— Хочешь шампанского? — миролюбиво спросила Машка, словно почувствовав настроение подруги. И, не дожидаясь ответа, разлила напиток в два фужера.

— Ты же знаешь, я не люблю шампанское, — отвернулась Жанна.

— А вино?

— И вино тоже.

— Ну извини, что твоих любимых коктейлей не приготовила! — Машка залпом выпила. — И хватит дуться! Понимаю: ты на Стаса запала. Но зря.

— Почему? — Жанне стало интересно.

— Да он же бабник! — предостерегающе подняла палец Машка. — К нему многие клеятся, а он всегда не против. Правда, не знаю, есть у него сейчас кто-нибудь или нет.

— Как же, а девчонка, с которой он весь вечер обнимался?

— С чего это ты решила, что он с ней?

— Ну привет!

— Да? Я и не заметила. — Машка хлопнула себя по лбу. — Странно, а откуда она, правда, взялась? Вообще-то мы с ней тоже вместе в школе учились, как и со Стасом. Она еще классе в девятом через всех парней прошла, я ее терпеть не могу! Когда увидела у себя дома — мне это сразу не понравилось. Скорее всего, по пути к кому-нибудь прибилась, — Машка тяжело вздохнула. — Лучше бы мы в боулинг пошли, мячи покатали...

— Расскажи еще о Стасе. Он кто? — Жанна немного смягчилась.

— А... — Машка сделала неопределенный жест. — Мы с ним жили на одной лестничной площадке, пока их семейство не переехало. Он на год нас старше. Как раз вчера позвонил мне вдруг, спрашивал телефон одного общего знакомого. Ну я и ляпнула: приходи в гости. Он на юридическом учится, будущий специалист по семейному праву.

Она зло усмехнулась и подвинула поближе второй фужер с шампанским, который предназначался для Жанны.

— Вот скажи. — Машкины черные глаза горели огнем. — Что в нас с тобой не так? Почему мы парней постоянных никак не заведем? Зачем мы только на филфак поступили! Одни девки вокруг! Кстати, ты замечаешь, кого наши девчонки себе находят? Половина встречается с мужиками намного старше себя! Смотреть противно на этих пенсионеров! А с другой стороны, что остается делать? Как симпатичный парень — так сразу голубой! Помнишь красавчика с третьего курса? И что?!

— Не может быть! — воскликнула Жанна.

— Точно тебе говорю! А вот если парень тебе нравится, то обязательно окажется, что он влюблен в твою лучшую подругу! Или наоборот.

Жанна задумалась: не имеет ли Машка в виду Стаса? Уж не это ли причина ее плохого настроения?

— Даже наша училка по зарубежке утверждает, что настоящие мужики перевелись. Вспомни: она нам на каждом уроке об этом сообщает, никак не успокоится!

— Она, наверное, не замужем.

— Ребенок-то есть.

— Ну и что?

— Да, — разошлась Машка. — Едешь в метро — не на кого посмотреть. Даже если ничего и он уже дырку в тебе взглядом просверлил — ни за что не подойдет познакомиться. А подходят какие-нибудь уроды. В результате сама чувствуешь себя полной уродкой!

— А Вика ходит во всякие клубы и находит себе кучу парней, — вспомнила Жанна.

— Фи, — поморщилась Машка. — Судя по ее пристрастиям, я не уверена, что эти парни сильно привлекательны.

— Ну почему...

— Блин, Жанка, вот скажи честно: я же в сто раз красивее Вики?!

— Ну да. — В голосе Жанны сквозило сомнение.

— Почему же у нее каждые выходные — новый парень? А у меня — никого!

— Думаешь, она со всеми спит?

— Вряд ли, — подумав, решила Машка. — Она утверждает, что девственница. И я ей верю.

— Чего же ты ей не объяснишь, что это плохо? — ехидно спросила Жан-

на. — А бедной маленькой соседке лапшу на уши вешаешь? Сама-то только раз попробовала. И то — когда это было!

— Девчонку надо было на место поставить! И кстати, я права на все сто процентов. В этой самой девственности ничего хорошего нет. Мы уже взрослые люди, и нам нужны серьезные отношения. — Для весомости своих слов Машка даже стукнула по столу кулаком, отчего Жанна вздрогнула. Все-таки Машке нельзя пить столько шампанского.

Они встали и начали расставлять по местам стулья. Телефон в столь поздний час зазвонил очень неожиданно.

— Кто это? — удивилась Машка и взяла трубку. — А, Стас, ты? Как доехал? — Она устроилась на подлокотнике дивана, а Жанна застыла рядом. — Ты, говорят, у меня дома даже роман успел закрутить? Кто, кто... Свидетели вашей оргии. Нашел с кем связаться!.. На какую дачу?.. Ну не знаю еще... Жанна? Здесь, да. Мы подумаем. А что за повод?.. Шашлыки мы любим, конечно.

Машка положила трубку и сообщила Жанне:

— Стас приглашает нас в следующие выходные к себе на дачу. Говорит, поедут с друзьями туда шашлыки жарить. Ты как? Учти, дача у него далеко, так что придется ехать с ночевкой. Твои не будут возражать?

Жанна помялась. Мать наверняка станет ворчать, отец тем более. Но на дачу очень хотелось... Что-то в этом Стасе было... Жанну и сейчас преследовал его запах весеннего леса... Наверное, какой-то дорогой французский парфюм... Она плохо разбиралась в мужских одеколонегах...

— Он сказал, что эта наша одноклассница сама к нему привязалась. А он якобы, бедняжка, уже не знал, как отделаться. Я же тебе говорила! Она ко всем пристаёт. Больная, честное слово!

— Конечно, он такой симпатичный, — искренне заметила Жанна.

— Понравился? — Машка с подозрением посмотрела на подругу. — Не знаю... Раньше он девчонок менял как перчатки. Одна, кажется, от него аборт делала. Ну можно, конечно, с ним погулять. Только он просто так встречаться не будет.

— Как это?

— Не понимаешь, что ли?

— Ой, можно подумать, другим не то же самое нужно!

— Бывают романтики, — со знанием дела сказала Машка. — Я мечтаю о таком. Чтобы приезжал ко мне на крутой тачке и всегда с цветами.

— Ничего себе романтика!

— А ты предлагаешь серенады под окнами петь? — ехидно заметила Машка.

— Мне надо, — поразмыслила Жанна, — чтобы меня любили...

— Как все просто! — Машка с тоской посмотрела на грудку посуды. — Давай перетащим все на кухню, а помоем завтра. У меня глаза слипаются. Переборщила я с шампанским...

— Ты ложись, — предложила Жанна, — а я все уберу.

— Хочешь посмотреть, каким Стас был в школе? — Машка залезла в шкаф, вытащила длинный узкий альбом и, открыв его на нужной странице, протянула подруге широким жестом. — Любуйся!

Кто-то сфотографировал Стаса в школьном коридоре. Полуобернувшись, он улыбнулся — ну просто голливудская кинозвезда.

Машка ушла спать, а Жанна решила досмотреть альбом. Но остальные снимки с незнакомыми лицами оказались малоинтересными, и только Стас привлекал ее внимание, она возвращалась к его фотографии снова и снова. Ослепленная его улыбкой, она ощущала распирающее ее восхищение, какое бывает у маленьких девочек, влюбленных в артистов.

Жанна подобное состояние испытывала раз сто. Но ее горячей привязанности к тому или иному объекту хватало на месяц-два, не больше. В один прекрасный день по абсолютно неизвестной и необъяснимой для нее самой причине юноша, еще вчера столь обожаемый, начинал раздражать, с него слетала вся притягательная магия, он превращался в заурядного парня, ковыряющего при девушках в носу...

Но короткое состояние влюбленности Жанне очень нравилось. Она словно летала на крыльях, и жизнь обретала смысл. Сейчас ее сердце было совершенно свободно, так что Стас появился очень вовремя.

Глава пятая

Дверь, ведущую в подвал, им открыл невысокий плотный человек, лет пятидесяти или больше, с совершенно седой бородой и темными вьющимися волосами до плеч. Он улыбался, излучая гостеприимство и доброту.

— Это я вам звонила, — расплылась в ответной улыбке Люба.

Она чувствовала себя не в своей тарелке: никогда раньше ей не приходилось попадать в святая святых — мастерскую настоящего художника. Потому для моральной поддержки была приглашена Варя.

Художник сделал приветственный жест, приглашая женщин спуститься по крутой лестнице. Мгновение спустя Люба с Варей оказались в просторной комнате с длинным накрытым столом. Очевидно, намечалась какая-то вечеринка. На бумажных тарелках в огромных количествах лежали бутерброды с колбасой, сыром и рыбой.

— Как сразу есть захотелось, — тихо сказала Люба, чтобы художник не слышал.

Из-за разладившейся свадьбы она не знала куда себя деть. У нее было чувство, словно она сама собиралась замуж, но в последний момент от нее отказались — то ли просто бросили, то ли заменили другой и даже не сочли нужным поставить в известность. Этот чокнутый Вова ведь так и не объяснился с Инкой! И хотя теперь уже не важно, из-за чего жених не явился на свадьбу, но Любу неизвестность угнетала. Она видела подобные сюжеты в кино, но в жизни ни о чем похожем даже не слышала! А вдруг Инка что-то скрывает? Ну не может же человек в здравом уме ни с того ни с сего так унижить, обидеть любимую девушку? Значит, у него есть кто-то еще! Или на него кто-то надавил! Например, его родители могли просто взять и спрятать Вовин паспорт! И он ничего сделать не мог! А теперь ему стыдно Инке признаться, что он оказался таким беспомощным...

Но с дочерью обсудить это Люба не могла. Инна при любом упоминании свадебного позора вспыхивала как спичка и закрывалась в своей комнате.

А Люба думала об этом, когда стирала, готовила ужин, шла по улице, поливала цветы, вела уроки в школе... То есть двадцать четыре часа в сутки. Она походила на натянутую струну, которая — еще мгновение — и лопнет, не выдержав перегрузки.

Пару дней назад Люба поставила тесто для пирогов и, хотя ничем особо занята не была, забыла о нем напрочь. Сначала она слонялась по квартире, пыталась читать, потом решила прогуляться к пруду. Она долго сидела на скамейке, смотрела на мутную воду. Зашла в церковь, поставила свечи, помолилась. Гена сказал, что придет поздно — накопилось много дел. Спешить было незачем, и Люба зашла еще в парк, который был заполнен молоденькими мамами с колясками. Шум, производимый карапузами, вся эта суета почему-то вызвали у Любы слезы. Дети вырастают, заводят семьи и собственных детей, а у ее Инки все наперекосяк.

Вернувшись домой в совсем не изменившемся настроении, она обнаружила, что тесто расплылось не только по столу, но и по стоящим вокруг матерчатым стульям, с которых плавно перетекало на пол. Полночи Люба отскребала это безобразие, оставив семью без ужина, а слепленный из остатков пирог получился кислым и малосъедобным.

С этим надо было что-то делать. Как-то отвлечься.

Люба давно хотела повесить на пустые после ремонта стены своей квартиры какие-нибудь картины, как это делали все приличные люди. Коллега по работе, которая славилась своей приближенностью к искусству, дала ей несколько визиток с телефонами художников. Вчера Люба попыталась до них дозвониться. Отозвался только один — Гавриил Панюков, к которому они сейчас и пришли. Остальные мастера на звонки не ответили — видимо, пребывали в творческих поисках и игнорировали телефон.

— Сюда, пожалуйста. — Гавриил провел их в соседнюю, не менее просторную комнату, где и находились его работы.

Люба с Варей огляделись. Комната была уставлена скульптурами, бюстами и барельефами. Никакой живописью здесь и не пахло. Если ею тут и занимались, то, наверное, подпольным способом.

— Ты что, памятники решила расставить в своей квартире? — шепотом спросила Варя, когда художник отвлекся на какого-то знакомого.

— Мама родная! — совсем растерялась Люба. — Я была уверена, что он пишет картины. Ну коллега — удружила! Знаток искусства...

В центре комнаты, на самом видном месте, стояла глиняная скульптура. Это была фигура человека, изогнутого как дерево на ветру, которое, казалось, совсем не имеет опоры.

— Как вы думаете, кто это? — огорошил вопросом вернувшийся к подругам Гавриил.

Они дружно пожали плечами.

В комнате кроме них было еще несколько человек, которые или рассматривали панюковские произведения, или сидели в укромных уголках, ведя свои беседы. Громкий вопрос Гавриила, адресованный вновь прибывшим женщинам, заставил всех устремить взоры на незнакомку и прислушаться к разговору. От такого повышенного внимания Варя с Любой съежились. Их малоразвитая фантазия конечно же бросилась в глаза всем присутствующим, в чьих взглядах сквозили ирония и снисходительность. Как завсегдатаи, они сразу определили людей, далеких от высокого искусства.

Гавриил выдержал паузу, ожидая от женщин хоть каких-нибудь предположений, а потом торжественно объявил:

— Чехов!

— Неожиданно, — нашлась Люба.

Все-таки как педагог она умела быстро реагировать на самые каверзные вопросы.

— Вы привыкли к тому, что у мужских моделей должны быть торсы, мышцы? Как у Микеланджело? — пафосно произнес Гавриил. — Это несовременно. Современо — искать необычное видение. Мой Чехов изображен в образе Дон Кихота. Видите? В руке у него — вишни из сада. Сбоку — истерзанная Каштанка. На плече сидит чайка...

— Обычно на плече сидит попугай, — пробурчала Люба.

— У художника думают руки, — резюмировал мастер и, легким движением прикоснувшись к плечам женщин, словно извиняясь, отошел к кому-то из гостей.

— Ну что, берем? — усмехнулась Варя.

— Да ладно издеваться! — От встречи с искусством Любино настроение ни-

чуть не улучшилось.

Они двинулись вдоль стен, рассматривая бюсты с прикрепленными табличками, на которых значились имена известных людей. Без этих пояснений подруги вряд ли узнали бы, с кого лепились оригиналы, — во многих случаях сходство оказывалось довольно слабым.

— Не могу, — сказала Люба, — тихо схожу с ума. У меня навязчивая идея. Все время думаю, почему Вова не стал на Инке жениться. Вчера позвонила его родителям и нарвалась на его папашу.

— И что?!

— Ему лечиться надо! Честное слово! Он заорал, что не хватало еще, чтобы его сын лез в петлю в столь раннем возрасте! Достаточно того, что он сам, то есть папаша, совершил такую ошибку и теперь расплачивается.

— Слушай, ну и семейка... Представляешь, куда бы Инка попала...

— Вот именно! Сказал, что все бабы — шлюхи и стервы. И пусть лучше Вова гуляет направо и налево — такое нес, я пересказать не могу. Я так поняла, что родители у Вовы разводятся и не могут поделить имущество. Папаша кричал, что жена, которая ни дня не работала, хочет у него все отнять и типа наша Инка тоже подобное задумала. Нужно нам их имущество! Папаша-то у них — мужик видный. Наверное, нашел себе другую... Деньги мужчин портят, им сразу хочется все старое заменить на новое.

— Вам не скучно у нас? — Около подруг опять образовался Гавриил с широкой улыбкой на лице. — Что обсуждаем?

— Как обычно, мужчин, — ответила Люба. — Почему они ориентированы только на молодых девушек? А нам что делать?

— Какая глупость! — Улыбка на лице скульптора сменилась гневным возмущением. — Это стереотип! Вам только кажется, что мужчины увлекаются молоденькими. Ну чем могут быть привлекательны всякие юные модели? — Он даже покрутил головой, словно отгоняя от себя неинтересный ему образ. — Привлекает та, у которой есть опыт! Чем больше у женщины было мужчин — тем богаче опыт. Пусть ей пятьдесят! Но у нее горят глаза...

Выдав свою тираду, он вернул радушную улыбку на лицо, опять слегка прикоснулся к плечам подруг и отвлекся на девушку, в которой чувствовалась хозяйка вечеринки. Она тихо, по-домашнему распоряжалась всем, включая самого Гавриила.

— Или жена, или любовница, — всмотрелась в нее Люба. — Сколько ей лет, как ты думаешь?

— До тридцати, — уверенно ответила Варя.

— Что же он себе не выбрал пятидесятилетнюю, у которой глаза горят? — Люба становилась агрессивной. — До чего же мужики двуличные! Говорят одно, а делают прямо противоположное. Мне Вовину мамашу даже жаль. Хоть она и явная стерва, но, когда мы были у них в гостях, мне показалось, что ее там за человека не считают. Такая, знаешь, птичка в золотой клетке. Накрыл платком — она молчит. Открыл — что-то вякнет. При этом она изо всех сил пытается продемонстрировать свою значимость. Жалкое зрелище.

— Вот видишь: что ни делается — все к лучшему! Наверняка у Вовы — все замашки его папаша! Яблоко от яблони... Сама ведь знаешь.

— Все за стол, — захлопотала молодая хозяйка мастерской.

Народ пополз занимать места.

— Может, домой? — неуверенно предложила Варя. — На нас ведь не считывали.

— Раз в жизни в люди вышли — и домой?!

Любе уходить не хотелось. Дома ее подстерегали все те же мрачные мысли, от которых нужно было куда-нибудь убежать.

— Я, кстати, думала, что у художников в мастерских — полный бедлам, все замазано краской, глиной и чем-нибудь еще. А тут так чисто и уютно. Остаемся! Нас ведь не выгоняют.

Будто заметив их сомнения, молодая хозяйка помахала им рукой и показала на пустые стулья.

Они расположились за столом, и им выдали по бумажному стаканчику, наполненному дешевым красным вином.

— Друзья! — сказал Гавриил Панюков. — Давайте выпьем за то, чтобы люди умели быть благодарными. Если мы этому научимся, то нам повезет в жизни. Когда-то я приехал в Москву без денег, без связей, но встретил людей, которые мне помогли. И сейчас я могу помочь им.

Все зааплодировали.

Выпив, Варя посмотрела на публику. Преобладали молодые девушки. Ученицы, которым мастер стремился помочь, или поклонницы? Их разбавляли несколько мужчин среднего возраста, двое из которых сидели как раз напротив и спорили на сложную философскую тему — как достичь в этой жизни гармонии.

— Гармоничный — это когда все нормально с гормонами, — пошутил один, похожий на журналиста Дмитрия Захарова из давно закрытого «Взгляда».

Люба с Варей дружно засмеялись шутке, и лже-Дмитрий оценил их «правильную» реакцию. Он сразу переключил свое внимание на подруг.

— Раньше я вас здесь не видел, — сказал он. — Вы — художницы?

— Что вы! — отмахнулась Люба. — Мы, собственно, случайно сюда попали.

— Здесь все случайные, — скептически отметил лже-Дмитрий. — А вы чем занимаетесь?

— Я преподаю в школе музыку, Варя — по коммерческой части... А вы?

— Поэт, художник... В одном лице. — Он перестал жевать бутерброд. — Меня зовут Валентин.

— Очень приятно. Люба. А что вы как художник делаете?

— В смысле? — не понял Валентин.

— Занимаетесь живописью? — пришла на помощь Варя. — Или, например, мебель расписываете?

— Я специализируюсь на пейзажах, портретах, — с достоинством ответил Валентин.

— И продаете? — с надеждой спросила Люба.

— Конечно. Причем недорого. Могу и на заказ, — Валентин очень оживился. — Интересуетесь?

— Портретами — нет. Я ищу что-нибудь для домашнего интерьера.

— Хотите посмотреть мои работы?

— С удовольствием.

— Я напишу вам свои координаты. Позвоните, когда удобно, договоримся. — Валентин засуетился, разыскивая в своей барсетке бумагу и ручку. — Вот, — протянул он адрес и телефон.

— Надо же! — удивилась Варя, заглянув в бумажку. — Вы живете в одном доме с нашей подружкой. Ну то есть она там уже не живет, уехала из Москвы, но квартира осталась.

— Мир так тесен! — сказал Валентин. — Так я жду вашего звонка!

Его окликнула какая-то девушка. Она стояла, застегнутая на все пуговицы, и недовольно смотрела на поэта-художника, ведущего оживленную беседу с неизвестными женщинами. Видимо, она собралась уходить, и ей не нравилось, что Валентин этого даже не замечает.

— Наверное, жена, — предположила Люба, когда поэт-художник засеменил в сторону девушки. — Взгляд собственницы. — Она взяла с тарелки очередной бутерброд, налила в бумажный стаканчик еще вина и сказала Варя: — Кажется, ко мне вернулся аппетит. Последнее время я совсем не могла есть.

— И на здоровье. — Варя придвинула ближе к Любе какой-то салат в пластмассовой чашке. — Представляешь, не могу найти ключ от Женькиной квартиры. Как сквозь землю провалился! Ума не приложу, куда он мог деться! Все перерыла. А мне квартиру надо клиентам показывать! Что делать?

— Вскрывать и новый замок ставить, — с переполненным ртом предложила Люба. — Что тут думать?

— Там дверь металлическая. И замок какой-то сложный.

— Я знаю! — вскрикнула Люба, опустошив салатницу. — Надо Гавриила попросить! У него же ручки золотые. Вон какие статуи ваяет! Что ему примитивный замок открыть? Эх, жаль, Валентин ушел...

Словно чувствуя, что он нужен Варя с Любой именно в этот момент, Гавриил оказался около подруг.

— Все нормально? — спросил он.

— Гавриил! — с места в карьер рванула Люба. — Вы — такой умелый человек. А дверь без ключа открыть можете?

Мастер не сразу понял, о чем его спрашивают. Но улыбка медленно сползла с его лица.

— Простите? Какую дверь?

— Моя подруга, — Люба пальцем ткнула в Варю, — потеряла ключ. Теперь она не может попасть в квартиру.

— А Варя живет одна? Больше ни у кого нет хотя бы запасных ключей? — Лицо Гавриила выражало напряжение и подозрительность.

— В том-то и дело. Знаете, долго объяснять. Варя живет не одна, с семьей. Но квартира — не ее, а нашей приятельницы, которая переехала в Германию и попросила жилье продать. А Варя потеряла ключ.

— И вы хотите, чтобы я пошел и открыл дверь?

— Да! — обрадовалась Люба. — Я подумала, что вам это по силам.

— Но я не вскрываю чужие квартиры, — Гавриил нахмурился. — Мы с вами для этого недостаточно знакомы.

— Мы можем...

— Подождите, — остановил Гавриил Любу. — Даже если бы я согласился, то это не так просто сделать. Дверь металлическая?

— Да.

— С распорками?

Люба посмотрела на Варю, а та пожала плечами.

— Какая разница? — спросила Люба.

— Большая, — назидательно ответил Гавриил. — Если без распорок — можно просверлить замок дрелью. Если с распорками, то надо болгаркой спиливать петли. И то не поможет. Придется проем выламывать.

— Новый замок надо покупать? — проявила сообразительность Люба.

— А как вы думаете? — иронично усмехнулся Гавриил.

— Так вы нам отказываете?

— Ну, — скульптор помялся, — я, конечно, могу посмотреть. Но ничего не обещаю.

И с возгласом «дорогой мой!» он бросился к какому-то мужчине, который вошел в мастерскую. Видимо, это был желанный гость. Или Гавриил нашел повод, чтобы убежать от странных женщин, пристающих к нему с сомнительными просьбами.

— Я тут в одной газете читала интервью с Анжеем Вайдой, — посмотрела вслед скульптору Люба. — Так вот, он сказал, что героем нашего времени может стать Женщина. Потому что именно мы ответственней, мудрей и во всех отношениях лучше. Заметь, он это не перед Восьмым марта произнес. И он прав. Мы вечно должны рассчитывать только на себя. Кстати, — осенило Любу, — чего мы кого-то просим, если у нас собственные мужики есть. Неужели твой Серега не может этой дверью заняться?

— Ой, у него депрессия. — Варя представила, как разворчится муж, если она обратится к нему сейчас с подобной просьбой. — Эти проблемы с работой... Да он и не сумеет. И потом, мы с ним почти не разговариваем.

— Тогда я Генке скажу. Пусть съездит и посмотрит, что там сделать можно. И чего я, правда, к Гавриилу привязалась? Неудобно получилось. Нас встретили, накормили, напоили, а мы — здрасте вам! — требуем от незнакомого человека квартиру вскрыть. Черт-те что, бедняга, подумать мог! К тому же я ничего у него не покупаю. Свинство сплошное. Надо сваливать отсюда. — И Люба бочком продвинулась к выходу, потащив за собой Варю.

— Вы уходите? — Хозяйка мастерской заметила их маневр.

— Спасибо вам за все, — прощепетала Люба. — Мы получили несказанное удовольствие.

На улице совсем стемнело, но вечер был теплый. Весенний воздух рождал благодушное, доброе настроение. И подруги решили немного пройтись.

— Вот как они живут? — рассуждала по дороге Люба. — Постоянно народ, вечеринки, открытые для всех двери... Неужели не устают от этого? И когда Гавриил успевает работать? Мне всегда казалось, что художнику надо запереться в четырех стенах, никого не видеть и не слышать, ни на что не отвлекаться, чтобы воплотить свою идею в бронзе или гипсе. Он же растрчивает собственную энергию, которую надо в себе собирать и всячески экономить.

— Творческие люди, — сказала Варя, — нам их не понять.

— А к Валентину ходим, — решила Люба. — Я чувствую, что у нас с ним схожая энергетика. Значит, он должен писать картины, которые мне понравятся.

— Выберемся как-нибудь, — неопределенно ответила Варя.

Глава шестая

Геннадий взял выходной. Он сидел в своей машине напротив закрытых ворот, выкрашенных в коричневый цвет и закрывающих от посторонних глаз небольшой серый дом с мансардой и балконом. Геннадий не был уверен, что поступает правильно, и потому нервничал. Пепельница наполнилась окурками, и он, открыв дверь, выбросил их прямо под колеса автомобиля. Обычно он так не поступал. Люба даже подсмеивалась над тем, что ее муж — невозможный аккуратист и ищет урну даже там, где ее априори не может быть. Но сейчас Гена отступил от своего правила: он боялся, что пропустит того, кого ждал, — ненавистного ему жениха дочери.

Вова жил дома. Это Геннадий знал точно. Вот только Воино расписание определить было невозможно. Такой бездельник, как он, мог и сутками не вылезать из четырех стен. Он работал, как говорила Инна, у своего папаши. Но тот, видимо, ничего от сына не требовал, если позволял сыночку никуда не ходить.

Он бы, Геннадий, с такого отпрыска три шкуры содрал! Его Инка — девушка, а постоянно трудится. Она подрабатывала даже тогда, когда училась в институте: репетиторством, официанткой. А сейчас устроилась в престижный банк, в кредитный отдел, получает там семьсот долларов. Сама нашла это место, два месяца — во время испытательного срока — работала совершенно бесплатно. И ведь добилась, чтобы ее взяли. Инка вообще серьезная, целеустремленная. И надо же было ей связаться с таким козлом!

Геннадий даже не знал, что он скажет Вова. Но просто так проглотить обиду, нанесенную его дочери, не мог. Инка страдала. А его как отца ее переживания задевали вдвойне.

— Папа, — спросила она на днях, — а что может заставить мужчину жениться? Какой надо быть, чтобы он от тебя никуда не делся?

Геннадий испугался. Что-то очень не понравилось ему в этом вопросе.

— Ну, беременность, — неуверенно сказал он. — Или там любовь...

— Любовь, — засмеялась Инна. — Смешной ты, пап.

— Да? — обиделся Геннадий. — А ты сама как думаешь?

— Хитрость, шантаж. Или парень видит, что получит от будущей жены какую-то выгоду. Скажем, ее родители богаты или занимают влиятельные посты и могут сделать ему карьеру.

Раньше Инна не была столь циничной.

— Не хотел бы я, — сказал Геннадий, — чтобы меня заманивали в какие-нибудь сети и строили ловушки.

— А как ты на маме женился?

— Я в нее влюбился. У нее было такое темное платьице с белым воротничком, и она казалась... — он подбирал слово, — неземной.

Инна промолчала. Иногда она вдруг уходила в себя, словно отгораживаясь от собеседника.

Геннадий поерзал и предложил:

— Давай тебе тряпок новых купим. Хочешь?

— Хочу, — кивнула Инна.

И они поехали в «Мегу» — крупный московский торговый центр, где Геннадий часа четыре ходил с дочерью по бутикам, таская за ней пакеты с покупка-

ми. Он терпеть не мог подобные занятия. Более того, еще недавно его страшно раздражала в Инне ее манера одеваться — этот голый живот, немыслимые брюки, облезлые кофтенки, все какого-то грязного цвета... Он возмущался, а никто его не слушал. Но теперь, видя, что дочери доставляет удовольствие выбор подобного барахла, стоически терпел и оплачивал покупки без всяких комментариев. Потом они тут же перекусили и, оставив пакеты в машине, купили билеты в кино на американскую комедию. Инна ни разу за это время не вспомнила о Вова. Но Геннадий замечал, какими печальными вдруг становились ее глаза, как затуманивался взгляд. Ему хотелось схватить дочь в охапку, встряхнуть изо всех сил и привести в чувство. Неужели она не понимает, что найдет себе другого?!

Вова ему не нравился с самого начала. Была в нем какая-то неискренность. И еще — ощущение собственной значимости, ни на чем, впрочем, не основанное. Он вел себя так, словно был пупом земли. А все остальные — обслуживающим его персоналом...

Геннадий закурил очередную сигарету и вспомнил о том, что обещал Любе посмотреть дверь в Жениной квартире. Вечно супруга лезет туда, куда ее не просят. Если Варя потеряла ключи, то пусть ее муж и поможет с этим разобраться! У него же своих дел навалом. Почему его можно эксплуатировать по каждому поводу, а Сергея — нельзя? Станный тот все-таки мужик, некомпанийский. Сколько раз Геннадий приглашал его в баню! Они с ребятами выбирают хотя бы раз в месяц, и как это здорово — попариться, выпить пивка, потрепаться о том о сем в мужской компании. Но у Сергея каждый раз находились причины, чтобы не прийти. То ли слишком крутым себя считает, и такие чиновники средней руки, как Геннадий, ему не пара, то ли какие-то другие причины.

Варя, его жена, — другое дело. Она и душевная, и внешне симпатичная. Сколько лет они с Любашей знакомы? С пеленок, наверное, потому что их матери вместе работали, дружили, таскали везде дочерей за собой. Девчонки так привыкли друг к дружке, что стали как сестры, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте.

Геннадий так задумался, что чуть не пропустил человека, вышедшего из калитки дома. Тот остановился, посмотрел на незнакомую машину, достал пачку сигарет... Повезло! Это был Вова собственной персоной. Его самодовольная физиономия не выражала никаких угрызений совести. Геннадий выскочил из машины и буквально в два прыжка очутился рядом. Тот не успел даже прикурить и, узнав в прытком мужчине, выросшем перед ним, несостоявшегося тестя, испуганно дернулся, выронив сигареты на землю.

— Ну что, Вова... — медленно произнес Геннадий. — Вот и встретились.

— Что вы хотите?! — судорожно выкрикнул парень.

— Тебя мало убить, такого уroda... — Гена выругался матом. — Ты, кажется, до сих пор не попросил прощения у Инны? Тебе придется делать это всю жизнь! Или ты рассчитывал, что, как шкодливый кот, убежишь в кусты и ничего тебе за это не будет? Ты думал, что за Инну некому вступиться? Но у нее пока еще есть отец!

— Вы не понимаете! — взвизгнул Вова и попятился к калитке. — Я не хотел, меня на аркане тащили в загс. Инка слушать ничего не хотела... Я понял, что ее не люблю!

— А ты не мог, трусливый ублюдок, сообщить ей заранее о своем открытии?! — Геннадий развернулся и врезал кулаком Воле в челюсть.

Тот пошатнулся, схватился за скулу, сделал два шага назад.

— На помощь! — истошно завопил он. — Мама!

Геннадий почувствовал страшное облегчение. Должен остаться синяк. И Вова, покрываясь сначала синим, а потом желтым цветом, еще неделю будет помнить об их встрече.

— Не извинишься перед Инкой — получишь еще! — сказал Геннадий и пошел к машине.

Заходя свою «дэу», он заметил, как открылось окно мансарды и в него высунулась женщина. Наверное, Вовина мать, которую тот призывал на помощь.

«Поздно», — подумал Геннадий и вырулил с обочины.

Впервые за последнее время у него стало легко на сердце. Та тяжесть, что лежала огромным грузом и не давала спать, исчезла. Да, он всего лишь дал по морде этому хорьку, но зато почувствовал себя мужчиной, который способен постоять за своих женщин. Не хочешь — не женись, но зачем поступать столь подло, причинять такую боль? Надо было еще поставить вопрос о возмещении убытков, которые понесла их семья. Как он забыл об этом? Пусть бы Вова покрутился, узнал, как зарабатываются деньги, о которых он и не вспомнил, решив не являться на свадьбу.

Геннадий свернул на Дмитровку, в сторону Жениного дома. Так и быть, он посмотрит эту дверь. Люба потом в благодарность за исполненную просьбу станет ходить вокруг него кругами и восхищаться способностями мужа. Геннадий обожал такие моменты, жена не только становится ласковой, но и старается приготовить что-то особенное. Хотя... Геннадий хмыкнул, потому что вспомнил любимую шутку своего приятеля: если женщина думает, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, то она метит слишком высоко.

А ведь со всех сторон сегодня кричат о женской самостоятельности! Да ни одна из них не может прожить без мужика! Сколько мелочей вокруг, которые женщина просто не способна сделать, как бы она ни кичилась своей независимостью. Любаша с Инкой только слезы льют от обиды, а приструнить этого Вову силенок не хватает.

— Козел, — сплюнул Геннадий.

Он долго крутился, потому что никак не мог найти место для парковки. Двор был узким, совершенно не приспособленным для того, чтобы поставить автомобиль. Пришлось сделать это со стороны улицы.

Раньше Геннадий, бывая вместе с женой в гостях у Женьки, не обращал внимания на то, какая дверь у нее установлена. Сейчас ему хватило одного взгляда, чтобы понять: никаких особых проблем с ней не будет. Женщины! Внутри устроила дворец, а снаружи поставила дешевку из тонкого металла.

С чувством выполненного долга он пошел вниз по лестнице, пропустив женщину, идущую навстречу. И вдруг остановился, замер от знакомого звука, который обычно производил ключ, поворачиваясь в замочной скважине. Он поднял глаза и увидел, что женщина стоит у Женькиной двери.

— Минуточку! — крикнул Геннадий и взлетел через ступеньки вверх.

Женщина испуганно смотрела на него. Была она высокой, хорошо одетой, красивой и никак не напоминала налетчицу.

— Кто вы и откуда у вас ключ? — грозно спросил Геннадий.

— А вам какое дело? Кто вы такой? — Женщина оглянулась по сторонам, словно искала чьей-то помощи.

— Это моя квартира, — вылетело у Геннадия.

— Врете, — уверенно сказала женщина. — Это квартира моей подруги.

— Жени? — уточнил Геннадий.

— Вы ее знаете? — успокоилась женщина. — Наверное, ищете? Но она уже несколько лет живет в Германии. А я тут... присматриваю.

— Вон оно что, — присвистнул Геннадий и мысленно обругал бестолковую жену с ее столь же бестолковой подругой.

Хорош бы он был, если бы прямо сейчас приволок инструменты и принялся за работу. Объясняйся потом в милиции! И что бы подумала о нем эта женщина, подруга Женьки? Она и так, бедная, вся перепугалась — вырос над хрупкой женщиной здоровый бугай! Геннадий знал, какое впечатление производил он на людей своими ста двадцатью килограммами. Любаша смеялась, что они вместе смотрятся, как Карлсон с Дюймовочкой. Неправильно он все-таки ответил на вопрос дочери, почему выбрал в свое время именно ее мать. Конечно, воротничок сыграл свою роль. Но, главное, ему как каждому большому мужчине, нравились миниатюрные создания.

— Извините, что испугал вас. — Он чувствовал себя крайне неловко перед незнакомкой и хотел как-то реабилитироваться. — Может быть, я запишу ваш телефон?

— Зачем? — Собеседнице предложение не понравилось.

— Ну, — смутился Геннадий, — на всякий случай.

— Конечно. — Ее напряжение неожиданно прошло.

Женщина достала из сумочки ручку, оторвала от какого-то листка клочок бумаги, написала номер и протянула Геннадию:

— Пожалуйста.

Они обменялись улыбками, и Гена, быстро спустившись, пошел к машине.

...Люба, выслушав отчет мужа о прошедшем дне, долго выпрашивала подробности стычки с Вовой. Ее пугали последствия. Вдруг Вова подаст за избивание в суд? Или его ненормальные родители устроят свою охоту на Генку и отделают его так, что ни одна больница не примет? Почему он об этом не подумал? Почему не посоветовался с ней? Что за манера решать проблемы с помощью кулаков? Он ведь интеллигентный человек! Чиновник! Неужели до сих пор не научился работать с людьми? А если Вовина семейка начнет писать кляузы на Генкину работу? Вряд ли его похвалят за такую распущенность в быту!

Геннадия этот словесный поток жены просто выводил из себя. Подумаешь, слегка двинул парню в челюсть! Так ведь за дело! Надо совсем не иметь совести, чтобы после всего, что тот сотворил, еще качать какие-то права. Зачем Люба себя накручивает на пустом месте?

— Есть вещи, — жестко обрубил Геннадий, — по которым с женами не советуются.

Люба замерла. Она поняла, что несколько переборщила, и резко переменила тему.

— Выходит, — сказала она, — что Женька нам не доверяет. А мы тут суедемся... Что за запасные варианты с неизвестными подругами? Не ожидала от

нее. Да и Варя хороша: ну потеряла ключ, скажи об этом Женьке — не съест же. Ладно, давай телефон. Передам Варе, пусть разбирается. А я умываю руки. Тебя вот заставила время тратить. — Она подошла к насупленному мужу и обняла его: — Ну и правильно, что показал Вова где раки зимуют. Зря я на тебя обрушилась. Не обижайся... Пусть знает...

— Ладно, — буркнул Геннадий. — Вечно ты на меня наезжаешь. Я уж привык.

— И что бы мы без тебя делали? — игриво защebetала Люба, поглаживая мужа по голове. — Герой ты наш!

— Мама!

В комнату вбежала Инна — взбудораженная, с трубкой в руке и мокрыми щеками.

— Папа! — добавила она, увидев отца. — Вова звонил! Он просил прощения! Сказал, что недостойн меня, что ему стыдно за его поступок, что он никогда не встретит никого лучше меня!

Геннадий торжествующе посмотрел на жену.

— Мне стало его так жалко, — захлебывалась словами Инна. — Ведь он на самом деле хороший человек, добрый. Просто слабохарактерный. Родители его совершенно задавили, с раннего детства шагу не мог ступить без их окриков. Что мне теперь делать? Он предлагает снять квартиру и жить вместе.

— С ума сошла?! — Геннадий, как пружина, вскочил со стула. — Пошли его подальше и забудь!

— Инна, два раза в одну реку не вступают, — поддержала мужа Люба.

— Глупости какие, — поморщилась Инна. — Вечно вы откуда-то свои заплесневелые мудрости вытаскиваете!

— Мы и сами, по-твоему, давно плесенью покрылись? — возмутился Геннадий.

— Я этого не говорила!

— А ты знаешь, — вступилась Люба, — что отец сегодня виделся с Вовой, дал ему по морде и потребовал, чтобы он перед тобой извинился?

— Правда? — Инна посмотрела на отца.

Геннадий кивнул, расправив плечи.

— Как ты мог? — медленно сказала Инна, уничтожая отца презрительным взглядом. — Ничего не сказав мне? Почему вы лезете в мои дела?! Это моя личная жизнь! Я сама в ней разберусь!

— Ничего себе! — повысила голос Люба. — Ты наша дочь, ты живешь с нами! Ты совершаешь ошибки. И нас это не касается?

— Я взрослый человек! И не хочу, чтобы отец бегал бить моих парней!

Геннадий опешил. Он ждал, что ему хотя бы скажут «спасибо». И уж никак не предполагал, что его дочь станет жалеть человека, который так с ней поступил. Да она окончательно потеряла девичью гордость! Кажется, Инна после всего, что было, даже не против жить с этим уродом?!

— Если ты снова будешь с ним встречаться — я больше не хочу тебя видеть! — вырвалось у него.

— Прекрасно! Я давно подозревала, что вам не нужна! И, если хотите знать, вы пугаете людей! Вова так мне и сказал...

— А мы что, похожи на монстров? — Люба еще не потеряла самообладания. — Сядь и послушай. Тебе сейчас тяжело, и мы это понимаем. Но не надо

делать врагов из собственных родителей. Нам тоже нелегко. Подумай своей башкой, что ты тут несешь? Обижаешь отца, который за тебя же вступился. Прекрати свои истерики по поводу Вовы, если ты действительно взрослый человек. Он уже тебя предал однажды и теперь не остановится. Случится серьезная жизненная ситуация — опять в кусты спрячется.

Инна заплакала — громко, надрывно.

— У нас есть водка? — спросил Геннадий.

— Там, на кухне, — устало махнула рукой Люба и крикнула мужу вслед: — Только лучше возьми что-нибудь успокаивающее! Посадишь себе печень этой водкой!

Глава седьмая

— Я только что из больницы, — объявила Женя. — Мне сделали операцию. — Что случилось?! — Варя как раз доваривала борщ и от услышанной новости вместо щепотки перца высыпала в кипящую жидкость целый пакет.

— Сначала думала, что желудок болит. — Голос у Жени был тем не менее бодрым. — Потом решила, что сердце. Пошла к домашнему врачу. Здесь такая система: сам выбираешь доктора. Я рассказывала?

— Нет. — Варя попробовала борщ: кошмар!

— Я подумала: главное, чтобы врач был близко к моему дому. И мой принцип оказался правильным! Не надо к черту на кулички ездить. Здесь знаешь, какой транспорт дорогой! Так вот, пошла я к этому своему семейному врачу, он сразу сделал ультрашаль и сказал, что у меня камни в желчном пузыре. Быстро в больницу отправили, день готовили к операции, а удаляли зондами. Через четыре дня выписали.

— А сейчас-то, сейчас как? — Прижимая к уху трубку, Варя пыталась ложкой вылавливать лишние перчинки, что плохо удавалось, хотя перец и был крупного помола.

— Отлично! Сегодня уже на велосипеде каталась! Ох, Варька, лежала как в лучшем санатории! Не скажу, что медицина здесь и в России — как земля и небо! Нет! Это земля и космос! Обслуживание — просто сказка! Ни косога взгляда, ни хамства. Везде кнопки, пульта. Чуть не так — приподнимут, повернут. Все время спрашивают, все ли хорошо, не болит ли чего. При этом еще дали такой, знаешь, патрон: что-то забеспокоило — сам нажал и впрыснул себе лекарство. Извини за подробности, — Женька совсем развеселилась, — но в туалет за ручку водят, крышку поднимают, сажают и только потом удаляются! Причем строго следят, чтобы все у тебя вовремя получалось. А ко мне был представлен медбрат!!! Думала, кстати, похудею хоть немного. Так нет! Мало того что кормили вкусно, так еще спрашивали постоянно: вам какой чай — обычный, зеленый, мятный, ромашковый? А может быть, кофе?

— Здорово! — Варя достала ситечко и пыталась с его помощью остановить полное проникновение плавающих наверху перчинок в борщ. — А я сейчас регулярно в стоматологическую клинику хожу — зубами занялась. Тоже, знаешь, суперобслуживание. Клиника, конечно, частная. Целое состояние там уже оставила. С ужасом каждый раз жду, сколько насчитают.

— И мне должны прислать счет на сорок евро.

— Всего?! — Ситечко чуть не упало у Вари обратно в кастрюлю.

— Объясняю, — деловым тоном сказала Женя. — Операцию, пребывание в клинике оплачивает полностью больничная касса. Но десять евро в день каждый пациент вносит сам. Надеюсь, что мне, как человеку бедному, их социалка покроет.

В трубке раздались громкий рев ребенка и визгливый лай Жениного пинчера.

— Что там у вас происходит?! — Варя приостановила эксперимент с ситечком, который давал слабые, но результаты.

— Николка дергает за хвост Сеньку, а он этого терпеть не может, — ответила Женя и тут же проворковала в сторону внука: — Возьми виноградинку. Или

бананчик. Что хочешь?

Ребенок замолчал, занявшись, видимо, фруктами, а Женя вернулась к медицинской теме.

— Вообще-то тут всякие ограничения сейчас вводят. Раньше, например, домашний доктор нас обслуживал бесплатно. А теперь надо раз в квартал платить ему десять евро. И с лекарствами тоже... Мы еще до конца с этим новым социальным страхованием не разобрались. То ли до семидесяти евро лекарства будут оплачивать, то ли, наоборот, после семидесяти...

— А я знаешь, о чем думаю? — Варя потрогала коронку, которую ей только что поставили. — Вот говорят, что раньше хорошо было. Но ты вспомни, как нам лечили зубы? Мало того что за номерком надо было чуть ли не с пяти утра очередь занимать! Так ведь никакого обезболивания не делали! Ну неужели в стране новокаина не хватало? Ведь детей за руки держать приходилось! Такой стресс! А аборт? Даже их не обезболивали! Я это своему стоматологу сказала. А она вспомнила, как на втором курсе они заучивали последовательность действий. В любом старом учебнике было написано, что прежде всего делается анестезия. А когда пришли зачет сдавать, им преподавательница говорит: вот еще, с ума сошли, какая анестезия, потерпят десять минут. Вот такое чудное отношение к человеку!

— И не говори! — согласилась Женя.

— А про Полинку чего молчишь?

— Да все хорошо! — Женя на том конце провода поплевала через плечо. — Николка обожает нового папу. Везде хвостиком за ним бегают, а тот его и моет, и спать укладывает. Нарядоваться не могу. Полина ездила знакомиться с его мамой. Я рассказывала тебе про нее? Это же отдельная история. Понимаешь, она растила сына одна, без отца. Когда он десять лет назад уехал в Германию, мамаша тосковала, регулярно ездила его навещать. И он решил ей личную жизнь устроить. Обратился в бюро знакомств. Каждый раз во время ее приезда приводил на смотрины местных бургеров. Мамаше никто не нравился. К тому же она немецкий не знала. Ну и взмолилась: мол, хватит, не знакомь меня больше ни с кем, не хочу, не буду. Сын согласился, но у него оставалась одна договоренность о встрече, и он попросил: в последний раз. Так вот! Последний раз оказался удачным! Мамаша два года назад вышла замуж и теперь как сыр в масле катается. Бургер оказался состоятельным, с собственным домом. Везет же некоторым...

Женя завистливо вздохнула.

— Пусть и тебя пристроит... Ну раз у него такой удачный опыт, — Варя закончила вылов перца и теперь вновь производила пробу.

— Он и говорит: теперь за вас возьмусь. Только это, мол, долгий процесс, непростой. А мне кажется, — в Женином голосе поубавилось оптимизма, — что я ни с кем не уживусь. Слишком давно одна... Да, как там с квартирой дела продвигаются?

— У нас здесь однокомнатные влет уходят, двухкомнатные тоже — в общем, недорогие. На твою тоже есть желающие, но пока думают, — Варя помедлила. — Жень, скажи, пожалуйста, ты еще кому-нибудь ключи от квартиры оставляла?

— Только тебе. А почему ты спрашиваешь? Что-то случилось?

— Нет-нет, — торопливо ответила Варя. — Просто Генке, когда он мимо про-

езжал, показалось, что в квартире свет горит. Скорее всего, окна перепутал.

— Ты проверь на всякий случай, — заволновалась Женя. — Может, там бомжи какие вселились?

— Конечно, сегодня же, — пообещала Варя. — Ты не волнуйся. Зря я спросила. Явно Генка перепутал. Он, наверное, вообще забыл, где ты жила.

Варя положила трубку. Борщ был вполне съедобен, хотя и островат. Но если положить побольше сметаны...

Значит, никакой подружки с ключами не существует. Может быть, она нечаянно выронила ключ, а кто-то подобрал? Но ведь на нем не было адреса. В любом случае воровать там нечего. Мебель распродана. Никто не будет обои со стен срывать! Варя взяла листочек с номером телефона незнакомки, который передал ей Гена, и позвонила.

— Алло, — раздался приветливый женский голос, — фирма «Гелиос» слушает.

— Извините, — Варя растерялась.

Своего имени посетительница Жениной квартиры не написала.

— Я ищу одну женщину, у которой подруга уехала в Германию. Она оставила этот телефон и попросила позвонить, а ее имени я не знаю.

— Вы уверены, что правильно набрали номер? — засомневался голос.

Варя вслух прочитала цифры.

— Да, это наш телефон. Так я не поняла, что вы хотите?

— Как бы объяснить? — соображала Варя. — У вас работает одна женщина. Она указала ваш номер. Мне она срочно нужна. Она высокая, лет тридцати, у нее подруга эмигрировала в Германию.

— Все-таки вы, видимо, что-то неправильно записали.

— Все правильно! — давно Варя не попадала в такие глупые ситуации. — У вас есть такие работники, чтобы у них подруга...

— Девушка, — прервал Варю приятный голос, — нет у нас женщин с подругами в Германии. У нас вообще сугубо мужской коллектив. Понимаете? На всех — две женщины: я и бухгалтер, но бухгалтеру за пятьдесят, а мне двадцать два. Так что не там ищите.

— Странно, — сказала Варя.

— Более чем, — согласилась сотрудница «Гелиоса» и отключилась.

Некоторое время Варя приходила в себя после этого разговора. Последние дни она чувствовала дикое напряжение. Глупая история с ключами выбивала ее из привычной колеи. Но главной причиной была не она, а какой-то разлад в ее семье. Каждый существовал отдельно, сам по себе. Муж был весь погружен в неприятности на работе. С дочерью, которая еще недавно делилась с матерью своими девичьими тайнами, Варя перестала находить общий язык. Жанна отделялась односложными «да» и «нет», где-то пропадала и по-прежнему даже не открывала учебники.

— Как можно учиться на филфаке и ничего не читать? — спросила ее однажды Варя.

— Что ты волнуешься? — Жанна пожала плечами. — Я все сдам.

— Но как? — не отставала Варя.

— А как я сдала зимнюю сессию?

— Тогда ты старалась, учила, сидела над книжками до двух часов ночи!

— А другие, мама, книжек в глаза не видели, но все равно все сдали.

— Ничего не понимаю! Что за университет у вас такой? Что тогда надо сделать, чтобы не сдать экзамен?

— Не ходить в институт, не знать преподавателя в лицо и чтобы он тебя ни разу не видел. А я все-таки на занятиях бываю.

Варя решила вести себя с дочерью жестко.

— Хватит гулять, — объявила она. — Сиди и занимайся. В конце концов, мы платим огромные деньги за твою учебу.

Но через полчаса Жанна нарисовалась при полном параде и макияже.

— Куда?! — вскинулась Варя.

— В книжный. Мне нужно купить учебник.

Вернулась Жанна спустя шесть часов с пустыми руками.

— Что мне с ней делать? — пожаловалась Варя Любе.

— Моя в свое время все в библиотеку ходила. Много читала, — вспомнила та. — Я сильно радовалась. Особенно по поводу того, что библиотеки так по-долгу работают. Потом, правда, любовь к чтению оказалась мнимой. Как оказалось, она даже не была записана в библиотеку, а торчала с подругами в ближайшем баре. Возраст такой! Нужно просто его перетерпеть.

Варю этот совет не успокоил.

Женщин она делила на две категории: тех, у кого на первом месте были дети, и тех, для кого самым главным существом на свете являлся их мужчина. Себя она долгое время относила к первой группе.

С рождением дочери Варя поняла, в чем смысл жизни. Прижавшись к этому маленькому человечку, такому нежному, принадлежащему только ей, во всем зависящему от нее, она легко засыпала и видела только светлые сны. Даже мужа Варя порой воспринимала как помеху в ее общении с ребенком. Он отвлекал, требовал внимания к себе. А она уставала, у нее не хватало сил — все они уходило на то, чтобы дочь была здорова, ухожена, накормлена... Варя читала всякие пособия для матерей, следовала им. Она погрузилась в этот мир воспитания ребенка с головой, растворилась там без остатка. И удивлялась, что муж не разделяет ее бесконечной восторженности, не понимает, что их дочь должна расти, окруженная родительской любовью. У нее даже возникала мысль, что женщине совсем не обязательно иметь мужа, когда у нее есть ребенок.

Любимыми магазинами для Вари на многие годы стали детские. Она скупала все подряд на самые последние деньги — одежду, игрушки, сладости, не отказывая единственной дочери ни в чем. Уже тогда было понятно, что Жанночка вырастет большой модницей. Если Варе требовалось занять дочь, она открывала ей платяной шкаф, выдвигала ящики и сажала ребенка рядом. Часа три можно было не беспокоиться. Носки, трусы, майки маленькая Жанна помещала себе на голову, кое-как просовывала в них свое тельце, и это зрелище смешило Варю до слез. В год с небольшим дочь уже умела сама застегивать сандалики...

Сейчас, когда из шкафов Жанны просто вываливались ее многочисленные шмотки, Варя злилась и пыталась отказывать. Но привычка стала второй Жанниной натурой: она требовала покупок и надувала губы, если ее ограничивали. Года три назад дочь устроила настоящий скандал, когда Варя купила себе новое пальто, а Жанне сказала, что та ходит еще в прошлогоднем. Сергей тогда вмешался, поставил дочь на место, сурово объяснив, кто тут есть

кто. Жанна плакала, переживая отсутствие нового пальто и жадность родителей как главную личную трагедию. Потом они помирились, спокойно обсудили эту тему. Казалось бы, инцидент исчерпан, и уроки извлечены. Но не тут-то было! До скандалов больше не доходило, но аппетиты не уменьшились, а возрастали прямо пропорционально возрасту.

После истории с пальто Варя будто очнулась от наваждения под названием «все лучшее — детям». И неожиданно для себя поняла, что теперь муж, его настроение и их отношения волнуют ее значительно больше, чем пикировки с дочерью. Ее стали посещать сомнения: а действительно ли в детях — смысл жизни? И стоит ли приносить им себя в жертву? Жанка выросла, уже сейчас отдаляется, а когда-нибудь уйдет совсем — в свою семью, в мужа, в детей, в собственные заботы. И они с Сергеем останутся вдвоем. Надо сделать так, чтобы им было хорошо вместе, прекратить попытки переделать друг друга... Варя вдруг представила, что с мужем может что-то случиться, и ее охватил настоящий ужас. Какая ерунда — все эти его проблемы на работе, их стычки по пустякам... Все можно поправить, пока человек дышит, ходит, думает...

Она достала свой ежедневник и устроилась около телефона, чтобы сделать несколько рабочих звонков. В ту же минуту раздалась телефонная трель, и Варина восьмидесятипятилетняя бабушка задала свой традиционный вопрос:

— Как вы там? Как здоровье?

— Все нормально, бабуля. А ты как?

— По возрасту... Благодарю Бога, что еще силы дает.

Бабушка, похоронив несколько лет назад деда, жила одна, не соглашаясь переезжать к родным, демонстрировала независимость и, несмотря на многочисленные болячки, всегда была полна оптимизма. С утра, с трудом поднимаясь с постели, она делала зарядку. Положив горсть таблеток в карман, тащи-лась с остановками в магазин, потом готовила, убирала, а по вечерам читала газеты или любовные романы. Телевизор она почти не смотрела, за исключением любимой программы «Поле чудес». Больше всего ее интересовал вопрос: куда Якубович деваает подарки, которыми его осыпают. И еще она подозревала его в каких-то связях с теми, кто выигрывал автомобили.

— Жанночка мне давно не звонила, — пожаловалась бабушка.

Правнучку она обожала. Жанна умудрялась не грубить бабушке, а перебирая ее старомодные платья, всегда ими восхищалась, просила померить, делала комплименты. По праздникам писала теплые открытки, читая которые бабушка непременно пускала слезу и потом долго цитировала текст подругам и соседкам.

— Молодежи, бабуля, сейчас все время некогда. Сегодня уехала на дачу с ночевкой, — сказала Варя. — К подруге.

— Осторожнее с этими ночевками, — предупредила бабушка. — Вдруг что случится?

— Ну что там может случиться?

— Совратит кто-нибудь. Ты ей скажи: если что — удавлю!

— О господи, бабуля! Да сегодня совсем другие нравы! Мальчишки, девочки живут вместе с пятнадцати лет. Жанка, в конце концов, совершеннолетняя. Я же не могу ее на привязи держать!

— Ну не знаю, — прошамкала бабушка, которая, видимо, еще не успела надеть свои съемные протезы. — Когда дед мне до замужества предложил всту-

пить с ним в интимные отношения, я надавала ему по мордам. Так и сказала: «Убирайся отсюда!» А ведь не девочкой была.

Дед был вторым бабушкиным мужем.

— Ты же сама все время Жанку спрашивала: есть у тебя мальчик? Есть у тебя мальчик? Я сколько раз тебе говорила: ну зачем в таком возрасте мальчик, успеет еще. Чего же ты теперь волнуешься?

— Ну и спрашивала. Что такого? В детстве же дружат с мальчиками?

— Сейчас, бабуля, знаешь, как дружат? По-другому.

— Вот я и читаю в газетах: один разврат.

— Я заеду к тебе на следующей неделе, — пообещала Варя. — Что привезти?

— Все у меня есть, — ответила бабушка. — А ты точно приедешь? Я тогда за мясом на рынок съезжу.

— Ну что ты выдумываешь? Никуда не надо ездить. Я тебе мяса привезу.

— Ладно, ладно, — миролюбиво согласилась бабушка, хотя Варя точно знала, что на рынок она все равно поедет.

Договорившись о паре встреч в офисе, Варя переделалась и поехала в редакцию газеты «Из рук в руки», чтобы разместить там повторное объявление о продаже Женькиной квартиры.

Глава восьмая

Жанна с Машкой пристроились на подоконнике за лифтом и ели хот-доги, запивая их ананасовым соком из маленьких бумажных пакетиков. Как всегда на большой перемене в буфете толпилась очередь, но им повезло — они успели чуть ли не первыми, рванув из аудитории со скоростью звука.

Они сидели и слушали, как в нескольких шагах от них Вика разговаривала по телефону:

— Здравствуйте. А вы помните, мы вчера в ЦДХ с вами встретились? Я учусь в университете и очень увлекаюсь искусством. Мне бы так хотелось поговорить с вами об этом.

Судя по всему, Викин напор встретился с глухой стеной. Она что-то мямлила в трубку, повторяла о своей любви к кино, и все это, на взгляд Машки и Жанны, представляло собой жалкое зрелище. Незнакомец на том конце провода, видимо, никаких разговоров об искусстве вести с «модельной» Викой не хотел. И этот позор, который они случайно подсмотрели, вызывал у подруг чувство глубокого удовлетворения. Нашелся человек, который хоть на несколько минут сбил с Вики ее невероятную спесь!

За лифтом было определено место для курения. Выключив телефон, Вика с понурым видом зашла туда, вытащила пачку сигарет и только тут обнаружила Машку с Жанной.

— Привет! — Она поднесла к сигарете зажигалку, выпустила дым и пристроилась рядом с ними на подоконнике. — Вчера случайно в ЦДХ на одну выставку попала. Вдруг вижу мужчину. А лицо у него просто до боли знакомо! И тут я понимаю, что он в детских сказках играл принцев. Сейчас-то ему лет сорок, но все еще на принца похож. Я его обожала когда-то! Мне страшно захотелось к нему подойти, а он — с девушкой, друзьями. Неудобно как-то. Но я себя переборола, нашла момент, говорю: вот мой телефон, я поклонница вашего таланта, даже фанатка... И вот! — торжествующе произнесла Вика. — Только что он позвонил!

— Счастье-то какое! — в тон ей ответила Машка.

Они переглянулись с Жанной. Какое наглое вранье! Неужели она не понимает, что они все слышали? Этот «принц», наверное, выбросил Викин номер, как только она от него отошла.

— Знаете, девчонки, — на Викины брюки упал пепел, и она спрыгнула с подоконника, чтобы его стряхнуть, — сидела я сейчас на грамматике и думала, как много значат слова в нашей жизни! Вот я ходила на экзамены в прошлую сессию в одной и той же кофте и все хорошо сдавала.

— А при чем здесь слова? — спросила Жанна. — Ты же про приметы говоришь.

— Дослушай! — строго указала Вика. — Просто я потом про свою счастливую кофточку всем рассказала, ну что она удачу приносит. И...

— Что?

— Пришла на очередной экзамен в ней же, а мне еле-еле ставят «тройку». Все почему? Через слова сглазила удачу. Не случайно во многих религиях люди специально погружаются в себя, подолгу молчат, чтобы не расплескивать свою энергию через слова.

— Да-а-а. — Машка бросила пустой пакетик от сока в урну. — А я один раз

язык обожгла, это было ужасно, две недели болел. Зато такое несчастье заставило меня молчать, книжки читать и о жизни думать.

— Может, не пойдём на следующую пару? — предложила Жанна. — Скуко-тища же будет. Пал Палыч такой зануда! И столько задаёт! В прошлом году с училкой больше повезло — совсем ничего не надо было делать.

— А мне в прошлом году нравилось академическое письмо, потому что его в прошлом году вообще не было, — сострила Машка и повернулась к Вике. — Ты чего помрачнела?

— Вспомнила, что с матерью с утра поругалась, — пожаловалась Вика. — Она сказала, что я жирная. Ну чего придумывать-то? В каком месте я жирная? — Вика покрутилась перед девчонками.

— Ничуть, — уверенно сказала Жанна.

— А твоя мама какая? — спросила Машка. — Девяносто-шестьдесят-девяно-сто?

— Ну потолще, чем я.

— Вот и успокойся. Что ты придаешь значение родительским словам? Они же это так — от бессилия.

Раздался звонок, и все трое вяло побрели в аудиторию к нудному Пал Палычу. Что он там говорил — Жанна слышала плохо. Всю пару она думала о предстоящей поездке на дачу, о Стасе, о том, как хорошо она будет выглядеть в ярком купальнике из «Бенеттона», который на случай хорошей погоды прихватила с собой...

Стас должен был приехать за ними к университету на машине, которую собирался взять у отца.

— Специально выйдем вместе с Викой, — шептала Машка, прикрывая рот рукой (Пал Палыч не переносил разговоров на своих занятиях). — Пусть умрет от зависти. Наверняка у отца Стаса крутая тачка.

Но их ждало разочарование. В назначенное время они увидели у ворот университета старенькие «Жигули», около которых и стоял Стас.

— Твои? — удивленно спросила Машка.

— Отец свою «бээмвуху» в сервис отогнал, пришлось эту взять.

Вика, которую девчонки на свою голову уговорили выйти вместе, скорчила гримасу и презрительно произнесла:

— Она еще и ездит?

— Антиквариат! — сообщил Стас. — Фильм «Копейка» видела?

— Я такое не смотрю, — фыркнула Вика. — Счастливо повеселиться! Не заглохнете по дороге? Могу телефончик «Ангела» дать. Служба спасения для автолюбителей. В курсах?

— Обойдемся, — отмахнулась Машка. — Ты спешила, кажется? — Она залезла на заднее сиденье и похлопала рядом с собой, приглашая Жанну.

Стас сел за руль.

— Сейчас заедем за моим другом, — сказал он, вырулив со стоянки. — Это по пути.

— Что за кекс? — спросила Машка.

— Вам понравится. Он отвязный. Клево рубит на роллах... Вместе учимся.

Через десять минут Стас притормозил у обочины, и на переднее сиденье проскользнул долговязый, весь в джинсе, парень. Казалось, будто он состоит из шарниров, которые крутятся одновременно в разные стороны. Его звали

Олегом. Сначала он хвастливо сообщил, что всю ночь пил «прохладительные» напитки в баре. У его друга, который «гей, но все равно хороший парень — лучше некоторых натуралов!» — был день рождения. Потом оказалось, что Олег имеет отношение к модельному бизнесу — восемь месяцев назад он прошел кастинг и подписал контракт. Теперь у него совсем нет свободного времени: институт, агентство, автошкола... А сколько сил отнимают показы, которые даже в «России» бывают!

— Ты, наверное, очень гордишься этим? — встряла Машка.

Они с Жанной от такого потока мужского самодовольства совсем притихли и начали испытывать комплекс неполноценности.

— Скорее даже немного стыжусь, — скромно потупил взор Олег. — В агентствах ведь все геи. Вот и про меня так думают...

Машина, проехав большой запущенный участок, остановилась около двух деревянных домиков, стоящих рядом. Стас провел своих гостей в один из них. Все внутреннее помещение состояло из предбанника, где размещался стол с деревянными скамейками, и комнаты, в которой стояли две допотопные железные кровати. Пол был застелен деревенскими половиками, связанными из старых тряпок.

— А во втором доме что? — спросила Маша, пожалев уже, что сняла у входа босоножки.

— Там мусор всякий валяется. Мы вообще этой дачей редко пользуемся. У нас еще одна есть — цивильная, — ответил Стас.

Вместе с Олегом они вышли и затащили в дом рюкзак и сумку.

— Здесь мясо для шашлыка, — показал Стас на рюкзак, — а остальное разгружайте. Надо перекусить. Мы пока костер разожжем, чтобы потом шашлыками заняться.

В сумке оказались консервы, свежие огурцы, маринованный чеснок и четыре бутылки водки.

— У Стаса совсем башню снесло! — возмутилась Маша. — Для чего столько пошла?

— Я водку не пью, — сказала Жанна.

— И я.

Они поискали посуду, но, кроме граненых стаканов с отколотыми краями, ничего больше не нашли. Серым вафельным полотенцем, которое висело на гвозде, протерли стол, на целлофановых пакетах разложили закуску.

По оконному стеклу неожиданно забили струи дождя. Жанна бросилась закрывать форточку.

— Вот и весь шашлык! — засмеялась она и выкрикнула на улицу: — Ребята, промокнете!

Стас с Олегом ввалились с громким гогомом, толкая друг друга. С волос вода капала на одежду, которая тоже покрылась мокрыми пятнами.

— Сушиться и лечиться, — объявил Олег.

Он стянул с себя джинсовую куртку и футболку. Фигура у Олега оказалась лучше, чем просматривалось под одеждой. На его правом плече обнаружилась большая черно-белая татуировка.

— Ого! — выдохнула Машка. — Кажется, это называется примитив-арт. Как в фильме «От заката до рассвета».

— Да нет, — Олег удивленно посмотрел на Машу. — Это орнамент такой с

индейскими мотивами. Символический.

— Больно было? — спросила Жанна. Она бы сама себе что-нибудь сделала — на руке, например, но очень боялась.

— Смотря где. Некоторые уверяют, что на руках, ногах — терпимо, а вот в разных других местах, — Олег хитро прищурился, — очень больно. Но, если честно, когда на кости набивают — жуть! В общем, так: сантиметр — больно, сантиметр — более-менее. Мне татуировщик сказал, что многие атлеты падают в обморок после одной точки. И что я — второй у него такой терпеливый, большинство не выдерживает.

Он опять хвастался.

— И зачем так себя мучить? — Машка из всех модных украшений признавала только пирсинг. У нее были проколоты язык и подбородок. — Много заплатил?

— Сто баксов.

— А что сейчас самое модное в татуировках? — Жанну этот вопрос очень интересовал.

— Там такого понятия нет, — со знанием дела сказал Олег. — Кому что нравится — тот то и делает. Большею частью — трайблы. Как бы вам объяснить? Это узор, который сплетается из маленьких частей...

Стас тем временем тоже разделся. Глядя на парней, Жанна подумала, что они с Машкой сейчас присутствуют при мужском стриптизе. Ей стало ужасно смешно.

— Так за что пьем? — Стас уже разлил водку в стаканы и подвинул один Жанне. — За знакомство?

— Мы не будем, — сказала Машка.

— Да ладно вам ломаться! — Олег уже выпил свою долю и хрустел огурцом. — Национальный напиток. Неужели водку не пробовали? Да вы что, девчонки? Быстренько, одним махом.

Он взял стакан и подошел к Маше:

— Зажмурь глаза. За маму, за папу...

Стас обнял Жанну за плечи и спросил:

— Мне тебя тоже поить, как маленькую?

— Я сама.

Полуобнаженный Стас действовал на нее как гипнотизер. Жанна взяла стакан и выпила все до дна, а он приготовил для нее кусок хлеба с долькой маринованного чеснока. Маша тоже уже что-то жевала.

— Повторим? — Олег подмигнул Стасу и опять разлил водку. — Вот вы — такие современные девчонки. Неужели на вас нет ни одной татуировки? Какой-нибудь маленькой рыбки или дракончика?

— Не созрели еще, — Жанна почувствовала, что язык стал плохо ее слушаться.

— Обманывают! — захохотал Стас. — А мы сейчас проверим.

— Ой-е-ей! — неестественно пискнула Машка. — С чего это ты так развеселился?

Она хлебнула еще из стакана, поднесенного ей Олегом. Жанна сделала то же самое.

— Потанцуем, девочки? — Стас схватил Жанну в охапку.

А она не поняла, откуда вдруг взялась музыка — такая громкая, неизвест-

ная, под которую пелось что-то на английском языке. Или нет — на каком-то другом, потому что английский Жанна неплохо знала, а тут не понимала ни слова. Стас что-то говорил ей, но из-за музыки она ничего не слышала, только сквозь туман видела его шевелящиеся губы. Он крепко ее прижал, руки зашарили по всему телу. Жанна пыталась обернуться, чтобы посмотреть, куда делась Машка, но тут Стас начал ее целовать, и все поплыло перед глазами. Ноги не слушались. И когда Стас потащил ее к кровати, как беспомощную куклу, ее желудок взбунтовался и преподнес неприятный сюрприз.

— Фу! — заорал Стас. — Обалдела совсем! Предупреждать надо!

Он отскочил от Жанны как от прокаженной, а ее продолжало выворачивать прямо на кровать.

Шатаясь, она еще сумела собрать в кучу постельное тряпье и доплестись с ним до выхода. Дождь так и не прекратился. Жанна оставила узел на крыльце и с трудом вернулась обратно. На кровати оставался матрац. Она упала на него и мгновенно заснула.

...В комнате горел свет, пахло жареным мясом, от чего Жанну опять затошнило. Она услышала голос Стаса:

— Если ваша девушка оказалась не девушкой, радуйтесь, что она оказалась не мальчиком.

О чем это он? Жанна приподнялась и увидела, что на соседней кровати спит Машка. Грубо растолкав подружку, она испуганно спросила:

— Слушай, нас тут, случайно, не изнасиловали?

— Я бдительности не теряла, — сообщила Машка, открыв глаза. — Этот Олег пытался, конечно, пришлось с ним чуть ли не драться. Отстал. А ты же вырубилась, не помнишь, что ли?

— Мне так плохо стало...

— Еще бы, — Маша встала с кровати. — Это хорошо, что у нас все обратно вышло, а то бы мы сейчас никакие были. Меня тоже знаешь, как крутило наизнанку? Только я не как ты — успела до улицы добежать. — Она захихикала: — А мальчики рассчитывали на легкую добычу. Фиг им! Пойдем посмотрим, что они там делают. Пусть домой везут. Хватит нам тут ошиваться. Больше ни за какие уговоры водку в рот не возьму. Тем более она наверняка некачественная. Дешевки набрали. Иначе с чего бы нам так поплохело?

Мальчики сидели за столом и ели шашлык. Их осоловелые глаза говорили о том, что они опустошили не одну бутылку.

— Так вы все-таки пожарили шашлыки? — удивилась Маша. — Под дождем?

— Дождь давно кончился, — ответил Стас. — А что нам оставалось делать, если вы нас бессовестно кинули?

— Ну прямо! Нечего было старательно нас спаивать в своих целях.

— В каких еще целях?

— У тебя надо спросить.

— Я даже смотреть на этот шашлык не могу, — поморщилась Жанна.

— Мы домой хотим, — Маша тоже отвернулась от мяса. — Когда поедем?

— Смеетесь? — Стас зевнул. — Сами выпались, а нам тоже покемарить надо. Я машину сейчас вести не смогу.

Они доели шашлыки и ушли спать, не делая больше попыток какого-либо соблазнения. Из комнаты раздалось их дружное сопение.

Девчонкам примоститься было негде. Жанна вспомнила об испачканном белье, и они долго искали воду, чтобы его застирать. Наконец случайно наткнулись на колонку во дворе и в полной темноте, забрызгавшись, как попало, без мыла, все прополоскали и повесили сушиться прямо на деревья, которые росли на участке. Потом убрали со стола и долго бродили вокруг дома.

Новый модный купальник так и не понадобился.

Когда рассвело, они с трудом разбудили парней. Недовольные Стас и Олег всю дорогу до Москвы молчали, с девчонками не разговаривали. А на прощание ни один из них даже не намекнул о новой встрече или телефонном звонке.

Глава девятая

Дома никого не было. Проводив утром мужа и дочь на работу, Люба занялась своими делами. На носу был «последний звонок», она, как всегда, отвечала за школьные праздники, и ей хотелось сделать это событие ярким и нестандартным. Можно сначала собрать выпускников в своих классах. Пусть они сядут кружком и скажут, что получили от школы. А потом напишут, какими представляют себя через пять лет. Бумажки надо запаковать в специальную коробку, а через пять лет на вечере встречи проверить, сбылись ли их мечты.

Люба отложила ручку. Для придумывания всяких «фишек» требовалось вдохновение, а оно не приходило. Мысли крутились исключительно вокруг дочери. Люба думала о том, что все, что происходит с детьми, происходит и с родителями.

Она и не подозревала, сколько душевных сил отнимают взрослые дочери. Ей казалось раньше, что они с Генкой вырастят Инночку и будут жить для себя. Дочь счастливо выйдет замуж, родит им внуков, все вместе они станут радостно общаться, наслаждаясь при этом личной свободой. Жизнь летит! И ее темпы кажутся им с Геннадием все более быстрыми. А планируемая схема работать не хочет. Личная жизнь Инны не складывается и рикошетом задевает родителей.

Конечно, замужество — не лотерея. В лотерее есть шанс, а в замужестве — некая обреченность. Но дело не в паспортном штампе. Инна никак не может встретить человека, который любил бы ее и давал возможность чувствовать себя уверенно. Глядя на своих подружек, уже ставших мамашами, она считала себя никому не нужным изгоем. Все вокруг влюблялись, находили себе пару, а Инна оставалась одна. Люба подозревала, что Вова ей нужен был для того, чтобы доказать окружающим: она не хуже других. Но Вова неожиданно сорвался с крючка, и Инна решила, что ее шансы исчерпаны.

Почему так происходит? Когда Люба слушала о переживаниях Женьки, об этом жутком романе Полины с «лодочником», то в душе была уверена: уж с Инной ничего подобного случиться не может. Ее дочь была не только симпатичной, но и умной, самостоятельной, общительной... Масса достоинств! У самой Любы в свое время их наблюдалось гораздо меньше, но она быстро влюбилась в Генку, легко вышла за него замуж и считала, что ее выбор оказался правильным, а семейная жизнь — спокойной и счастливой.

Когда-то маленькая Инка, которую Люба отругала за то, что та не слишком усердна, выдала ей гениальную фразу.

— Мама, — сказала она, — надо жить легко.

Но вдруг оказалось, что жить легко — очень трудно.

Люба заставила себя сосредоточиться на «последнем звонке». Цветы, колокольчики, ленты с тиснением, напутствия учителей — само собой. А вот как из концерта создать волшебную феерию — с юмором, артистизмом участников, чтобы весь зал смеялся и плакал одновременно?

Зазвонил телефон, и Люба взяла трубку.

— Здравствуйте, — сказал незнакомый женский голос, — вы меня не узнаете?

Чувствовалось, что собеседница волнуется. Так говорят, когда вызывают

«скорою помощью».

— Нет. — Люба подумала, что у женщины что-то случилось и она неправильно набрала номер.

— Я — Света, мать Вовы.

Эти слова и последовавшая за ними пауза заставили Любу покрыться липким потом. Она с ужасом подумала о том, что сейчас Вовина мамаша начнет пугать ее судом, что, возможно, Геннадий не рассчитал свои силы — с его-то массой! — и что-нибудь Вове повредил... Она не успела перечислить про себя все беды, о которых мог известить этот звонок, как Света сразила ее наповал.

— Хочу сказать вам, что ваш муж — настоящий мужчина. Он правильно набил морду Вовке. Как вы думаете, а он не мог бы сделать то же самое с моим мужем?

— Э-э-э, — начала заикаться Люба, — это так неожиданно...

— Понимаю вас. — Голос у Светы был глухим, с хрипотцой, как у человека, который давно и много курит. — И представляю, какое у вас ко мне отношение. Я не могу сейчас по телефону рассказать свою жизнь. Но, поверьте, вам не стоит сожалеть, что Вова не стал мужем вашей дочери. Он — копия своего отца. Пожелаем вашей девочке встретить более достойного человека.

Света замолчала, а Люба, окончательно растерявшись, автоматически чертила на лежащем перед ней листе бумаги геометрические фигуры. Когда она нервничала, ей нужно было занять руки.

— Вы мне понравились с самого начала, — продолжила Света. — Умеете располагать к себе людей. Кстати, вы не психолог случайно по профессии?

— Учитель. Преподаю музыку в школе.

— Вы не будете считать большой наглостью с моей стороны, если я приглашу вас пообедать?

— Домой?

— Лучше где-нибудь на нейтральной территории. Я знаю один рыбный ресторан, который недавно открылся на Садово-Кудринской. Там очень мило. Знаете, когда такие заведения начинают работать, там все на высоком уровне, а потом потихоньку и сервис портится, и блюда... Как и в случае с отелями. Нужно ездить отдыхать только в новые. Потому что через пару лет их уже не узнать.

— Наверное, вы много путешествуете?

— Раньше — да. Было интересно. Сейчас как подумаю, что надо куда-то лететь, торчать в аэропорту, потом лежать у бассейна, тащиться на завтрак с одинаковым шведским столом, а вечерами придумывать, как убить время... Никакого желания. Тем более у меня аллергия на солнце.

Сколько же надо поездить, подумала Люба, чтобы все до такой степени человеку надоело. Наверное, можно пресытиться даже морем и отдыхом, но для нее, например, это оставалось постоянной мечтой, которая лишь изредка сбывалась.

— Так Как насчет обеда? — спохватилась Света.

— Я не против.

Они обговорили день и час, после чего простились.

Каких чудес на свете не бывает! А ведь Света — тот человек, который и нужен сейчас Любе! У нее можно что-то узнать, пролить свет на причину Вовино поведения. Как плохо Света отозвалась о сыне! Неужели только из-за то-

го, что у нее проблемы с мужем? Нормальная женщина всегда встанет на защиту собственного ребенка...

Люба быстро набрала номер телефона дочери.

Инна выслушала рассказ без эмоций. В банке, где она работала, не поощрялись личные телефонные разговоры. Тем более в тот момент у нее сидел клиент, которому она оформляла кредитный договор.

— Она сбрендилла, — определила Инна. — Потому что от нее муж ушел. Я тебе потом перезвоню.

Обсуждать при посторонних несостоявшуюся свекровь ей было неудобно. Она вернулась к договору: перечитала предыдущий пункт и начала заполнять следующий.

— А разве мужья не имеют права уходить от жен? — вдруг нервно спросил клиент.

— Разве я такое говорила? — оторвалась от бумаг Инна.

— Подразумевали.

Инна внимательно посмотрела на него. Он был ненамного ее старше — возможно, лет на пять, не больше. Хотя правильное лицо казалось совсем мальчишеским. Наверное, солидность ему придавал темный классический костюм в тонкую полоску и галстук с большим узлом.

— Мне кажется, — сказала Инна, — что сегодня мужчины слишком многое себе позволяют. Заводят любовниц при живых женах, уходят из семьи...

Она хотела добавить: «Не являются на свадьбы». На самом деле ее волновало только последнее и было наплевать, что кто-то бросил свою жену.

— А женщины? — Клиент грустно усмехнулся.

— Гораздо реже.

— Вот только не надо обобщать. — Мальчишеское лицо выражало возмущение.

— Вы берете кредит на квартиру, потому что ушли от жены? — Не надо было быть слишком проницательной, чтобы понять это.

Клиент поерзал на стуле, будто раздумывая, стоит ли быть слишком откровенным с этой молодой симпатичной работницей банка.

— Только не думайте, что я ищущу сочувствия, — сказал он тихим, но твердым голосом, без каких-либо жалостливых интонаций. — Но ситуация у меня правда жуткая. Ночую у друзей. Не лучший, знаете ли, вариант.

— А вы снимите квартиру. У меня, кстати, знакомая занимается такими вопросами, — вспомнила Инна. — Хотите познакомлю?

— Спасибо. Я собирался подыскать что-нибудь, но пока руки не дошли.

Инну разобрало любопытство.

— Так вы свое жильё бывшей жене оставили?

— Очень надеюсь, что она переедет в ту квартиру, которую я собираюсь с помощью этого кредита купить. А я наконец вернусь туда, где привык жить. Понимаете, у нас очень хорошая квартира. Сталинский дом, центр... Мои родители — ученые, профессора, им не хочется ничего менять. А я превратил их жизнь в кошмар. То есть не я, а моя жена. Вот я ушел из дома, а им приходится с ней мучиться.

— У мужчин всегда бывшие жены — плохие. — Инна почувствовала, что вошла в роль опытной, мудрой женщины. — Не понимают их, не любят, исчадие ада...

— Да, не понимает и не любит! — На переносице клиента появилась морщинка. — А разве так не бывает? Девушка закончила институт, ей надо было остаться в Москве, она бросила на это все силы, выбрав меня. Я как последний идиот женился на ней буквально через два месяца. Моя мать устроила ее на работу к себе в институт, прописала у нас. Еще через несколько месяцев я узнал, что она спит со всеми подряд — преподавателями, студентами... Теперь она требует законной части жилплощади. Я ушел. А она водит мужиков ночевать. Сейчас, кажется, на одном остановилась. Выяснилось, что она еще и беременна.

— Ужас! — Инна прониклась сочувствием к мужчине. — Она скажет, что ребенок от вас, и вы будете платить алименты.

— Запросто, — согласился клиент. — Правда, мы уже развелись, и забеременела она позже.

— Уже хорошо, — порадовалась за клиента Инна. — Знаете, у нас на работе был один товарищ, у которого два взрослых сына. Они по очереди женились, и он купил им по квартире. Года через три сыновья развелись, оставили все женам и детям и снова женились. Папа опять помог с квартирами. Один сын пока держится, а другой развелся и во второй раз. Пришел жить к родителям. А папа уже на пенсии, деньги кончились, здоровье слабое...

Клиент только покачал головой.

Инна спохватилась: разболталась, а у нее еще столько работы. Она быстро закончила оформлять бумаги и подвинула их клиенту на подпись, подумав, что у него «профессорское» сочетание имени и фамилии: Бондарев Венедикт Семенович. Ну и имечко, сразу и не выговоришь!

До конца рабочего дня она вспоминала клиента с его проблемами. После разговора с ним Инна задумалась, а не имел ли Вова связей на стороне? Сколько раз он не приходил на встречи, о которых они договаривались. Сколько раз забывал об обещаниях, которые давал. Потом как ни в чем не бывало объяснял, что так он устроен, что не надо принимать близко к сердцу подобные мелочи. Инне это было удивительно — она никогда не сталкивалась с похожим мужским поведением. Но, может быть, это и нравилось ей в Вова: он казался особенным, не таким, как все, свободным от всех условностей человеком.

Она была мало знакома с его окружением. Вова считал, что друзья — отдельно, а любовь — отдельно. И не надо смешивать котлеты с мухами. Он не брал ее на свои мужские встречи, хотя Инна познакомила Вову со всеми подругами. Она им гордилась, а он ее, возможно, стеснялся? Девушка не из того круга, не с теми запросами... Хотя Инна обычно чувствовала себя совершенно свободно в любой компании, и никто ей не говорил, что она чему-нибудь там не соответствует.

Как и бывшая жена господина Бондарева, Вова вполне мог развлекаться с кем-нибудь еще. А наивная и ослепленная предстоящими переменами в жизни Инна просто не обращала внимания на его странности. Но ведь чем-то объясняется то, что он в самый последний момент не пошел с ней под венец?! Инна знает кучу историй, когда люди ссорились перед свадьбой, но в итоге все равно рука об руку шествовали в загс.

Особенно неудобно Инна чувствовала себя на работе. В ее сторону летели сочувственные взгляды коллег, от которых хотелось спрятаться подальше. Инне казалось, что любое сборище — в столовой или курилке — это повод обсу-

дить ее и перемыть ей косточки. Еще бы! В их банке никто не мог «похвастаться» подобной историей. В ходу были разговоры о любовных победах, а о поражениях здесь предпочитали помалкивать. Но о свадьбе Инны знали все, кое-кто был приглашен, так что умолчать о том, что произошло, все равно бы не удалось.

Она была напряжена и, как вратарь, отбивала любые вопросы, не допускала к себе «за ворота» ни одного человека. Словно робот выполняла обязанности, отвечала только по делу. А срывалась дома, на родителей. Мама успокаивала ее:

— Поговорят — и забудут. Потерпи неделю. На самом деле никому до тебя нет дела. У всех своих проблем полно.

Но как легко советовать! А для Инны рабочий день превращался в пытку, которую она с трудом выносила. Даже мелкие замечания, обычные в любом деле, она стала воспринимать как чье-то желание ее побольнее задеть.

Вова, извинившись по телефону, пропал опять, забыв, видимо, о своем предложении возобновить отношения. Но ведь для него это такие «мелочи», на которые, по его мнению, не стоит обращать внимания.

По дороге домой Инна мысленно вела диалог с Вовой. Она объясняла ему, что чувствует себя совершенно одинокой, старой, никому не нужной. Что каждый прохожий видит тоску в ее глазах и догадывается, что ее бросил любимый человек. А при виде целующихся парочек ее настроение окончательно портится, потому что она завидует чувствам и объятиям незнакомых людей. Они сумели найти друг друга в многомиллионном городе, и их счастье напоказ вызывало у Инны дикую зависть и жалость к себе.

Инна посмотрела вверх, чтобы сдержать слезы. Она хотела бы думать о чем-то другом, но у нее ничего не получалось.

Глава десятая

Замок поддался неожиданно легко.

— Работа мастера боится, — гордо заметил Геннадий.

Новое объявление, которое Варя поместила в газете «Из рук в руки», вышло два дня назад. И желающие посмотреть Женину квартиру обрывали телефон. Варе ничего не оставалось, как дать «добро» на вскрытие. Уже на сегодняшний вечер она назначила первые просмотры.

Геннадий остался возиться с дверью — вставлять новый замок, который он предварительно выбрал на Каширском строительном рынке. А Варя с Любой зашли в квартиру. И ахнули!

Посередине гостиной появилась большая кровать, заправленная ярко-синим пледом. На полу стоял маленький телевизор. А все пространство вокруг было заставлено свечками разных размеров и цветов. Они стояли в подсвечниках — больших, маленьких, средних. Или просто так — еще не распакованные, в целлофане, обвязанные разноцветными ленточками. Теми, что в подсвечниках, уже пользовались: фитили были черными, стекавший воск застыл по бокам и у основания некрасивыми наслоениями.

— Что тут происходит?! — в недоумении обернулась к Любе Варя.

— М-да, — промолвила та. — Похоже на любовное гнездышко. Давай посмотрим дальше...

Остальные две комнаты были пусты.

Они прошли на кухню. Там стояла коробка из-под телевизора, накрытая синей скатертью, а рядом лежали два маленьких голубых коврика.

— У кого-то большая страсть к синему цвету, — сказала Люба. — В ванной мы обнаружим синие полотенца.

Она оказалась права. К полотенцам прилагались два махровых халата.

— Эта баба, которую Генка встретил, каким-то образом сюда проникла и устроилась здесь. Скорее всего, по наводке: узнала, что хозяйева уехали, и этим воспользовалась, — предположила Люба.

— И что нам делать с ее вещами?

— Кто о чем... — Люба задумалась. — Надо подключать милицию. Пусть ее выследят.

— Больше им заниматься нечем. Тебя и слушать те станут. Ничего не украли — значит, криминала нет.

— Тоже верно.

— Девчонки! — послышалось из коридора. — Я закончил. Принимайте работу!

Геннадий пытался собрать мусор около двери.

— Да ладно, мы сами порядок наведем, — Люба подтолкнула мужа. — Иди, тебе же спешить надо, опоздаешь на свое совещание.

— Да-да, — взглянул на часы Геннадий. — Вот вам новые ключи, больше не теряйте.

Он собрал инструмент и быстро ушел.

— Повезло тебе с мужем, — посмотрела ему вслед Варя. — А мне Серега посоветовал сделать пластическую операцию.

— Зачем?! — изумилась Люба.

— Вот и я спросила: зачем? А он говорит: чтобы скрыть следы увядания, —

эта фраза застряла у Вари в мозгу.

— Какая наглость! — Люба подошла ближе к подруге и пристально всмотрелась в ее лицо. — Не вижу никакого увядания! Ты прекрасно выглядишь... Для своих лет...

Последняя фраза заставила Варю сжаться.

— Тебе хорошо, — сказала она, — ты почти совсем не изменилась, только лучше стала... А я и правда...

— Глупости! — Люба искренне считала свою подругу красавицей. — Лет через десять — пятнадцать вместе отправимся подтяжку делать. А пока рано еще! Пусть твой Серега сам под нож ложится, если по молодости заскучал. У самого следы... Я вот смотрю: лицо у него какое-то одутловатое стало, жуткие мешки под глазами... Пусть хоть их уберет! Или шрам — он же через всю бровь тянется, такой заметный, неаккуратный... Надо же: в своем глазу бревно не замечает... Ты скажи ему об этом.

— Шрам совсем его не портит, — обиделась за мужа Варя. — И вообще: мужчине не обязательно иметь безупречное лицо. А мы уже вряд ли, — она вспомнила о сюрпризе, обнаруженном в Женькиной квартире, — можем рассчитывать на подобные утехи...

— Вот и пойми тебя! — Люба схватила подругу за руку. — Слушай, а может, Валентин что-нибудь видел?! Он ведь живет здесь! Как же мы забыли?

— Какой Валентин? — недоуменно посмотрела на подругу Варя.

— Да ты что?! Художник! — Люба схватила свою сумку и, порывшись, выудила оттуда адрес. — Сорок первая квартира... Это же в нашем подъезде! Обалдеть!

Они быстро спустились на первый этаж и позвонили в единственную здесь дверь, обитую черным дерматином. На пороге появился Валентин собственной персоной в замазанном красками халате.

— Добрый день! — поприветствовала его Варя. — Вы нас не узнали?

Валентин потрогал свою лысину, словно таким образом активизировал мыслительную деятельность.

— Как же, как же, — молвил он после некоторого замешательства, — мы встречались в мастерской у Гавриила Панюкова. Проходите. — Он посторонился.

— Здесь раньше размещалось домоуправление, — объяснял он, ведя женщин по узкому коридору. — А потом мы втроем арендовали помещение под мастерскую. Толком еще не успели обустроиться, — жестом он показал, в какую из комнат нужно заходить. — Здесь моя обитель.

Комната была загромождена ящиками и коробками. С деревянных табуреток Валентин смахнул обрывки газет, веревок и усадил гостей.

— Так вы хотите посмотреть мои работы?

— Да, да, — сказала Люба. — Если можно...

Валентин засуетился. Из дальнего угла комнаты он вытаскивал картины и расставлял их вдоль стены.

— Это Подмосковье, — попутно объяснял художник и несколько секунд любовно смотрел на холст. — Осень. Специально в блеклых тонах. Грусть перед предстоящей зимой.

— Нет, грусть не подходит, — сказала Люба. — Дома хочется иметь что-нибудь жизнеутверждающее.

— Натюрморты, — перешел к следующим двум работам Валентин. — Они хорошо смотрятся... Здесь, видите, коньяк, фрукты, а тут водочка, селедочка, черный хлеб... На кухню — великолепно!

— Красиво, — с видом знатока оценила Люба. — Но содержание... Можно расценить как постоянный призыв к распитию спиртных напитков.

— Муж злоупотребляет? — заинтересовался Валентин.

— Не то чтобы... Но лучше не провоцировать.

— Понимаю вас, — кивнул Валентин. — Есть кошечки. Ярко, весело.

— Это... слишком. — Люба тут же подумала, что ведет себя некорректно. — То есть кошечки очень милые, но мне холл нужно украсить, а не кухню.

Валентин залез в маленькую кладовку и вытащил новые картины. Среди них было много портретов.

— А это еще зачем? — шепнула Варя, когда хозяин снова исчез в кладовке.

— Посмотрите, — появился запыленный Валентин, — очень удачные портреты. Я могу нарисовать вас, а также членов семьи. Даже позировать не надо! Сделаю с фотографий. И возьму недорого.

— Скажите, а вы — член Союза художников? — спросила Варя.

— Мне эти звания ни к чему, — объяснил Валентин. — Я ведь для души рисую. К тому же я больше поэт, чем художник. Хотите, почитаю свои стихи?

— Мы бы с удовольствием, — испугалась Люба, — но сегодня спешим...

— Дело в том, — пояснила Варя, — что мы сейчас занимались квартирой нашей подруги. Это прямо над вами.

— А я еще подумал, что за шум? Решил, что хозяйева ремонт затеяли...

— Это мы замок меняли. Скажите, а раньше вы никакого шума не слышали? Не замечали, что кто-то сюда приходит, ночует?

— Бывает... Да, — Валентин опять потрогал свою лысину. — То мужчина, то женщина... Но они тихо себя ведут, не шумят. Просто в подъезде виделись. Приятные люди.

— Ужас! — Глаза Любы загорелись. — Эти приятные люди на самом деле какие-то мошенники, которые подобрали ключ и теперь встречаются в чужой квартире, преследуя неизвестные нам цели. Понимаете? Жулики! У нас к вам, Валентин, просьба. Как заметите их — позвоните срочно нам, ладно? Пока они с замком ковыряются будут — мы подъедем. Живем-то рядом! Договорились?

— Ну я могу, — не стал возражать Валентин. — А что с семейным портретом? Вы так и не сказали...

— Закажу, — решила Люба. — Вот только фотографии посимпатичней подберу.

Она записала ему телефоны — свой и Варин. Валентин пришил бумажку к стене.

— Чтобы на видном месте было, а то вылетит из головы, — объяснил он. — Мы, творческие люди, не очень собранные. Когда приходит вдохновение — забываем обо всем на свете. А эти жулики не опасны? Не нападут на меня?

— Вряд ли, — успокоила Люба. — Они наверняка по другой части.

Валентин повеселел — заказ был почти в кармане. Он даже блеснул юмором, рассказав на прощание «профессиональный» анекдот:

— Голландия. Питер Брейгель. Ночь. Сочельник. Каток, где одиноко выписывает кренделя девочка-фигуристка. Собачка — замерзшая и одинокая.

Невдалеке с этюдником пристроился бедный художник. И вдруг перед ними возникает фея. «О чем ты мечтаешь?» — спросила она девочку. «О белой балетной пачке». «А ты?» — обратилась фея к собачке. «О сахарной косточке». А художник только грубо сказал волшебнице: «Иди в задницу». Ночь. Сочельник. На катке — девочка в красивой балетной пачке. В сторонке собачка с упоением грызет сахарную косточку. А около этюдника лежит бедный художник, и в заднице у него торчит фея.

— Я только одного не поняла, — сказала Люба, когда они вышли от художника. — Что такое — Питер Брейгель?

— А еще в любительницы живописи подалась, — засмеялась Варя. — Нидерландский художник. Кажется, писал картины о крестьянской жизни.

— Откуда знаешь?

— Любила в далекой юности по музеям ходить.

— Чего же ты молчишь? Не советуешь, что мне покупать?

— Как будто я разбираюсь. Как и ты — полный валенок. Только вот имен нахваталась.

— Я чувствую — Валентин нам поможет вывести этих проходимцев на чистую воду. Ты Женьке ничего не рассказывай. Будет там, в своей Германии, переживать. Сами справимся.

Они поравнялись с супермаркетом.

— Зайдем? — предложила Люба. — Дома молоко кончилось, и хлеба надо...

Пока она делала покупки, Варя поискала в кондитерском отделе свои любимые конфеты «Российские монархи».

— Вот скажи, — проворчала она подошедшей Любе, — почему как только что-нибудь полюбишь, это моментально исчезает из магазинов неизвестно куда! Была фирма «Держава», делала хорошие конфеты... Где они теперь? Ни конфет, ни фирмы. Или шоколад вкусный, «Особый» назывался... Однажды бесследно испарился...

— А мой Генка творожок любил, такой, знаешь, в розетницах с синенькими наклейками. Тоже пропал. А еще я обожала сыровяленую медовую колбасу, забыла уже фирму, — Люба мечтательно закатила глаза, вспоминая волшебный вкус. — Раньше лежала себе — она, между прочим, дорогая — а теперь нигде не вижу.

— Безобразие.

— И не говори.

Варя выбрала коробку печенья с кусочками темного шоколада, которое предпочитали ее домочадцы, особенно Жанна, поедавшая его в невероятных количествах, прихватила заодно овощей... Сейчас она придет домой, займется обедом, подумает обо всей этой ситуации с Женькиной квартирой... Варя нравились эти дневные часы, когда она оставалась одна, — никто ее не дергал, можно было спокойно заниматься любыми делами. Но дома обнаружилось, что Жанна никуда не ушла. Дверь в ванную была закрыта изнутри, и оттуда слышалось мерное течение воды из душа. Дочь появилась минут через сорок с тюрбаном из полотенца на голове.

— Почему ты не в университете?! — грозно спросила Варя. — Опять прогуливаешь?!

— Сейчас пойду. — Жанна налила себе чай. — Позавтракать можно?

— Обед уже! Занятия закончатся!

— Ну что ты нервничаешь? — Жанна спокойно сделала бутерброд. — Себя вспомни. Сама рассказывала, как с лекций убегала.

Варя действительно что-то такое рассказывала. Но, во-первых, тогда Жанна еще училась в школе и дисциплинированно ходила на уроки, а во-вторых, она на личном примере всего лишь пыталась объяснить дочери, что прогулы приносят массу неприятностей. Ее, например, однажды из-за них с большим трудом допустили к сессии. Почему дети не учатся на чужих ошибках, а из родительского поведения выбирают для подражания только самое плохое?

Глядя на безмятежно жующую дочь, Варя еле сдерживалась. Они тратят на ее учебу огромные деньги, и никакой отдачи! На уме — ничего, кроме новых шмоток и развлечений! Только вчера произошла очередная стычка, когда Жанна поздно вечером явилась домой. Ее чудесные пепельные волосы приобрели темный цвет, который ей совсем не шел. Прическу «оживляли» ярко-красные пряди, из-за которых Серега совсем взбесился.

— Почему ты позволяешь ребенку уродовать себя?! — закричал он на жену.

— Можно подумать, со мной советовались, — парировала Варя.

— Не смей давать ей деньги! — не мог успокоиться Серега. — Ни копейки! Мы ее поим, кормим, зачем ей вообще деньги?!

С некоторых пор эта тема стала в их семье главной. Варя выслушала заодно, как плохо она воспитала дочь и настойчиво продолжает ее портить.

— А где был ты? — завелась она. — Почему не воспитал правильно? И вообще: зачем ты выливаешь свое недовольство на меня? Поговори с дочерью и объясни ей все, что считаешь нужным.

— Я с ней не разговариваю! — отрезал Сергей.

Вспомнив вчерашнюю перепалку, Варя с возмущением подумала: какой удобный для себя путь в отношениях с Жанной выбрал Серега! Что может быть проще? Человек просто устранился, а потому с него и взятки гладки. Но Варя тоже надоело быть переводчиком в собственной семье.

В конце концов, что такого страшного сделала Жанна? Ну перекрасилась. Надо же повзрослевшим детям давать какую-то свободу! Пусть подурчатся. Это не отравы, не наркотики. Не страшно. Она же экспериментирует. Кричать, запрещать — без толку. Лучше промолчать и сделать вид, что так и надо. Когда-нибудь перебесится. Ей нужен свой опыт. И, может быть, Жанна сейчас больше в ласке нуждается, чем в бойкотах, которые устраивает ей отец. Что за дремучесть такая с его стороны?! Следующий шаг — расстрел? Как быстро любимая дочь превратилась для него чуть ли не во врага. Стоило ей только вырасти...

Жанна составила грязную посуду в раковину и удалилась в свою комнату.

Отец не разговаривает, мать читает нотации... Варя вдруг стало безумно жалко дочь. Они с Сергеем сами сделали ошибку, отправив ее на платное отделение. Там собрались не самые бедные дети, и, общаясь с ними, Жанна поневоле на них равнялась. Ей не хотелось выглядеть хуже тех, кто на выходные летает за шмотками То в Милан, то в Париж. И сколько ни объясняй восемнадцатилетней девчонке, что все это — не главное, она никогда с тобой не согласится.

Но все-таки... Что за пофигизм по отношению к будущей профессии? На что она рассчитывает? На то, что «корочки» за нее все сами сделают?

— Мам, к тебе пришли! — крикнула Жанна.

Сама она уже стояла у порога, разодетая, покрашенная, увешанная цепями и браслетами, как новогодняя елка.

— Пока, — сказала дочери Варя и одновременно поздоровалась с соседкой Ирой, которая пришла вернуть долг.

Протянув деньги, Ира, как всегда, не спешила уходить. Она по традиции пожаловалась на родителей второго мужа, рассказав, что решила летом отправить сына отдыхать за границу и попросила у них на это средств, но подлый свекор предпочитал «сгноить свои богатства под подушкой, чем пустить их на доброе дело».

— Слушай, Ир, — Варя пришла в голову неожиданная идея, — у меня к тебе огромная просьба.

— Да? — насторожилась соседка.

— У меня есть заначка — семьсот пятьдесят баксов. Я обещала Жанке, что отпущу ее с подружками после сессии на море. И, понимаешь, боюсь потратить на что-нибудь. Да и с Сергеем натянутые отношения, он на Жанку все время злится... В общем, я хотела попросить: пусть у тебя эти деньги пока полежат.

— Конечно, Варечка, никаких проблем. Ты меня знаешь: все будет в целости и сохранности.

— Спасибо, Ир.

— Не за что.

Варя хотела предложить Ире чаю, но передумала. У нее не было сейчас настроения слушать истории соседки о том, как все вокруг ее обижают.

Глава одиннадцатая

Они сидели в «Горизонте» — своем любимом кинотеатре — и смотрели фильм. Жанна с Машкой — в последнем ряду, а Вика с очередным своим парнем — перед ними. Сначала они хотели взять билеты на диваны, установленные в конце зала, но оказалось, что цены повысились, и им не хватило денег. Правда, сидеть в креслах тоже было удобно — они пружинили и качались.

Жанна плохо следила за событиями на экране. Она думала о Стасе: после поездки на дачу он ни разу не позвонил.

— Убеждай себя, что он плохой, — советовала Машка. — А лучше найди другой объект для обожания. Стас — он же просто надменный гном! — Ей очень нравилось это выражение, хотя она не помнила, где его слышала.

— Почему гном?

— В философском смысле.

— А-а-а, — так и не поняла Жанна.

По экрану побежали титры, и народ начал подниматься со своих мест. Они вышли из зала.

— Какой скучный фильм, — сказала Вика. — Смотреть невозможно.

Жанна с Машей переглянулись: весь сеанс Вика целовалась со своим парнем и непонятно, как она успела при этом составить мнение о фильме? По их наблюдениям, она нашла удобное плечо и изучала его, а не экран.

— Мне один знакомый, — тараторила Вика, — предложил поехать с ним в Египет. Я спрашиваю: «Вдвоем?» Он говорит: «Естественно». А я ему: «Неужели ты серьезно? Да мой парень тебя убьет!»

Друг Вики тяжело задышал.

— Твой знакомый знает, что я у тебя есть, — забурчал он. — А лезет с приглашениями. Значит, ты давала ему повод.

— Да не давала я! — начала оправдываться Вика.

— Нам тут в одно место заскочить нужно. — Машке надоело наблюдать за их препирательствами. — Пока! Идем, Жан! — она свернула в ближайший переулок, не переставая возмущаться. — Ну что за дура?! Заколебала своими мальчиками — все от нее без ума! Можно подумать! А этот? Ты заметила? Абсолютно тупой! И с претензиями. Вика по себе подбирает парней!

— Да он ничего, — нерешительно возразила Жанна, у которой закралась мысль, что Машка Вике просто завидует.

— Ничего хорошего! Неужели ты не видишь?! — Она резко остановилась, будто ее осенила гениальная идея, и, сменив обличающий тон, заявила. — Я вот думаю: а чего ты так из-за Стаса переживаешь? Смотреть невозможно! Надо просто выяснить, как он к тебе относится. Давай я Олегу позвоню и спрошу... И все станет ясно.

— Как-то... неудобно... — Жанна не могла понять, хочется ей этой ясности или нет.

— Да успокойся ты! — Машка уже вытащила свой сотовый и нашла в записной книжке номер Олега. — Привет! — пропел ее обманчиво-ангельский голосок. — Это Маша. Решила узнать, как твое здоровье? Все нормально? Дачный сезон продолжается? Да нет, я на природу не стремлюсь, все выходные расписаны. А как Стас поживает? Тут подруга моя интересовалась: куда, мол,

Стас пропал? Все ли с ним в порядке? Не простыл ли на даче? Гуляет? А вроде на Жанну запал? Нет? Странно. Он тебе сам это говорил? Может, врет? А кто у него сейчас? Куда ходили? Что за клуб? «Инфинити»? А, это где самый большой танцпол в Москве? Сегодня в «Стоун»? На Кузнецком? Ну счастливо повеселиться! Стасу привет.

— Ну что? — затрясла Машку Жанна, с замиранием слушавшая этот разговор.

— Плохи твои дела, — без обиняков заявила та. — Он сказал Олегу, что по пьяни с тобой завязался, но ты его надежд не оправдала. А так у него девчонка постоянная есть — месяца три уже вместе. Он ее по клубам водит. На днях в «Инфинити» были, а сегодня в «Стоун» идут.

— Козел! — вырвалось у Жанны, которая чувствовала себя после Машкиной прямооты как человек, прыгнувший в ледяную прорубь. — Чего же он своей девчонке изменяет?! — зло вспомнила она. — Почему нас на дачу потащил, а не ее?!

— Может, она строгих правил? — рассеянно предположила Машка. — Или поссорились?

— А давай, — после такой оплеухи Жанне хотелось каких-нибудь действий, — в этот клуб сходим, посмотрим на его девчонку...

— Ты, наверное, тайная мазохистка, — изумилась Машка. — Драться с ней будешь, что ли?

— Ну вот еще! — Жанна сама не понимала, чего она хочет. — Просто посмотрим...

— А давай, — вдруг легко согласилась Машка. — Все равно делать нечего.

...К «Стоуну» они подъехали около часа и увидели толпу молодежи, которая сгрудилась около огражденного входа. Девчонки пристроились к ней, разглядывая лица. Стаса среди них они не обнаружили. Внутрь пускали только особых гостей, расфуфыренных, вылезавших из дорогих иномарок и бросающих высокомерные взгляды на жалкую бесправную толпу. Вдруг среди молодежи произошло оживление, головы повернулись в сторону светловолосого юноши: в «Стоун» пожаловал солист группы «Смэш». Он быстро вошел в здание, окруженный хмурыми телохранителями, за ним устремились некоторые смельчаки, но охранники быстро и профессионально оттерли их в сторону.

— Ой, смотри, это же Джем! — воскликнула Машка.

Они понятия не имели, чем занимается этот парень, но однажды его притащила с собой Вика, и они вместе пили кофе в «Пушке».

— Джем! — позвала Машка.

Тот оглянулся и, оторвавшись от своей небольшой компании, подошел к подругам.

— Зря, девчонки, ждете, — с ходу заявил он. — Все равно вас не пустят. Сегодня — закрытая вечеринка...

— А ты идешь? — спросила Жанна.

— Само собой.

— Джемик, — Маша умоляюще посмотрела на всемогущего Джема, — проведи нас...

— Не могу, девчонки. У меня и так много желающих, — он кивнул в сторону компании. — Да вы не переживайте. Народ выходит и говорит, что там полная фигня. — Он попрощался и исчез вместе с друзьями.

— Если народ разбегается, — предположила Жанна, — значит, нас могут и пустить. Для количества...

Еще часа два они вертелись около входа перед охранниками, пытаясь втереться к ним в доверие, но это оказалось бесполезным: те на подруг никак не реагировали, глядя на них как на пустое место.

— Эти пафосные клубы, — потеряв всякую надежду, разозлилась Машка, — работают только для тех, кто не знает, куда деньги девать! Охранники прямо по лицу определяют, у кого они есть, а у кого нет!

— А чем мы так уж сильно отличаемся от других? — возразила Жанна. — Одеты все как попало...

— Ну это тебе так кажется, — окинула взглядом джинсовую юбку подруги Маша. — Они тут с ходу лейблы определяют. Надо было Вику с собой брать — у нее везде знакомые.

Расстроенные, они молча побрели в сторону Тверской.

Жанна чувствовала себя отвратительно. Зачем они потащились в этот клуб? Зачем ей вообще понадобился этот Стас? Тем более с его неизвестной подружкой! Что за радость была столько времени униженно топтаться перед охраной, приставать к Джему?! И ради чего?! Она покосилась на Машку, плетущуюся рядом... Как она посмотрела на джинсовую юбку Жанны?! Словно хотела сказать: это из-за тебя и твоей одежды нас в клуб не пустили, вот если бы я с Викой была... Жанна потрогала свои перекрашенные волосы, которые вызвали такое возмущение дома. Это ведь Машка привела ее к «своему» парикмахеру, который брал сумасшедшие деньги за работу, и уговорила Жанну «сделать с головой что-нибудь попримечнее». Теперь она похожа на попугая и остается лишь надеяться, что краска постепенно смывается, а волосы отрастут...

Метро уже закрылось, но деньги, не потраченные на клуб, оставались, и можно было вернуться домой на такси.

— Ты родителей предупредила, что у меня ночуешь? — заботливо спросила Машка.

— Маме позвонила, сказала, что идем с тобой на ночной сеанс в кино.

— Ну и?

— Она говорит: «Ты каждый день в кино ходишь. Столько фильмов не выпускают».

— Сейчас придем и английским позанимаемся. А то Марь Ванна грозила не поставить зачет, озверела в последнее время, а раньше такой веселой была!

— Да, — оживилась Жанна, — помнишь, как она нас разыграла первого апреля? Что конкурс в университете объявляется и победители поедут на летнюю стажировку в Лондон бесплатно, благотворительная акция королевы...

— Ага, и мы, как придурки, поверили, обрадовались, срочно решили английский зубрить.

— Обломала.

...Машина мать давно спала. Девчонки порылись в холодильнике, нашли там салат из капусты, сделали себе в микроволновке горячие бутерброды с сыром.

— Хочешь скажу тебе, что самое главное для парней в девушке? — философствовала с набитым ртом Машка. — Внешность! Что бы они там ни говорили! Я тут одну программу смотрела. Ну знаешь, где парень выбирает себе дев-

чонку. Их четыре штуки, и сначала парень никого не видит, сидит за ширмой. Там всякие конкурсы устраивают. И вот он заочно решает, кто выбывает, а кто остается. Самая умная побеждает. А потом парень ее наконец видит. И что? Если она симпатичная — он радуется. А если страшная или там толстая — сразу у него на морде написано полное разочарование.

После легкого перекуса желание заниматься английским напрочь исчезло.

— Расскажи мне сказку на ночь, — попросила Жанна, когда они улеглись. — Иначе я не засну.

— Ладно, — согласилась Маша. — Слушай. В одном царстве-государстве жили прекрасная царевна Жанна и красавец лесоруб Стас. Однажды Жанна пошла погулять в лес и услышала, как кто-то рубит деревья. Она подошла ближе, увидела голую спину молодого человека и влюбилась без памяти. Слушай! — вдруг остановилась Маша. — Зачем тебе какой-то лесоруб? Что ты с ним делать будешь? Нет, лесоруб нам совсем не подходит. Пусть лучше в твою страну прилетит инопланетянин с прогрессивной планеты. Он сначала предстанет перед тобой в виде робота, а потом твоя любовь превратит его в человека. И звать его будут, скажем, Митя...

Лучше Саша.

— Фи, — отвергла Маша. — Саши на каждом углу. Может, Вася?

— Ну спасибо.

— Не хочешь — не надо. Действительно, Вася — не очень. Хотя ведь главное, чтобы человек был хороший. А Роберт? Роберт тебя устраивает? Он все-таки с другой планеты.

— А как его уменьшительно звать? В минуты близости?

— Робик. А ты чего, хочешь сразу с ним переспать? Пока он не стал человеком?

— Надо же когда-то начинать.

— Да, задержалась ты. Ну ничего. Все поправимо.

— Мне уже кажется, что если бы в меня кто-нибудь влюбился, то я бы за это тоже в него влюбилась.

— Чего же ты отшила Костю-переростка, который за тобой бегал?

— С ума сошла? Как в него влюбиться можно?

— А я его видела с девчонкой. Очень даже ничего, между прочим. В обнимочку шли.

— Костя с девчонкой?!

— Ну да. Всех парней разберут, пока мы тут выбираем.

Они хором вздохнули и отвернулись друг от дружки. Жанна подумала: как веселится сейчас Стас со своей подружкой в «Стоуне», где они с Машкой не сумели пройти фэйс-контроль? Ну и пусть радуется! А она после сессии пойдет на все лето работать, накопит денег, станет независимым человеком... Надо посмотреть, где требуются люди. Лучше поехать в другую страну, устроиться в какой-нибудь отель официанткой или аниматором. И деньги, и отдых, и языковая практика, и новые знакомства. Завтра же она предложит это Машке. У них в университете ребята уже так ездили, даже сессию специально досрочно сдавали. Потом рассказывали, что здорово, очень понравилось. Надо этих ребят найти и проконсультроваться.

Жанна представила, как она ведет водную аэробику в бассейне. Светит солнце, играет музыка, на ней розовые короткие шорты, бело-розовая — в

тон — маечка, бейсболка, кроссовки с белыми носками. Все отдыхающие сбегались с пляжа, из отеля к бассейну, чтобы полюбоваться Жанной, послушать ее задорный голос, которым она отдает команды барахтающимся в воде людям. А после аэробики к ней, уставшей, но довольной, подходит высокий, красивый парень, по которому сохнет весь отель, и говорит:

— Я влюбился в вас с первого взгляда! Завтра я уезжаю, но сначала вы должны сказать мне «да»!

Жанна говорит «да». Они целуются. И танцуют под музыку, которую не успели выключить после аэробики. А все отдыхающие им аплодируют.

Глава двенадцатая

Странные чувства испытывала Люба, отправляясь на встречу с матерью Володи. Любопытство смешивалось с необъяснимым животным страхом, словно Света представляла собой угрозу ее существованию. Обычно Люба не продолжала отношений с людьми, которые ее сильно обидели. Она не считала себя злопамятной, но и прощать всех подряд никогда не старалась. А тут в подруги рвется женщина, чей сын причинил боль самому дорогому для Любы человеку — ее дочери. И ведь это она, мать, вырастила мальчика таким, что для него чужие раны — пустое место.

Люба понимала, что ее страх перед Светой — обычная мнительность. Просто где-то далеко в подсознании застряла мысль, что раз Вова принес им одни неприятности, то ждать добра от родившей его мамы вряд ли стоит. И Люба сжималась от предчувствия, что на ее семью может обрушиться еще какой-нибудь удар.

Примерно так же — бессознательно — она боялась высоты или сильного мороза. Никогда Люба не попадала в ситуации, где испытала бы ужас от переохлаждения или страх падения, но с самого детства, сколько себя помнила, самые главные ночные кошмары были связаны с этим.

Они договорились встретиться у входа в ресторан. Люба опаздывала уже на двадцать минут. Ее задержал руководитель музыкальной группы, которую собирались пригласить на «последний звонок». Он буквально достал ее рассказами о своих многочисленных талантах, которые Любу совершенно не интересовали. Типы с таким количеством способностей, как и те, кто получал по несколько высших образований, ее настораживали. Она уважала в людях профессионализм и трудолюбие, а не нереализованные возможности. Еще и поэтому Люба не представляла, о чем можно говорить со Светой, которая, судя по всему, пресытилась не только путешествиями, но и всем, что в жизни существует.

Света стояла у входа в ресторан и нервно теребила яркую сумку.

— Извините, — сказала запыхавшаяся Люба, которая преодолела расстояние от метро «Цветной бульвар» до Садового кольца со скоростью чемпиона столицы по бегу на короткие дистанции.

— Я решила, что вы не придете, — заметила Света.

Было видно, что ее настроение резко поменялось. Из мрачной женщины она превратилась в милую даму, которая так хорошо воспитана, что не укоряет подругу за получасовое опоздание.

Они вошли внутрь.

Интерьер ресторана говорил о том, что здесь не подают быструю еду. Посреди зала стояли прилавки с рыбой и овощами, большой аквариум. Посетители сновали вокруг, выбирая, что должен приготовить им шеф-повар, и объясняя официантам — как.

Любу и Свету провели к столику у стены, где в нишах стояли старые подшивки «Нового мира», современные детективы и «покеты» на английском языке. Лампы с абажурами светили так, чтобы расположить посетителей к долгой душевной беседе. А воздушные формы мебели и всякие детали в виде бамбука, пальмовых листьев и ракушек придавали залу особый шик.

— Я обожаю восточную кухню, — сказала Света. — А вы?

— Если честно, мне больше по душе русская и грузинская.

Любе было неудобно в этом признаться. Все ее знакомые пели гимны японской и китайской еде. И Любе стало казаться, что ее консерватизм — нечто совсем отсталое. У нее сложилось впечатление, что по количеству японские и китайские рестораны в Москве давно перекрыли все остальные.

— Но я люблю рыбу, — добавила она.

— Обязательно возьмем соусы, — Света даже причмокнула. — Здесь такой выбор! Мой любимый — соево-имбирный с кунжутом.

Вкусы у них не совпали. Любе имбирь не нравился. Она выбрала «бальзамик».

Сделав заказ, Света достала пачку сигарет и, удивившись, что Люба не курит, сообщила:

— А я смолю как паровоз. Особенно в последнее время.

Вид у нее действительно был измученный. Она и вообще не блистала красотой. Какая-то рыхлость и несобранность была в ее фигуре, лице, словно Свету, как хорошее тесто, не умяли, не утоптали. Она смотрела на Любу большими, темными, полными печали глазами.

— Вот ведь как случается! — грустно поведала Света. — Обслуживала мужа, сделала из него человека, а потом выяснилось, что он много лет живет на две семьи. И теперь уходит.

Пепел упал прямо на скатерть, Света затушила сигарету и тут же прикурила другую.

— К другой семье? — спросила Люба.

— Ничего подобного! — Света поперхнулась и закашлялась. — Вообще неизвестно куда. Это же монстр! Ему не нужен никто! Он хочет жить один!

— Вы уверены? — выразила сомнение Люба, которая с подобным феноменом не сталкивалась.

— Еще как!

Официант принес напитки, бутылку белого вина. Света выпила бокал залпом. Только после этого она стала чуть спокойнее.

— Я звонила этой — второй, — сказала она. — Он не появлялся у нее два месяца, и она ничего не знает о нашем разводе. У нее есть девочка от Степана, учится во втором классе.

— И вы только что об этом узнали?! — Люба была потрясена: вот так живешь-живешь и ни о чем не подозреваешь...

— Давно знала. Но делала вид...

— Зачем?

— Чтобы сохранить семью. Я Степана с таким трудом заполучила. И что же — подарить другой?!

Любе стало не по себе. В принципе, обычная история, житейская, сколько она их выслушала от подруг, знакомых. У них в школе — женский коллектив, и каждая вторая либо ушла от мужа, либо наоборот. Люба, между прочим, считала, что на время развода женщинам надо официально выдавать бюллетень, потому что работать они не в состоянии, а от их нервозности и неадекватного поведения мучаются коллеги и ученики. Учительская в такие периоды превращалась в клуб, где очередная «страдалица», отловив себе жертву, живописала ужасающие подробности из жизни бывшего мужа. Что характерно: именно после расставания женщины наконец-то понимали, что их мужчины хит-

ро и изощренно скрывали свои истинные лица. Только в последний момент им удавалось разглядеть, что все они как на подбор — импотенты, моральные уроды и альфонсы.

И все-таки Любины коллеги страдали как-то естественно и понятно. Иногда им в голову даже приходили мысли о собственной вине. Правда, такие открытия единодушно осуждались всем женским коллективом. Личные неудачи объединяли педагогов лучше, чем любые общественные мероприятия. «С каждой может случиться», — думали учителя, имея в виду себя в первую очередь. И начинали составлять планы по устройству личной жизни несчастной коллеги. Вспоминались близкие и дальние родственники мужского пола, засидевшиеся «в девках», а также соседи и знакомые знакомых. Откуда-то в усталых от собственных проблем женщинах бралась бешеная энергия, и всю ее они направляли на устройство смотрин, знакомств, «случайных» походов в театр или в кино. Никто не вычислял процент удачи, но последствия тем не менее были налицо — весь коллектив гулял потом на трех свадьбах. Перед лицом очередной жертвы мужского шовинизма оказались, таким образом, наглядные примеры того, что жизнь не кончена, а напротив — только начинается.

Как раз вчера в школе только и разговоров было об учительнице литературы. У нее страдальческий период затянулся дольше, чем у других. Два года назад ее муж, который регулярно ездил в командировки в город Тюмень, неожиданно впал в глубокую депрессию. Он лежал на диване, смотрел в потолок, молчал и вздыхал. Литераторша, женщина мягкая и добрая, проявляя к мужу повышенное внимание, спросила:

— Что с тобой происходит? Может быть, ты устал? Может быть, тебе сменить работу? Взять отпуск? Съездить на рыбалку?

Муж долго ерзал на диване, а потом глубокомысленно посмотрел на потолок и сказал:

— Я полюбил другую женщину.

Оказалось, что «другой» двадцать лет, она студентка и живет в Тюмени. Мужу было сорок четыре, он не блистал красотой, спортивной выправкой, острым умом и зарабатывал весьма скромно.

Семейные разборки и развод заняли несколько месяцев, во время которых литераторше пришлось параллельно посещать психотерапевта, который поставил ей диагноз «ситуационный невроз». Муж уехал в Тюмень, женился и родил дочку. Никаких признаков раскаяния он не проявлял.

Литераторша пыталась вернуться к нормальной жизни — взяла короткий отпуск, съездила в Турцию, стала ходить в гости, на выставки и концерты. Ничего не помогало. А ребенок, родившийся у бывшего мужа, ее добивал окончательно: сама она была бездетна.

И вот однажды к ней пришел папаша одного из учеников, который попросил ее подтянуть сына по русскому языку и литературе за отдельную, естественно, и весьма неплохую плату. Она согласилась. И, как впоследствии выяснилось, вытасила свой счастливый билет. Мужчина оказался вдовцом и большим любителем литературы. Они нашли общий язык, и их отношения плавно перетекли в близкие. Уже четыре месяца они жили вместе, и литераторша расцвела так, что коллеги удивлялись: она даже в молодости не выглядела лучше. И вдруг буквально на днях ее бывший муж вернулся из Тюмени и

начал атаку на брошенную жену. Он звонил на работу, домой, караулил ее в разных местах и требовал, чтобы она к нему вернулась. Когда-то литераторша мечтала о таком повороте событий, но теперь бывший муж не вызывал в ней никаких других чувств, кроме раздражения...

— Вам нравится рыба? — вырвала Любу из раздумий Света.

— Очень вкусно.

— Вот видите! — торжествующе сказала Света. — Я же знаю, куда приглашать.

— Скажите, — Люба не могла сдержаться, чтобы не задать этот вопрос, — а Вова не объяснял вам, почему он не пришел на свадьбу? Честно признаюсь: до вашего звонка я думала, что это вы с мужем настроили его против Инны. Помните, когда мы приехали к вам, то ваш Степан даже разговаривать не хотел, от него такая злоба исходила. Вы, как мне показалось, тоже были настроены очень агрессивно.

Выпалив все это, Люба испугалась, что Света воспримет ее слова как оскорбление. Но та... лишь усмехнулась.

— Вы приехали очень неожиданно. И в самый неподходящий момент, — сказала она. — Вы в курсе, что Вова — наркоман?

— Что?! — Люба чуть не подавилась кусочком рыбы, который только что отправила в рот.

— Как раз перед вашим приездом мы узнали, что он снова начал колотиться. Был скандал. Степан пытался Вову избить. А тут вы с этой свадьбой.

— Ужас! — Люба не могла прийти в себя. — Никогда бы не подумала...

— А это вообще трудно определить. Мы сами узнали случайно — Степан услышал телефонный разговор Вовы с другом. Потом долго выяснял, не мог поверить.

— Но ведь следы уколов остаются!

— Вот-вот, и я так думала. А следов не было, и Вова все отрицал. Степан устроил за ним настоящую слежку. Потом уже выяснилось, что наркоманы — хитрые очень, они колют себя в такие места, что нормальному человеку в голову не придет. Мы лечили его, он какое-то время держался, а потом начинал снова.

— Кошмар! Неужели Инна знала?! И собиралась за него замуж?!

Света пожала плечами. Вино кончилось, она заказала еще.

— Все беды в нашей семье из-за Степана! — Лицо Светы перекошилось. — Если бы он не давил на Вову, не обращался с ним как с дерьмом собачьим — ничего бы этого не было! Вот почему я хочу, чтобы ему отлились мои слезы! И за себя, и за сына, который перестал походить на человека, а стал животным, которому нужно одно — наркотик. Я боюсь собственного сына!

Она выпила залпом вино и наклонилась ближе к Любе.

— Пусть ваш муж, — тихо прошептала она, — сделает из Степана котлету.

— Да вы что?! — отодвинулась Люба. — Выбросьте это из головы!

— Не хотите? Я найду кого-нибудь другого. И хорошо ему заплачу, — у Светы начал заплетаться Язык. — Та, вторая, с которой Степан тоже жить не хочет, согласна внести свою долю. Мы с ней вместе устроим ему веселую жизнь.

— Света, — Люба с трудом подбирала слова, — я очень вам сочувствую. Никто вашей жизни не позавидует. Но если сейчас самым главным для вас станет месть Степану, то вы окончательно разрушите прежде всего себя!

— Мне все равно.

— Не думаю. Посмотрите, ваш муж хочет остаться один. Когда я разговаривала с ним по телефону, то было ощущение, что человек на грани нервного срыва. Конечно, он сам устроил себе проблемы — с этой второй семьей, и теперь не знает, как выпутаться. И там, видимо, ему плохо, и с вами тоже. Наверное, он страшно переживает то, что случилось с Вовой. В таких ситуациях и на работе все из рук валится. Человек чувствует себе загнанным в угол. Но вы ведь всегда хотели, чтобы Степан оставался с вами? Тогда смените тактику. Он поживет один, успокоится и, может быть, вернется обратно. Но если вы будете устраивать ему побоища, унижать и обвинять во всех грехах — ничего хорошего не выйдет! Он только возненавидит вас!

— Оставить все безнаказанным?!

— Да пусть он живет как хочет! В ваших же интересах остаться с мужем в нормальных отношениях. У вас есть сын, и с его болезнью ведь надо что-то делать! А одна вы не справитесь...

— Я сейчас. — Света вскочила и направилась в туалет.

Ее фигура, ссутулившаяся, словно на нее сверху давил неимоверный груз, и какая-то нелепая, вызвала у Любы приступ жалости. Сидит человек в четырех стенах, ничего не делает и все время думает о своей несложившейся жизни, о неблагоприятном муже и сыне-наркомане.

Света вернулась. Косметику на лице она полностью смыла и, как ни странно, стала выглядеть от этого только лучше.

— Тушь попала в глаза, — объяснила Света свое внезапное исчезновение. — А косметичку забыла дома. Придется сидеть ненакрашенной.

— Вам хорошо, — искренне сказала Люба.

— Правда? — обрадовалась Света. — А мне всегда казалось, что без косметики я выгляжу как последняя уродка. Потому, кстати, не люблю на курорты ездить. Такое чувство, что на пляже все тебя рассматривают и думают: такой на печке надо лежать, закрывшись от всех, а не оскорблять людей своим видом.

— Да что же вы так плохо о себе думаете? — возмутилась Люба. — Во-первых, вы можете собой заняться, если сами себе не нравитесь. У вас есть время, есть деньги...

— Это бесполезно, — отмахнулась Света.

— Конечно, бесполезно, если вы не измените свое отношение к себе. Я в школе работаю, и у нас одна учительница была — инвалид, одна нога короче другой, горбик небольшой, нос как у Бабы-яги, проблемы с волосами — она парик носила. А муж — очень интересный мужчина. Так заботился о ней! Регулярно возил на массажи. Так вот эта учительница влюбилась в массажиста, а он — в нее. Она развелась с мужем и вместе с массажистом уехала жить в Краснодарский край, потому что для ее здоровья тот климат больше подходит.

— Ничего себе!

— Да-да... И никаких угрызений по поводу своего внешнего вида. Она вообще очень веселая по характеру. За это ее все любили. А у вас никаких явных физических недостатков не видно.

— Я не умею думать о себе.

— Научитесь! Направьте те силы, которые уходят сейчас на борьбу с мужем, на себя. И вообще: месть — блюдо, которое подается холодным. Разбери-

тесь сначала с собой.

— Вы такая умная, — медленно сказала Света. — Почему мы не познакомились раньше?

— Это профессиональное, — первый раз за вечер улыбнулась Люба. — Мы, учителя, привыкли всех учить.

А про себя подумала: можно быть совершенно несчастным, даже если в твоём гараже стоит «ягуар».

Глава тринадцатая

— Можешь себе представить? — В Женькином голосе звучал восторг. — У нас сломалось колесо на детской коляске. Мы позвонили в фирму, где ее покупали, и нам — абсолютно бесплатно! — прислали даже не одно новое колесо, а целых три!

— Здорово! — согласилась Варя. — Все для человека.

— А вообще-то, — на том конце провода повисла пауза, — если бы я рассказала тебе, как здесь живу, то ты облилась бы слезами. Ты представляешь меня с тележкой на свалке?

— В каком смысле? — не поняла Варя.

— В самом прямом! Здесь есть такие свалки, где можно найти очень хорошие вещи. Совсем новые! Я притащила вчера домой отличный компьютерный стул, шторы, из которых сейчас покрывало шью, рулон полиэтилена — пригодится, когда ремонт буду делать. Побираюсь...

— Подумаешь, — Варя успокоилась, потому что после слов о слезах ей почудилось что-то страшное. — В наше время каждый ищет способ, как лучше сэкономить.

— А еще я взялась для одной семьи гладить два раза в неделю мужские рубашки. Не такой уж большой заработок, но мне все равно делать нечего.

— И молодец, — похвалила Варя.

— Это случайно получилось. Одна знакомая, тоже русская, но живет здесь восемь лет, нашла себе немца, они пожениться собираются. У немца такая работа, что надо каждый день в свежих рубашках ходить. А она не успевает гладить. Тут многие из наших ходят убираться в богатые немецкие дома. Но такое место непросто получить: нужны рекомендации. Там почасовая оплата...

Женя всегда была невероятной чистюлей. Убирать дом, по крайней мере свой собственный, она любила и умела, так что запросто справилась бы и с чужим.

— У нас одна женщина из агентства ездила с сыном в Германию, — вспомнила Варя. — Берлин и Дрезден. Ей очень понравилось. Единственное, чем недовольна, что купила автобусный тур. Говорит, что муторно и некомфортно. На обратном пути у них вообще автобус сломался, и они десять часов прождали, пока за ними приехал другой. Рассказывала, что ходила на съемки шоу «Голод».

— А что это такое? Я даже не слышала...

— Серьезно? Ну к вам в Германию привезли наших молодых ребят, и они должны себе деньги добывать: кто попрошайничает, кто картинки рисует и продает... Точно не знаю, сама не смотрела. Знакомая говорила, что шоу это снимают человек двести, и все получают вполне приличные деньги.

— А меня не возьмут туда? — В Женькином голосе появился интерес.

— Кем? — удивилась Варя. — Оператором? Или героем?

— Какая разница! Раз деньги приличные...

— Вот сейчас квартиру продашь — и будут тебе деньги! Человек десять уже смотрели. Пока думают.

Попрощавшись с Женей, Варя прошла на кухню, где Инна в гордом одиночестве пила чай. Она пришла как раз перед Женькиным звонком и успела только сообщить, что нашла Варе денежного клиента, которому нужно одну

квартиру снять, а другую купить.

— Как течет жизнь в Германии? — спросила Инна.

— Своим чередом, — ответила Варя. — Женька в очередной раз пытается похудеть. На этот раз сидит на диете американских космонавтов — ест только мясо и яйца. А у Полинки — любовь. Ты-то с ней не переписываешься?

— Иногда по электронной почте. Кажется, она не скучает, привыкла... Да, — Инна налила себе еще чая, — а мама вам рассказывала, что она встречалась с Вовиной родительницей?

— Еще нет, — Варя подумала, что пора бы Любаше выбросить и Вову, и его родственников из головы. — А когда?

— Да только вчера! — Глаза Инны засверкали. — Тогда вы упадете сейчас! Оказывается, Вова — наркоман!

— Да ты что?! — Варя застыла с банкой варенья, которым хотела угостить гостью.

— Я сама обалдела! Мне и в голову такое не приходило! Сейчас, задним числом, вспоминаю некоторые странности. Сидим, например, смотрим телевизор, и вдруг он — раз, и заснул. Постоянно засыпал ни с того ни с сего. Или глаза бывали такие жуткие! Я еще думала: какой необычный, глубокий взгляд. Вот дура, правда? Но откуда я знала? Еще его всегда мучила жажда. И вранье бесконечное — когда надо и не надо. Я замечала, но мне казалось, что у него просто очень развита фантазия.

— Боже мой! Да тебе повезло, девочка моя!

— И не говорите! Когда мама мне рассказала, сразу так легко стало! Все объяснилось! Я-то в себе недостатки искала... А дело вон в чем, — Инна в этот момент показалась Варе маленьким ребенком, которому только что объяснили, что он ни в чем не виноват. — Я всю ночь о нас думала, вспоминала. Это ужасно, тетя Варя, но я поняла, что и не любила Вову совсем. Просто нашло временное затмение. Потому что, если бы я его любила, то бросилась бы сразу к нему — спасать и утешать. А мне ничего этого делать не хочется, даже видеть его не хочется. Даже вспоминать.

— Значит, затмение прошло.

— Полностью! Так я же по делу, — спохватилась Инна. — Можно я дам ваш телефон своему знакомому? Он сам вам расскажет, что ему нужно, в каком районе и по какой цене.

— Конечно.

— Он очень порядочный человек, — сказала Инна, с удовольствием поедая варенье. — Но с ним жуткая история случилась! Женился по глупости, а теперь жена требует жилплощади, фактически выживает и его и родителей... Она привела в чужой дом другого мужчину, от которого беременна!

— Как же твой знакомый такое допустил? — Варе сразу представился забытый мужчина-подкаблучник, который не умеет за себя постоять.

— А что он мог сделать?!

— М-да, — Варя подумала, что девочка слишком доверчива и опять связалась с кем-то весьма сомнительным.

— Тетя Варя! — На лице у Инны появилось умоляющее выражение. — Мне очень неудобно, но не могли бы вы дать мне на неделю тысяч десять? Родители столько денег из-за меня на ветер выбросили, и я не могу еще что-то просить. Через неделю у меня зарплата.

— Что за срочность? — Просьба показалась Варя подозрительной.

— Дело в том, что этот мой знакомый пригласил меня на день рождения своего отца. Кстати, профессора. Они устраивают вечер в кафе. Мне ведь нужно подарок купить! Ну и для себя... Может быть, кофточку новую... Сами понимаете. Не хочется выглядеть как попало.

— А он нравится тебе, этот знакомый? — «Интересно, — подумала Варя, — знает ли о нем Люба?»

— Ой, — Инна отставила чашку и заправила прядь своих светлых длинных волос за ухо. — Очень! Мне с ним так интересно! Он столько знает, тетя Варя! Я только сейчас поняла, что мне нравятся умные мужчины. О чем мы говорили с Вовой? — она наморщила аккуратный прямой носик. — Разве что о роке! Теперь я понимаю: он любит только те группы, в песнях которых есть что-нибудь о наркоте... Ну и все, пожалуй.

— Подожди, — сказала Варя, — возьму деньги у соседки, отдала ей на хранение. Только в долларах, сама поменяешь.

— Конечно!

Варя вышла из квартиры и позвонила в дверь соседки Иры. Та, к счастью, оказалась дома.

— Ой, Варечка, — обрадовалась Ира, — а я только что зашла.

Мимо них прошептал ухмыляющийся Ирин сын, который с Варей даже не поздоровался.

— Извини, что беспокою, но, понимаешь, мне срочно нужно из тех денег, что я тебе давала, взять триста долларов. Пришла дочь подруги, просит в долг.

— Варечка! — Ира была сильно удивлена. Она даже, казалось, потеряла дар речи. — Я же весь долг тебе вернула! Две недели назад!

— Подожди. — Варя остолбенела. — Ты забыла? В тот день, когда ты мне долг возвращала, я тебе деньги дала — семьсот пятьдесят долларов. На хранение. Для Жанны.

— Помню, а как же! — Тон у Иры стал доверительным. — Ты делилась, что у тебя есть записка — Жанночке на лето к морю съездить с подружками...

— Ну вот, — Варя облегченно вздохнула.

— Да-да, — продолжала Ира. — Мы поговорили, обсудили... Но денег ты мне не давала. Вспомни, Варечка! Ты хотела. Но, видимо, передумала.

Ира смотрела на соседку так искренне и сочувственно, что у Вари мелькнула мысль, не снится ли ей этот разговор и не впала ли она в тихое помешательство? Но ведь Варя точно помнит, как вручила Ире конверт, как та уверяла, что все будет в целостности и сохранности...

— Что за шутки? — выдавила она из себя.

— Какие шутки, Варечка? Я тебя не понимаю. — Ира казалась добрым другом, который всерьез озаботился психическим состоянием своей соседки. — Ты была так расстроена чем-то! Вот и забыла! Это бывает. И я, — осенило ее, — знаю, что нам делать! У меня есть знакомый экстрасенс. Сходим к нему! Он сразу определит, давала ты мне деньги или нет! Введет в транс, а под гипнозом все начинают вспоминать, как что было.

В коридоре опять появился Ирин сын.

— Мама, — сказал он со своей противной ухмылкой, — я есть хочу!

— Сейчас, сынок, — проворковала Ира и вопросительно посмотрела на соседку.

В ее взгляде Варя прочитала желание поскорее выпроводить надоедливую бабу. Любимого ребенка нужно было кормить ужином.

Варя развернулась и со всей силы хлопнула дверью. Остановившись на лестничной площадке, она прислушалась. За Ириной дверью была полная тишина. Никаких всплесков эмоций. Никто не бросился ей вслед. Варя почувствовала себя идиоткой, которую только что пытались убедить в полной невменяемости. Невероятная обида захлестнула ее до такой степени, что она не могла сдвинуться с места. Слезы неожиданным потоком вырвались наружу. Варя стояла у лифта, пробуя успокоиться, вытирая кулаком глаза и нос. Каким-то боковым слухом она уловила, что кабина лифта движется вверх, приближается к их этажу. Сейчас она остановится, из нее выйдут люди и увидят зареванную, несчастную Варю. Что они подумают? Варя быстро пробежала к своей квартире и чуть не сбила Инну, которая поднялась ей навстречу.

— Что с вами?! — испуганно спросила Инна.

— Долго рассказывать, — всхлипнула Варя. — Какая сволочь!

— Кто?!

— Понимаешь, дала соседке деньги, а она теперь не хочет их отдавать.

— Сплошь и рядом, — сказала Инна с видом знатока. — Вот видите: вы тоже порядочный человек, как и мой знакомый. И к вам тоже прицепилась хищница, как и к нему. Что вы можете теперь сделать? Свидетели хоть были? Когда вы деньги отдавали?

— Откуда?! — Варя вытянула бумажную розовую салфетку из коробки, которая всегда стояла на кухонном столе, и вытерла мокрый нос. — Мы вдвоем были.

— Значит, ничего не докажете, — уверенно произнесла Инна.

— Но теперь я не смогу тебя выручить. — Одной салфетки не хватило, и Варя выдернула вторую.

— Не страшно, — ничуть не огорчилась Инна. — Не переживайте. Найду еще где-нибудь.

В замочной скважине повернулся ключ. Это Сергей вернулся с работы.

— Я побежала, — засуетилась Инна. — Жаль, Жанку не повидала...

Сергей не обратил никакого внимания на красные глаза жены. И это Варю только обрадовало. Не хватало еще что-нибудь сочинять на ходу. Глядя на мужа, она почувствовала свою вину перед ним. Ложь никогда не приносит ничего хорошего. Она хотела скрыть эти деньги от Сергея — и вот результат. Теперь даже не поделишься с ним горьким разочарованием в человеке, который живет рядом, дверь в дверь, который приходил к ним домой, чтобы найти сочувствие, помощь... Сергей будет встречать Ирку в подъезде, здороваться с ней, интересоваться ее делами или здоровьем, не зная, с каким подлым существом имеет дело.

Кто дернул Варю отдать эти деньги? Ну и лежали бы они себе дома, где-нибудь в укромном уголке... Сергей ведь не рыщет по квартире в поисках скрытых тайников. Ему и в голову такое вряд ли придет.

А Варя всегда недолюбливала соседку... Ведь чувствовала и ее искусственность, и неискренность, и желание что-то поиметь «на халяву»... Бывают люди, к которым с первого взгляда не лежит душа, они словно не те флюиды испускают. То есть для кого-то эти флюиды подходят, а конкретно тебе — нет. А ведь Варя даже иногда корила себя за некоторую нетерпимость к Ирке, за то,

что держится с ней на расстоянии, хотя та настойчиво навязывалась в более близкие друзья... Так нет, не прислушалась к своей интуиции!

— Где Жанна? — мрачно спросил Сергей.

— У Маши. — Варя зашла сполоснуть лицо в ванную. — Им нужно подготовить вместе какое-то стихотворение. Что-то там театрализованное.

— Ночевать она, конечно, не придет, — зло усмехнулся Сергей.

— Знаешь, Сережа, — Варя стояла перед мужем, вытираясь полотенцем, — ее, может быть, и не тянет домой. В последнее время у нас такая тяжелая обстановка... Ну почему, например, ты с ней совсем не разговариваешь? Ты должен...

— Я никому ничего не должен! — оборвал жену Сергей и включил компьютер.

Ну конечно! Это такая расхожая фраза, которой можно закрыться от проблем и все на свете оправдать. Никто никому ничего не должен. Значит, и Жанне не обязательно забивать свою голову учебой. И соседке Ире не нужно отдавать чужие деньги. А молодые матери, поскольку они тоже никому ничего не должны, не обязаны безвылазно сидеть около своих детей и стирать им пеленки. Варя спокойно может никогда не мыть окна, потому что терпеть этого не может. Ведь все при подобном лозунге делают только то, что хотят. Кассир в банке захочет пообедать, когда к ее окошку скопится очередь. А хирург пойдет в кино, плюнув на предстоящую операцию.

Каждый раз, когда Варя слышала с экрана телевизора или читала в газете про то, как все люди свободны и никому ничего не должны, у нее появлялось желание взять в руки палку и стукнуть всем рассуждающим на эту тему по башке. Наверное, у тех выступающих и пишущих нет семьи, детей, родителей, друзей, обязательств на работе...

И Сергей туда же... Она хотела предложить ему ужин. Но раз никто никому ничего не должен, то и Варя совсем не обязана прыгать перед мужем на задних лапках и пытаться ему угодить. Потому что ей лично есть совсем не хотелось.

Глава четырнадцатая

Заместитель декана Елена Васильевна Хорошева, обаятельная женщина средних лет, смотрела на Варю настороженно.

— С девочкой что-то происходит, — многозначительно произнесла она. — Жанна чем-то подавлена, ходит грустная. Домашние задания не делает, очень много пропусков. Я не случайно попросила вас прийти. На нее жалуются все преподаватели.

Елена Васильевна достала листы бумаги и разложила их перед собой.

— Вот смотрите, — начала она с верхнего. — История. Преподаватель поделил студентов на три группы. Первая — те, у кого все в порядке. Ко второй он отнес тех, кто может, если захочет. А третью он назвал «Нас не догонишь». Не правда ли, красноречиво? К сожалению, Жанна попала как раз в этот разряд. Идем дальше... Разные предметы, разные преподаватели, но пишут одно и то же: опоздания, пропуски, долги... Вопрос стоит о ее недопуске к экзаменам.

Варя проглотила комок в горле. Она не знала, что на все это ответить. Сергей, видимо, оказался прав: Жанна окончательно потеряла совесть.

— Вы платите за нее такие большие деньги, — словно подтвердила Варины мысли Елена Васильевна. — А она и на них, и на ваш труд плюет. Так ведь получается?

Варя кивнула в знак согласия.

— Существует некая тенденция, — немного сжалилась над Варей Елена Васильевна. — На первом курсе им интересно, у них еще сильна внутренняя дисциплина, их как бы не затрагивает ощущение свободы. А на втором идут в разгул. Девочки даже внешне меняются: по-другому одеваются, делают макияж, удивляют своим поведением. Все это пугает, огорчает, опускаются руки. У нас прекрасные преподаватели, блистательно ведут предметы, но на занятия к ним приходит в лучшем случае половина группы. А ведь первые два курса — это фундамент. Если он будет проседать — его уже не поправишь.

— Конечно, — согласилась Варя. Она сторала от стыда.

— С девочкой что-то происходит, — повторила Елена Васильевна. — Может быть, вы давите на нее? Если ребенок закрылся от вас — все, пустой номер. Значит, вы ничего не сделали, чтобы стать ему другом.

Варя почувствовала, что вина за неправильное воспитание дочери пригибает ее к земле. Наверное, Елена Васильевна что-то заметила.

— Родители делают большую ошибку, когда кричат на детей и читают нотации. Ни в коем случае! Только добром, только по-хорошему... Делайте упор на талант. Но талант ни во что не перерастает, если нет работоспособности. Только в сочетании с трудом он дает феерический результат. Ничего не делать может только гений.

— Елена Васильевна, — осмелела Варя, — я приду домой, и что хорошего я смогу сказать Жанне, если ничего подобного сейчас не услышала. Как мне с ней разговаривать? Подскажите чисто практически.

Заместитель декана надолго задумалась.

— Скажите ей, — у Елены Васильевны внезапно просветлело лицо, — что я забыть не могу, какой она была на первом курсе.

Всю дорогу домой Варя думала о том, как изменилась жизнь. Представить себе, что ее родителей могли вызвать на втором курсе университета в деканат

из-за плохой учебы или пропусков, было просто невозможно. Мама с папой даже не догадывались, чем занималась Варя в студенческие годы. Только во время сессий она рапортовала об оценках, которые далеко не всегда оказывались отличными. Но почему-то ее родителей это совсем не огорчало. Маму вообще больше интересовали Варины женихи, чем наличие конспектов по тому или иному предмету.

Варя стала вспоминать свой второй курс. Конечно, какие-то преподаватели и науки оставили свой след, но гораздо больше запомнились походы на танцы, свидания, влюбленности, ухаживания и все то, что было связано с этой сумасшедшей игрой гормонов. У них на курсе были ребята, которые относились к учебе серьезно, уже тогда думали о будущей профессии, завязывали отношения в каких-то организациях, чтобы именно туда попасть на практику, проявить себя, застолбить место. Они, как правило, уже отслужили в армии, где-то поработали или поучились и пришли в университет, осознанно выбрав будущую профессию. Варя, как и ее дочь, поступила учиться сразу после школы, туманно представляя себе будущее и считая, что студенческая жизнь должна быть веселой и счастливой. Те серьезные ребята казались ей скучными «ботаниками», глотающими пыль в библиотеках, расчетливыми и занудными. Когда кто-то из них проявлял к Варе интерес, она не знала, о чем с ними можно разговаривать, и умирала от тоски.

Уже много позже, повзрослев и начав работать, Варя часто сожалела об упущенных возможностях. Но и «серьезные ребята», хорошо устроившись вначале, далеко не все преуспели потом. А уж когда в начале девяностых поменялась страна, многие так и не смогли приспособиться, перестроиться, найти себя. Раз в десять лет кто-то из однокурсников проявлял инициативу и устраивал вечер встречи. Он начинался с того, что они поднимали тост за тех, кого уже не было с ними. Несколько человек совершенно спились, двое закончили с собой... Совсем молодые люди, подававшие когда-то большие надежды...

Но что все-таки делать с Жанной? Какие слова найти, чтобы они не пролетели мимо ее ушей?

Варя не знала. Она подумала о том, что, чем дольше живет на свете, тем меньше понимает, как надо правильно воспитывать детей. Сейчас уже не понимает вовсе.

...Жанна сидела дома, обложившись книгами и конспектами.

— Ну как? — испуганно спросила она, посмотрев на вошедшую мать.

— Плохо, — ответила Варя. — Тебя не хотят допускать к экзаменам.

— Ну прямо! — Жанна положила закладку в книгу. — Я там не хуже всех. Ты, мамочка, даже не волнуйся. Завтра я сдам все долги. Видишь, готовлюсь.

Она демонстративно похлопала по раскрытым тетрадам.

— У тебя много пропусков, — сказала Варя.

— У меня?! — возмутилась Жанна. — А у других? Вика вообще в Швейцарию улетела на пять дней! Только что звонила. Говорит, что там так голимо, ни одной приличной дискотеки. Наш самый завалющийся клуб в тысячу раз круче. Ее маму не вызывали?

— Да меня не интересуется Вика! — не выдержала Варя. — Меня интересуешь ты!

— А со мной, мамочка, все будет в полном порядке. Я не в Швейцарии отды-

хаю, а дома сижу и занимаюсь.

— Почему ты ходишь по университету грустная?

— А от чего там радоваться? И вообще, — в глазах Жанны вдруг появились слезы, — зачем Елена Васильевна лезет в личную жизнь?

— Никуда она не лезет, — сменила тон Варя. — О тебе беспокоится. Ты ведь так хорошо училась на первом курсе.

Слезы покатались у Жанны по щекам. Варя подошла к дочери и обняла ее.

— Тебе надо собраться и все исправить, — погладила она Жанну по голове.

— Угу, — раздалось откуда-то из-под мышки.

Они посидели чуть-чуть молча, словно объединившись перед броском в новую, «правильную» жизнь, где Жанна будет серьезно овладевать будущей профессией, а Варя «добром и по-хорошему» ей в этом поможет.

Телефонный звонок прервал их единение.

— Тетя Варя! — Это Инна звонила с работы, беспокоясь о своем протеже. — Вы уже встречались с Бондаревым? Как он вам?

— Очень приятный молодой человек, — совершенно искренне сказала Варя. — Ты была права. Я уже дала ему несколько адресов для просмотра и с хозяевами договорилась. И, знаешь еще, — эта мысль только что пришла ей в голову, — я думаю, что не случится ничего страшного, если он пока поживет в Жениной квартире. Если ты, конечно, за него ручаешься.

— Без проблем, тетя Варя! Это так здорово! Ну что он по знакомым болтается?! Я прослежу за чистотой и порядком. Вы на этот счет не беспокойтесь.

— Отлично. И мне удобно: квартира будет под присмотром. А то прямо какая-то мистика, — Варя не стала вдаваться в подробности.

Но последняя фраза не вызвала интереса у Инны. Она, видимо, спешила и напоследок только поинтересовалась:

— Так я забегу за ключом?

Венедикт Бондарев, которого можно было звать Веней, действительно понравился Варя. Он оказался интеллигентным, очень обаятельным мужчиной, в меру общительным. Держался Веня приветливо, с чувством достоинства, говорил по делу, о бывшей жене и тяготах, связанных с ней, не упоминал. Когда они вместе смотрели одну из квартир, выставленных на продажу, Веня не суетился, не придирался и не льстил хозяевам, а вопросы задавал только по существу. Наблюдая за знакомым Инны, Варя вспоминала ее рассказ и не могла понять, почему бывшая жена Вени не дорожила таким сокровищем. Хотя, решила она, чужая жизнь — потемки. Никогда не разберешь, кто там прав, а кто виноват. Но ей лично хотелось, чтобы у симпатичного Вени все наладилось. Его бывшая жена собиралась сама смотреть квартиры, так как опасалась, что ей могут подсунуть что-то слишком дешевое и неудобное. Это затягивало процесс покупки. И все-таки Варя надеялась, что проблема решится в короткие сроки, а значит, долго в Жениной квартире Веня не задержится.

— Мам, — раздался из недр квартиры голос Жанны, — ты сегодня «фабрику гнезд» смотреть будешь?

— А это что еще такое?

— Ну «Фабрика звезд» на первом канале, — объяснила Жанна, которая уже покинула свою комнату и пристроилась рядом с матерью на кухне. — Концерт. Я там за парня одного болею.

— Видно будет, — уклончиво ответила Варя. — А вот ты скажи мне: у тебя

любимые преподаватели есть?

Жанна задумалась и наконец тряхнула головой:

— Есть.

— А кто?

— Ну по английскому, например.

— Женщина?

— Да.

— Интересно занятия ведет?

— Шутит всегда, истории всякие рассказывает.

— А как она выглядит?

— Ой, мам, я в вас, пожилых людях, ничего не понимаю.

«Хлестко, — подумала Варя. — А я все себе девочкой кажусь».

Вслух она строго сказала:

— Так почему же ты даже у любимой преподавательницы занятия прогуливаешь?

— Сколько можно? — застонала Жанна. — Я ведь пообещала: не буду больше.

Звонок в дверь сообщил о приходе Инны. Варя пошла открывать. А Жанна включила компьютер и зашла в «аську». Ее интересовал один парень, с которым они время от времени болтали и обнаружили буквально во всем одинаковые вкусы — от мороженого до певцов. Он скрывался под «ником» Билл Гейтс, а она была «Нахалкой». Последнее время парень настойчиво предлагал встретиться и познакомиться в реале. Они уже обменялись фотографиями. «Билл Гейтс» произвел на Жанну самое благоприятное впечатление. А может быть, просто снимок был удачным — позади виднелись горы, парень задумчиво взирал вдаль, и это смотрелось очень романтично. Он объяснил в своем сообщении, что немножко увлекается альпинизмом. Кроме того, «Билл Гейтс» хорошо разбирался в компьютерах и давал Жанне всякие полезные советы. Последний раз он рассуждал на тему, что Жанне совсем не идет ее «ник». Во-первых, она по натуре совсем не нахалка, а хорошая и правильная. Во-вторых, ее внешность (на фотографии) свидетельствует о целомудренности и внутренней чистоте. Жанна не очень поняла, гордиться ей этим или, наоборот, обидеться. Если бы она рассказала о подобных комплиментах Вике или Машке, они подняли бы ее на смех. Но в глубине души Жанна побаивалась, что не сможет соответствовать таким представлениям «Билла Гейтса» о ней и он испытает разочарование при личной встрече.

«Как насчет завтра? — спрашивал «Билл Гейтс». — Не хочешь в кино?»

«Не могу, — отвечала Жанна. — У меня зачеты начались».

«Ну и что? У меня тоже. Ты прямо с утра садишься за учебники?»

«С утра я люблю пить апельсиновый сок».

«Хочешь, я тебе его привезу?»

«Да я правда не могу. По-любому. На следующей неделе посвободней будет».

Вчера они обменялись телефонами, и «Билл Гейтс» сразу позвонил. Жанна почему-то так смутилась, что никак не могла включиться в непринужденное общение.

Его, оказывается, звали Дима. Он разговаривал с Жанной так, как будто они только что расстались. И потихоньку Жанна оттаяла, втянулась в беседу, и

они проболтали больше двух часов, пока не вернулся с работы папа.

Теперь, возвращаясь домой, она первым делом бежала к компьютеру, где ее непременно ждало сообщение от Димы. А со вчерашнего дня прибавились и его телефонные звонки.

— Привет! — в комнате появилась Инна. — Сто лет тебя не видела!

— Иннуля! — Жанна вскочила со стула и бросилась ей на шею. — Как здорово, что ты зашла!

Разница в пять лет не мешала им питать друг к другу нежные чувства. Они выросли вместе, и, сколько себя Жанна помнила, Инна вечно с ней нянчилась и всему учила. Последние годы, повзрослев, они стали редко видеться, у каждой появились свои заботы и друзья. Но и теперь они радовались друг дружке, как сестры после долгой разлуки.

— Как жизнь молодая? — Не разжимая объятий, они дружно плюхнулись на диван, и Инна потрогала волосы Жанны. — Куда делся твой прелестный пепельный цвет?

— Не нравится? — огорчилась та.

— Да нет, ничего, современно, — отодвинувшись, оценила Инна.

— А мама меня просто задолбала тем, что я перекрасилась! И вообще... Из универа грозятся выгнать... Все как-то не так... Правда, знаешь, я тут по «аське» с одним парнем познакомилась, он такой интересный...

Жанна оживилась, но тут же осеклась. О чем это она? Ведь у Инны такое несчастье — сорвалась свадьба, сбежал жених... Разве после этого приятно слушать о каких-то там парнях из Интернета? Как же ей тяжело, наверное. Жанна обняла старшую подругу и заглянула ей в лицо.

Но Инна совсем не выглядела человеком, убитым горем. Напротив, она вся светилась, как начищенный самовар. Ее огромные светлые глаза выражали что угодно — только не траур по бывшему жениху.

— Чего же ты так — с универом? — серьезно спросила она, и Жанна сразу поняла, что этот вопрос вызван происками мамы, которая наверняка просила Инну по-дружески наставить дочь на истинный путь.

— Да ну его! Расскажи лучше, как у тебя дела?

— А я, Жаник, влюбилась! — Инна засмеялась, и стало очевидно, что вести серьезные разговоры об учебе ей тоже не хочется. — Почти с первого взгляда!

— Правда?! — У Жанны поднялось настроение. — Кто он?!

— Один коммерсант. Обслуживается в нашем банке. Я сначала на него и внимания не обращала. А потом мы однажды разговорились... Но это неважно! Он моей половинкой оказался, понимаешь? — Взгляд у Инны сделался такой, будто она только что увидела неземное чудо. — Мне с ним всегда хорошо — спокойно, надежно... Я с Вовой такая дерганая была! Вечно глаза на мокром месте... А сейчас мне все время хорошо... Спать ложусь и думаю: завтра его увижу... И делается так светло... Я даже не представляю, как жила до того, как с ним встретилась...

Жанна поймала себя на том, что даже приоткрыла рот, заслушавшись признаниями Инны. Какая же она счастливая! Как же ей повезло! А Жанне вечно попадаются типы вроде Стаса, от которых никакой радости... Может быть, она плохо разбирается в людях? Не там ищет свою половинку? Не умеет строить отношения? Жанна сейчас завидовала. Ей тоже хотелось бы говорить о ком-нибудь так, как Инна рассказывала о своем коммерсанте.

Глава пятнадцатая

Солнце так ослепляло, что Варя все время жмурилась. Какой день выдался сегодня! Нормальные люди надели солнечные очки. И у Вари они тоже, конечно, были. Но в той спешке, в какой она выскочила из дома, мысль о них даже не пришла в голову. Буквально несколько минут назад позвонил художник Валентин и с жуткой, тревожащей интонацией сообщил, что в интересующую Варю квартиру пришла женщина, которая пытается открыть дверь. Он попробует ее задержать, но Вале надо поторопиться. Валентин позвонил и Любе, которая, на счастье, оказалась дома и уже вылетела в нужном направлении.

Варя приближалась к Женькиному дому и жалела по дороге, что не подсказала Валентину вызвать милицию. Ну да ладно! Их будет трое, незнакомка — одна, и уж как-нибудь они с ней управятся. По крайней мере, выяснят, что это за птица.

Она вбежала в подъезд и сразу помчалась на второй этаж, к Женькиной квартире. Но на лестничной площадке было пусто. Варя нажала кнопку звонка и послушала, не идет ли кто к двери. Никакого шевеления не наблюдалось. Она расстроилась. Видимо, незнакомка опять улизнула. Пока Валентин бегал им звонить, дама, конечно, почувяла неладное и быстренько ретировалась.

Варя медленно спустилась туда, где размещалась мастерская Валентина. Надо все-таки узнать какие-нибудь подробности. И где Люба? Неужели, ничего не обнаружив, вернулась домой, не дождавшись ее?

Входная дверь была приоткрыта, и оттуда доносились голоса. Варя отчетливо слышала, как кто-то нервно произнес:

— Не ваше дело!

Голос был женским и показался Вале знакомым. Она тихо вошла, но споткнулась о какую-то неровность в полу, ойкнула, пытаясь сохранить равновесие, и когда, с трудом устояв, подняла глаза, то увидела обращенные на нее взгляды трех человек — Валентина, Любы и... соседки Иры. Все они смотрели по-разному. Валентин — с некоторой радостью от чувства выполненного долга. Люба — с жалостью. А соседка Ира — с вызовом.

— А ты что здесь делаешь? — глупо спросила Варя.

— Что надо, то и делаю! — Обычная Ирина подобострастность куда-то напроць улетучилась.

— Это она приходила в квартиру, — пояснил Валентин.

— Заткнись, урод! — оборвала его Ира. — Сыщик недоделанный!

— Я ей сказал, что в их квартире лопнула труба, нашу мастерскую залило водой, пришлось вызывать службу спасения, вскрывать дверь и менять замок, — Валентин интеллигентно не реагировал на Ирины выпады. — Она согласилась спуститься ко мне за новым ключом. А тут Люба подроспела. Вот стоим, разбираемся...

— Так ты не только деньги присваиваешь, но и ключи воруеть?! — У Вари от возмущения начал срываться голос.

— Нет, ну вы смотрите, как человека оскорбляют! — Ира закатила глаза. — Я ей деньги отдала, а она снова требует! Да я, если хочешь знать, специально к экстрасенсу ходила, рассказала, что и как. Экстрасенс сразу определила: да, отдавала. Хочешь, вместе к ней ходим? Она тебя в гипноз введет, и ты все

сразу вспомнишь.

Варя судорожно вздохнула, как рыба, выброшенная на берег. Эта подлая Ира хочет убедить ее, что она не в себе? Страдает потерей памяти? Временная амнезия, как у героев бразильских сериалов? Кто бы мог подумать, что ее соседка обладает столь изощренной хитростью?

— Не переводи разговор, — сурово сказала Люба. — Откуда у тебя ключ от этой квартиры? Что ты тут устроила? Лежбище для любовных утех?

— А вам завидно всем? — приосанилась Ира. — Никому уже не нужны? Старые клячи.

У Любы сработал какой-то рефлекс, и она двинулась вперед всем корпусом, словно всю жизнь занималась боксом. Валентин испуганно схватил ее за руку.

— Мы вас все равно не выпустим отсюда! — грозно предупредил он Иру. — Сейчас и милицию вызовем. Вы, надеюсь, понимаете, что вторглись на чужую жилплощадь без всяких на то оснований. Украли с преступным умыслом ключ...

— Да что вы привязались ко мне с этим ключом! — нервно взвизгнула Ира. — Устроили ловушку и радуется! Милицией они меня пугают! — Она повернулась к Варе, и на ее лице отразился полный триумф. — У своего Сергея спроси, зачем он дал мне ключ, — победоносно заявила она. — Мужик смотреть на нее не хочет, а она строит из себя любимую жену. Да у нас давным-давно с ним роман! Сергей сто лет назад от тебя ушел бы, да боится, что ты всякие гадости ему начнешь в отместку устраивать.

Варе показалось, что она находится в театре и смотрит какую-то низкопробную постановку. То, что сказала сейчас Ира, до ее сознания доходило плохо. Перед глазами поплыла большая кровать, застеленная ярко-синим пледом. Она заполняла Варин мозг, вспыхивала зажженными свечами всех размеров и цветов.

— Что ты тут несешь?! — громко ворвалась в это видение Люба.

— Правду! — Опытная Ира мастерски добивала свою жертву. — Да, мы с Сергеем — любовники. В этой самой квартире провели немало счастливых часов, после которых бедному Сереже приходилось возвращаться к ненавистой жене. Ну, — победно осмотрела она собравшихся, — вы получили, что хотели?

Все молчали. Ира решительно повернулась в сторону выхода и прошипела стоящей на ее пути Варе:

— Подвинься! Встала как столб...

Варя автоматически сделала несколько шагов в сторону.

Хлопнувшая дверь объявила об Ирином уходе.

— Так, — попытался разрядить обстановку Валентин. — Давайте, девочки, выпьем.

— Точно, — подхватила Люба и посмотрела на Варю. — Нельзя вестись на ситуацию. Она могла все наврать. Надо обдумать, что делать дальше.

— Кто угодно, — тихо произнесла Варя, — но эта...

Они так и стояли в коридоре, не двигаясь с места. Только Валентин засуетился и дважды пробежал мимо них со стаканами, которые следовало помыть.

— Идите сюда, — позвал он.

Обеденного стола в мастерской не было, и бутылку со стаканами Валентин

расположил на заляпанном краской табурете. Тут же лежала сухая вобла и кусок черного хлеба.

— Классный натюрморт, — залюбовался Валентин. — Подходит к Дню защитника Отечества. Только каски не хватает.

Он разлил водку и вдохновенно сказал:

— Физическая измена — фигня. Это я вам как творческий человек говорю. У нас на это смотрят как на необходимое вдохновение.

— Хорошо, что мой муж — не художник, — вздохнула Люба, пригубив из стакана. — Скажите, Валентин, а вам как мужчине эта Ира понравилась?

— Нисколько, — уверенно ответил тот. — Я терпеть таких не могу. Она наверняка феминистка. Ярко выраженная.

— Она ярко выраженная стерва, — поправила Люба. — При чем здесь феминизм?

— А как же? — удивился Валентин. — Кто такие феминистки? Бабы, у которых не сложилась личная жизнь. И они портят ее другим. Потому что не могут пережить, если кому-то хорошо.

— Вы не правы, — назидательно возразила Люба. — Дело не в этом. Просто наше государство построено в интересах мужчин. Вы посмотрите, что творится? У нас ведь все делается для того, чтобы мужики изменяли своим женам! Открыто предлагаются девочки для развлечений — в газетах, на телевидении, на улице... И никто с этим не борется. Такое чувство, что государство заинтересовано в развале семей! Да пусть все эти массажные салоны и девочки по вызову существуют где-нибудь, но так, чтобы не торчать из каждого угла. У нас измена жене воспринимается как доблесть! Даже политики не заботятся о личной чистоплотности. Я как-то одному симпатизировала, а оказалось, что у него, как у мусульманина, две семьи. Теперь видеть его не могу! Что уж говорить о среднем российском мужике! Сергей ведь нормальный человек! С чего вдруг он бросился на эту идиотку? Не верю я в такую любовь!

— Нами управляет природа. А мораль придумана людьми, — многозначительно изрек Валентин. — Женщина хочет многого от одного мужчины, а мужчина хочет одного от многих женщин.

— Слушайте, — от выпитой водки Варя слегка вышла из ступора, — а ведь если Ирка сюда притащилась, то наверняка для того, чтобы встретиться здесь с Серегой. Значит, он тоже должен прийти...

Всех охватил необъяснимый ужас.

— Может быть, он уже здесь, — зловеще предположила Люба.

Ее лицо стало сосредоточенным, она вдруг вскочила с места и резко бросилась из мастерской. Проводив Любу взглядом, Валентин с Варей одновременно последовали ее примеру.

— Стой! — услышали они громкий Любин возглас и галопом вбежали по лестнице.

Около злосчастной Женькиной квартиры стоял недоуменный Венедикт Бондарев и пытался освободить свою руку от железной Любиной хватки.

— Я так и знала! — крикнула та. — Это не Сергей! Она все придумала!

— Мама! — вдруг послышалось сзади. — Ты что делаешь?

По лестнице поднималась Инна с большим бумажным пакетом из Макдоналдса.

— Любаша, — вмешалась Варя, — это Веня, я рассказывала тебе, помнишь?

Отпусти его.

— О господи! — простонала Люба. — Извините.

— Да что тут происходит? — Инна обиженно обратилась к матери. — Вы следите за нами, что ли?

— Больше нам делать нечего! — ответила утихомирившаяся Люба. — Знакомить надо мать со своими молодыми людьми. А то нечаянно принимаешь их за черт знает кого. Тут такие дела происходят! Короче, Инна, и вы, Веня, если сюда придет дядя Сережа или кто-то попробует дверь в квартиру открыть, срочно этого человека задержите и скажите нам. Мы внизу, на первом этаже, в мастерской у Валентина. Это Валентин, — представила она художника. — Потом вам все объясним.

— А мы... — неуверенно сказала Инна, — перекусить хотели. — И она показала на пакет из Макдоналдса.

— И пожалуйста, — разрешила Люба. — Кстати, там у вас лишних гамбургеров не завалилось? Может, с нами поделитесь?

— Возьмите, — Инна вытащила две коробочки с биг-маками, — я сейчас еще сбегая.

— Вот что значит дочь, — загордилась Люба и сказала Вене на прощание: — Приятно познакомиться!

Они вернулись в мастерскую и снова расселись вокруг табуретки с сушеной рыбой. Валентин мечтательно произнес:

— Повезло парню. Такая девушка-красавица.

— А вы, кстати, женаты? — спросила Варя.

— Был, — радостно ответил Валентин. — Целый год. К счастью, ей подвернулся другой, и она к нему ушла. Я целый месяц праздновал.

— Зачем женились тогда?

— Спьяну. Я в такие периоды добрый очень, а ей замуж хотелось. Потом мне один хороший заказ достался. Пока его делал — долго не пил. Только тогда понял, что сотворил. А она ни в какую уходить не хотела. Да ей и некуда было. Тут ветром и моими мольбами этого парня надуло, он — тоже свободный художник, моя жена от него, на мою радость, забеременела. Он оказался порядочным человеком. Я его теперь за лучшего друга считаю, хотя мы и не общаемся.

— Ну и ну! — удивилась Люба. — Так вы — убежденный холостяк?

— Конечно! Я не переношу, когда лезут в мое личное пространство. Как только женщина начинает меня ревновать, выяснять отношения — я с ней сразу расстаюсь. Поэтому подолгу ни с кем не встречаюсь. Мне нравится все новое. А обычно через месяц все уже известно и предсказуемо.

— Кошмар! — вынесла резюме Люба.

В дверь позвонили. Это была Инна.

— Скорей, — сказала она, — дядя Сережа уже уходит.

Пулей тройца выскочила на лестничную площадку, преградив таким образом путь Сергею, который уже собирался незаметно раствориться на улице. Неожиданно появившаяся компания совершенно сбила его с толку. Под осуждающими взглядами целой толпы он сник и побледнел.

— Хорош! — прервала общее молчание Люба. — Значит, все оказалось правдой?

— Варя, — шагнул к жене Сергей, — я тебе все объясню.

— Не надо, — гордо отвергла мужа Варя, — с сегодняшнего дня мне не о чем с тобой разговаривать. Объясняйся теперь со своей любовницей.

Последнее слово произносить было крайне неприятно. Словно в рот попала какая-то грязь, которую хочется выплюнуть, а потом налить чистой воды и выполоскать остатки.

— У меня нет никакой любовницы, — набычился Сергей.

— Да? — ехидно спросила Варя. — А в Жениной квартирке ты с фантомом встречался?

— Ни с кем я не встречался, — продолжал нудно гнуть свое Сергей.

Это начинало раздражать.

— Вот что, — сказала Варя, — иди домой, собирай вещи и проваливай куда хочешь: хоть к Ирке, хоть куда... Чтобы ноги твоей не было, когда я вернусь. Иначе, — Варя задумалась, — я за себя не отвечаю.

— Это и мой дом, — заупрямился Сергей.

— У Иры достаточно большая квартира, — вспомнила Варя. — Хватит вам, чтобы свить любовное гнездышко. У тебя денег много, в крайнем случае новое жилье купишь. Кстати, Жене надо бы за аренду заплатить. Нехорошо бесплатно ее жилищем пользоваться. Скиньтесь с Иркой...

— А ты только и мечтала о том, чтобы со мной развестись, — прорвало Сергея. — Нашла повод! Это твой любовник? — показал он на Валентина.

— Попрошу, — оскорбился художник. — Будьте мужчиной! Держите себя в руках!

— Ты угадал! — вздернула подбородок Варя. — Пока вы кувыркались наверху, мы тут, под вами, тоже не скучали!

— Ах ты...

Сергей вдруг прыгнул в сторону невинного Валентина и неизвестно, что сделал бы, если бы не хорошая реакция остальных. Женщины, возглавляемые Веней, бросились со спины на Сергея, схватили его за руки и оттащили от художника.

— Прекратите это безобразие! — донеслось откуда-то сверху. — Устроили настоящий притон!

Все подняли головы, но никого не увидели. Неизвестная женщина, решительно выступившая за порядок в родном подъезде, хорошо маскировалась.

— Детей страшно из дома выпускать! — выкрикнула она из недр своего этажа. — Но ничего: мы разгоним вашу «малину», найдем управу! Сейчас дежурный наряд приедет!

Связываться с милицией не хотелось никому. Сергей стряхнул с себя ослабшие женские руки и быстро покинул подъезд. Веня с Инной по стеночке, чтобы не сильно светиться перед строгой блюстительницей порядка, отправились прятаться в Женькиной квартире. Люба, Варя и Валентин скрылись в мастерской.

— Ну вот, — недовольно сказал художник, — теперь я же во всем виноват окажусь. Такое местечко хорошее. Вдруг лишат аренды? И муж ваш... Нервный какой-то. Он же мог мне руки повредить. Как бы я работать стал? Зачем вы на меня наговариваете?

— Я думала, что для вас комплимент — считаться моим любовником, — нагло парировала Варя. — Вы разве не понимаете? — ей сразу стало стыдно. — Обстоятельства вынудили. Так получилось. Спонтанно.

— Ладно, — Валентин оказался отходчивым, — продолжим трапезу, что ли? Все равно вам рано еще домой возвращаться. Пока ваш муж вещи соберет...

От этих слов, произнесенных вслух, Варе сделалось так горько, будто внутри сорвалась главная пружина, державшая ее уже несколько часов. Она успела подумать, что страх неизвестности, с которым приходилось жить последние месяцы, разрушает человека больше, чем знание. Теперь наконец все встало на свои места. Она зажмурилась, но слезы, прорвав границу, хлынули из глаз, полились по щекам, закапали на светлую кофточку. Носовой платок как назло нигде не нащупывался.

— Держи, — сунул Варе в руку стакан и кусок своей отвратительной рыбы Валентин. — Помогает...

— Такой стресс, — помотала головой Люба, — чего нам, женщинам, только не приходится переживать.

Глава шестнадцатая

С Новорязанского шоссе Сергей свернул направо и уперся в шлагбаум. Добродушная пожилая женщина спросила:

— Вы в какой клуб?

— Еще не решил, — ответил Сергей и протянул ей сторублевую купюру.

Шлагбаум открылся.

На огромной территории бывшего ДОСААФа вдоль бетонной полосы разместились павильончики, сделанные из модульных сборных конструкций. В них и находились администрации многочисленных авиационных клубов. На открытых стоянках отдыхали самолеты и вертолеты. Даже непрофессионал по внешнему виду техники мог сразу определить, какой из клубов дороже, а какой дешевле.

Сергей залюбовался маленькими, просто игрушечными машинами явно импортного производства — то ли итальянскими, то ли швейцарскими. Бело-голубые, чистенькие, двухместные, они напоминали стрекоз, и было непонятно, как им удается держаться в воздухе. В аккуратный французский вертолет садились два человека — инструктор и начинающий пилот. Сергей определил это по решительности первого и неуверенности второго.

Он зашел в павильон. За стойкой стояла девушка, которая могла бы блистать на подиуме, с мобильным телефоном последней модели в руке. В обтягивающих джинсах и майке, с открытым животом, огромным количеством бижутерии и яркой косметикой на лице, она хорошо понимала, какое впечатление производит на незнакомых мужчин.

— Хотите полетать? — обратила она свой взор на Сергея.

— Я в первый раз, — сказал он.

В окно Сергей увидел, как у павильона затормозил кабриолет-«порше» с двумя джипами сопровождения. Да, народ тут собирался непростой. Через секунду люди из кабриолета уже стояли около стойки, и девушка-модель радостно их приветствовала.

— Посмотрите пока каталог, — вспомнила она о Сергее и сунула ему в руки буклет.

В приемной стояли мягкие кожаные диванчики, какие можно увидеть в любой преуспевающей фирме. Дорогие глянцевые журналы, каталоги от дилеров самых крутых иностранных автомобильных марок предназначались для развлечения тех, кто ожидал полета. Сергей подумал, что рынок самолетов только зарождается, но вполне вероятно, что скоро это станет таким же привычным делом, как машины на дорогах.

Он решил заглянуть в другие клубы, сравнить цены.

У соседей все было дешевле и проще. Один из пилотов-инструкторов предложил ему кофе, печенье и подробно рассказал о преимуществах советских самолетов пятидесятилетней давности, которые входили в парк их клуба. Сергей слушал и думал про себя, что летает этот металлолом наверняка на одном крыле, на честном слове. Но парень был симпатичным, влюбленным в малую авиацию, обижать его не хотелось. Сергей пообещал завтра обязательно опробовать так расписываемый им ЯК-18Т и честно признался, что сегодня хочет начать все-таки с новенького импортного самолетика. Если парень и обиделся, то виду не подал.

Девушка-модель болтала по своему навороченному мобильнику.

— Вернулись? — узнала она Сергея. — И правильно. Лучше наших самолетов здесь нет.

Час полета здесь стоил от двухсот до двухсот шестидесяти долларов, а на вертолете — все четыреста. Сергей решил, что тридцати минут для начала ему вполне достаточно.

Работа в инвестиционной компании научила его все тщательно считать. В последние годы Сергей с цифрами имел гораздо больше дел, чем с живыми людьми. И они увлекали его намного сильнее, чем пустые разговоры.

Цены на полеты его удивили. Насколько Сергей понял, самолет заправлялся девяносто пятым бензином, и топливо он потреблял, как малолитражка. Значит, на сто километров требуется всего семь с половиной литров. Если скорость самолета двести километров, то он «съест» максимум пятнадцать — двадцать литров «керосина».

Да, дорогое удовольствие! Еще некоторое время назад Сергей спокойно выложил бы двести долларов за любое развлечение. Но сейчас, когда из обеспеченного человека он превращался в мужчину, вынужденного считать каждую копейку, такая сумма казалась огромной. И все-таки именно теперь отказать себе он не мог. Ту тяжесть, что заполнила весь его мозг, каждую клеточку тела, можно было снять только чем-то из ряда вон выходящим. Он рассчитывал на небо как на главную помощь в своей покотившейся под откос жизни.

Стать летчиком было его детской мечтой. Мальчишкой он написал письмо в «Пионерскую правду». Ему пришел ответ: какой-то взрослый потратил немало времени, чтобы объяснить Сереже, насколько трудная профессия у пилотов и готовиться к ней нужно начинать с детства. Главное, чему следует уделить основное внимание, — это закаливание.

Сережа очень хотел стать летчиком. И потому к закаливанию приступил немедленно. Стояла холодная зима. Он разделся, притащил на балкон ведро с холодной водой и вылил ее на себя. Дрожая от холода, он потер еще себя снегом. А на следующий день часа два держал ноги в ледяной воде.

Наверное, Сережин организм всячески сопротивлялся его желанию летать. Потому что еще через день у мальчика поднялась высокая температура и его на «скорой» увезли в больницу, где он провалялся два месяца с сильным воспалением легких. Немного позже ему поставили диагноз «хронический тонзиллит» и с мечтой пришлось окончательно распрощаться по состоянию здоровья.

Теперь через тридцать лет ему так же сильно захотелось летать, как это было тогда, в далеком детстве.

— Самолет весит всего четыреста пятьдесят килограммов, — рассказывал инструктор, бывший военный летчик. — В случае отказа двигателя здесь есть уникальная система спасения с помощью парашюта: самолет вместе с экипажем на нем плавно спускается на землю.

Он показал, что должен осматривать каждый пилот перед вылетом: винт — чтобы не было трещин, шины — чтобы не было порезов, тормозные трубки — чтобы были сухие, а также закрылки и хвостовое оперение.

Когда они уже двинулись по «рулежке» к взлетно-посадочной полосе, Сергею показалось, что их маленький «текнам-гольф» вот-вот перевернется — таким неустойчивым он казался.

Один за другим садились самолеты. Они постояли немного, пропустив два. И только потом покатались по взлетно-посадочной полосе. Сергей не ожидал, что взлет будет таким резким, прямо с места, как это происходит у вертолета. Набор высоты напоминал выстрел из катапульты. Альтиметр показывал девятьсот футов.

Когда-то они с Варей и Жанной отдыхали на Кипре, в Айя-Напе. В большом парке аттракционов, куда направлялась разморенная духотой публика по вечерам, самым большим успехом пользовался «Слинг-шот». Два человека садились в кабинку, которая молниеносно уносилась ввысь, потом с такой же сумасшедшей скоростью опускалась, а между этими бросками крутилась и вертелась в разные стороны под истошные крики участников и болельщиков. Варя отказалась сразу от этой забавы, а Жанна зажглась, уговорила отца, и Сергей помнит, как он сидел в кабинке «Слинг-шота» и у него от страха замирало сердце.

Примерно те же чувства испытывал он сейчас. Хотя «Тарзан» в парке Горького, откуда Сергей рискнул прыгнуть несколько лет назад, после какой-то вечеринки на работе, когда все много выпили и отправились слегка проветриться, был страшней.

— Не убирай руку со штурвала, — сказал инструктор, — а то ты дергаешься и постоянно нажимаешь кнопку для выхода в эфир. Не бойся!

Дергаться было от чего. Когда они совершали вираж в сторону, где сидел Сергей, самолет наклонялся и возникало ощущение, что человек оказывался один перед бездной. Непроизвольно хотелось за что-нибудь схватиться, удержаться, чтобы не пропасть, не вылететь. К этим новым чувствам нужно было приноровиться, привыкнуть. Развороты в тридцать градусов Сергей освоил легко. А когда сделали один в сорок пять — у него сдавило грудь. Сергей посмотрел вниз. Их зона полета пролегла над каким-то дачным поселком и лесом. Сильная болтанка вызывала чувство дискомфорта. Сергей выполнял команды инструктора и понимал, что у него получается все лучше и лучше. После нескольких кругов зашли на посадку. Ее как самую сложную часть полета инструктор провел полностью сам.

Отодвинув крышку самолета назад, Сергей встал на крыло и сошел по специальной лесенке вниз.

— Ну как? — спросил инструктор.

— В следующий раз хочу полетать на отечественном, — ответил Сергей.

— Вы на чем ездите? — поинтересовался инструктор. — На иномарке? На «Жигули» хотите пересесть? Так вот, летать на Яке — все равно что после джипа сесть в «уазик».

— Дороговато у вас.

— Ненамного.

И, обсуждая детали разных марок самолетов, они пошли пить кофе, который для членов этого клуба подавался бесплатно.

Вообще-то Сергей боялся летать на обычных пассажирских рейсах. Когда в иллюминаторе он видел внизу лишь облака, то покупал у стюардессы коньяк и с его помощью пытался забыться. Но за штурвалом маленького самолетика он чувствовал себя совершенно иначе.

Там его жизнь зависела от неизвестного экипажа. Здесь он мог всем управлять сам. А земля, которую все время было видно с воздуха, придавала уверен-

ность. Она словно улыбалась своим расшалившимся детям и подтверждала кровную связь с этими мужчинами, которые никак не хотели ограничиваться твердой почвой под ногами, а стремились ее утратить.

Сергей пил кофе на втором этаже клуба, откуда через открытое окно было видно, как какой-то смельчак в воздухе совершает умопомрачительные пируэты. Когда тот зашел в штопор, Сергей подумал, что он сейчас в таком же штопоре. Только смельчак-пилот из него выйдет, а сможет ли это сделать Сергей — большой вопрос.

Каким же надо быть идиотом, чтобы связаться с этой Ирой! Да что там говорить: сколько мужчин годами имеют любовниц и не попадают и их жены ни о чем даже не подозревают! А тут — никакой страсти, никакой любви, так — времяпрепровождение. Если честно, то он эту Иру просто ненавидел! И зачем с ней встречался? Вопрос, что называется, на засыпку.

С чего все началось?

Он пришел в тот день домой в отвратительном настроении. Ему, столько сделавшему для своей фирмы, из-за одной-единственной ошибки предложили убраться на все четыре стороны. Сергей даже представить не мог, как сказать об этом Варе. Он знал, что она, конечно, не будет поедать его упреками, скроет свое разочарование, но предстоящее унижительное признание его убивало. Сергей всегда осуждал тех, кто жаловался на свою участь, на то, что мало получают, что не замечают их заслуги. Ему казалось, что мужчина должен делать дело, обеспечивать семью, а не ныть по поводу собственной несостоятельности. И вот теперь он оказался в той же компании.

Больше всего в тот момент ему хотелось остаться одному, никого не видеть, отлежаться, отойти, подумать, что делать дальше. Вот-вот домой вернутся Варя, Жанна, станут тормозить, задавать вопросы... Тогда он и вспомнил о пустующей Жениной квартире. Ключ от нее всегда лежал в одном месте.

Когда Сергей подходил к Жениному дому, его неожиданно окликнула соседка Ира. Как потом выяснилось, она возвращалась из гостей, от знакомой, с которой отмечала какое-то семейное событие. Ира была слегка пьяной, очень веселой, без конца смеялась и болтала о пустяках, в которые Сергей даже не вслушивался. Но в какой-то момент ему, мрачному и ушедшему в себя, вдруг показалось, что общение со столь жизнерадостной женщиной заставит его отвлечься от собственных переживаний, вернет вкус к жизни.

— Ты такой грустный сегодня, — заметила Ира. — С Варей поругался?

— Да нет, — неуверенно ответил Сергей.

— У нее вообще-то трудный характер, иногда я ее не понимаю, — добавила Ира и предложила: — Тут рядом есть уютный бар. Хочешь, посидим, выпьем?

Сергей согласился. После второй бутылки вина Ира показалась ему самым родным человеком на свете. Они допоздна просидели в баре, и Сергей подумал, что если женщина хочет завоевать мужчину, то ей следует вести себя так, как Ира, — смотреть на него восторженно и предельно искренне. Это подкупает. Совершенно естественно, что потом они зашли в пустую Женину квартиру и занялись сексом — прямо на полу, набросившись друг на друга как изголодавшиеся животные. Сергей так и остался там ночевать, подложив под голову куртку, а Ира ушла домой. Провожать ее у Сергея не было ни желания, ни сил.

На следующий день она поджидала его у подъезда.

— Я в восторге от вчерашнего вечера, — глядя ему в глаза, призналась она. — Знаешь, что мне пришло в голову? Раз ты в этой квартире отдыхаешь, то надо же тебе на чем-то спать. Я как раз меняю мебель, и мне совершенно некуда девать старую кровать. Сегодня договорилась ее вывезти, а куда — не знаю. Машина подойдет вечером, в семь часов. Давай я тебе эту кровать и заброшу?

Она смотрела на него таким просящим взглядом, что Сергей, особенно не задумываясь, согласился и даже вернулся домой, чтобы опять взять ключи и отдать их Ире.

Когда вечером он зашел в Женину квартиру, чтобы забрать их, как они и договаривались, его ждал сюрприз. Здесь не только стояла привезенная кровать, но появились какие-то другие вещи, которые делали это пустое жилище уютным и почти обжитым.

Ира, как настоящая хозяйка, хлопотала, расставляла что-то в ванной, на кухне. Откуда-то появились бутерброды, вино, бумажная одноразовая посуда.

— Перекусим? — предложила она.

Сергей жевал, слушал Ирины новости и думал о том, что как женщина она ему никогда не нравилась. И совершенно непонятно, что он делает сейчас здесь, с ней, с этой нелепой кроватью...

Ира зажгла свечи и потянулась к нему. Ее руки стали расстегивать ему брюки, и она скользнула вниз, на пол...

Из двух зол Сергей даже не пытался выбрать меньшее. Ему вообще ничего не хотелось делать. И если кто-то мог сейчас принимать решения за него, то это Сергея вполне устраивало.

Глава семнадцатая

Целую неделю Света потратила на то, чтобы вызвонить бывших однокурсников и рассказать каждому о личных проблемах. Народ, до которого доходили слухи о счастливом Светином замужестве и ее дальнейшей безмятежной жизни, поначалу выражал радость от возобновленных отношений. Но постепенно, понимая, что однокурснице требуется серьезная поддержка, тихо скисал, переводил беседу на собственные многочисленные трудности и помощи не обещал. Только один человек проникся ее бедами и теперь регулярно звонил Свете.

В институте его все звали Петюней, потому что он был вертлявым и щуплым. И Света, собираясь на встречу с ним, никак не могла отделаться от этого прозвища, оно постоянно крутилось у нее в голове, как заезженная пластинка.

В студенческие годы Петюня был невероятно активной личностью и постоянно ошивался в политических тусовках, за что имел немало неприятностей от деканата. По телефонному разговору Света поняла, что изменился он мало, вот только сфера его интересов стала другой. Теперь бывший политический активист занимался написанием заметок в газеты, созданием эскизов для могильных памятников, ремонтом квартир, разведением цветов и чем-то еще, о чем обещал рассказать при личной встрече, которую назначил Свете у метро «Цветной бульвар».

Она узнала его сразу. Это был интересный мужчина, находящийся в полном расцвете сил, хотя на голове у него и сияла приличная лысина.

— Светик! — кинулся он навстречу.

И Света подумала, что никакой он теперь не Петюня, а самый настоящий Петр — вон как возмужал и окреп. Он не сделал ей даже дежурного комплимента, и она не поняла, понравилась ему или нет. Хотя перед встречей тщательно готовилась, выбирала подходящий костюм, сходила в парикмахерскую. Все-таки Света очень давно не бегала на свидания.

— Посидим на скамеечке, — предложил Петюня после приветствий.

— Да ну, — отбросила эту идею Света. — Ветрено. Давай заберемся куда-нибудь под крышу. Почему бы нам не посидеть вон там, например, — и она показала на вывеску «Бар», попавшуюся ей на глаза.

— Ладно, — согласился Петюня.

Заказав бокал вина и сыр-ассорти, он тут же достал папку с бумагами и разложил их на столе.

— У меня есть проект для телевидения. — Петюнины руки быстро перебирали листки. — Ты станешь моим помощником. Мы будем делать программу о сексе.

Света поежилась:

— Типа «Про это»?

— Ты что? — возмутился Петюня. — У нас будет все гораздо круче! Я уже давно работаю над этой темой. Смотри! — из папки он достал какие-то вырезки и похвастался: — Мои публикации.

Света посмотрела на иллюстрации, которыми снабжались газетные статьи Петюни. Главным образом там изобиловали голые части женских тел. Света быстро пробежала глазами тексты. Речь в публикациях шла об оргазме и из-

вращениях, которые предпочитает слабый пол. «И откуда он может об этом знать?» — подумала она.

Читать такую муть ей совсем не хотелось.

— Возьми мои статьи домой, — милостиво разрешил Петюня. — На досуге внимательно изучишь. Я думаю, что мы с тобой могли бы выступить в роли ведущих. Ты бы комментировала поведение женщин, а я — мужчин.

— Надо подумать, — осторожно ответила Света.

Она, конечно, приставала ко всем знакомым, чтобы ей помогли найти какое-то дело. Но роль комментатора по половым вопросам — все-таки слишком смело для нее.

— Я уже отправил заявку на телевидение, — допил вино Петр и заказал официантке минеральную воду «Перье». — Мне обещали помочь. Когда-то я был там своим человеком. Связи остались. Как-нибудь покажу тебе кассету с теми сюжетами, которые проходили на городском канале.

Он опять залез в толстую папку и выудил оттуда рисунки, изображающие надгробные надписи.

— На этом, — сунул Петюня их под нос Свете, — можно делать большие деньги. Мы разместим рекламу, ты будешь принимать заказы. Народ хлынет потоком. Видела, как скучно оформляются могилы? Там можно совершить настоящую революцию!

Света была уверена, что революция на кладбищах никому не нужна. Наверное, Петюня все-таки не окончательно отошел от своих политических увлечений.

— Скажи, — спросила она, — почему ты перестал заниматься политикой?

— А-а... — отмахнулся тот.

— Говорят, власть — самый сладкий наркотик?

— Потому там и боятся талантливых людей. Их просто выживают, — Петюня дернул головой и сменил неприятную для него тему. — Я собираюсь создать свой журнал. Сейчас этим занимаюсь. Будешь моим коммерческим директором?

— Но я никогда...

— Все нормально, — великодушно прервал Свету Петюня. — Когда-нибудь ведь надо начинать.

Им принесли счет, а Петюня отвлекся, стал собирать свои бумаги в папку. Света посмотрела на сумму, достала кошелек. Петюня к счету так и не проявил ни малейшего интереса. Свете вдруг стало неприятно. Она была сторонницей равноправия, но предпочитала, чтобы мужчина брал денежные расходы на себя. Или, на худой конец, платил половину. Она снова заглянула в счет. Одна минеральная вода «Перье», которую пил Петюня, стоила сто двадцать рублей. Не деньги, конечно, но у Светы началась теперь новая жизнь и ей предстояло научиться экономить.

— С тебя, — твердо сказала она, — двести семьдесят рублей.

Петюня удивленно посмотрел на нее, но деньги выложил, не оставив, впрочем, ни рубля чаевых.

Попрощавшись с ним и проводив его взглядом, Света достала его публикации на темы секса и брезгливо выбросила их в ближайшую урну. Нет, ее бывший однокурсник совсем не изменился, а его лысина не придала ему ни мудрости, ни основательности. И никакой он не Петр. Как был Петюней — так им

и остался.

Но он о Светиных выводах не догадывался, а потому никак не унимался в благородном порыве помочь старинной подруге. Петюня без конца звонил, предлагая все новые и новые проекты. На телевидении ему отказали, но это только усилило его активность. Где-то в глубине души Света им даже восторгалась. А когда он рассказал ей о своих сложных взаимоотношениях с первой женой, которая несколько лет назад ушла от него, потому что он стал ей не нужен, и о предстоящем разрыве со второй, которая завела себе молодого любовника, Свету пронзила жалость. Уж ей ли не знать, что чувствует человек в такие моменты! Она сама только-только начала приходить в себя от удара, который нанес ей муж. Свете хотелось всему миру рассказать о той несправедливости, что случилась в ее семье. Она звонила бывшим подругам, знакомым в поисках внимания и сочувствия и в какой-то момент вдруг ясно поняла, как всем надоела, как от нее хотят поскорее избавиться и торопятся повесить трубку. Только один человек — Люба, пострадавшая, между прочим, от Светиной семьи, спокойно выслушала ее, постаралась успокоить и вообще вела себя по-человечески. И кстати, настояла на том, чтобы заплатить за себя в ресторане.

Света теперь понимала, какое жуткое впечатление должна была произвести на Любу: истеричная, неадекватно ведущая себя женщина, наверное, чем-то похожая на Петюню. Но тогда она ничего не могла с собой поделать — таким способом прорывались ее отчаяние и безысходность. Ее переполняла ненависть — к мужу и сыну, которыми она жила и которые полностью исковеркали ее жизнь.

Сейчас, когда оба они обитали в неизвестных ей местах и дома не появлялись, Света стала думать о том, что ее материнский долг — спасти сына. Она увлеклась специальной литературой и сходила на консультацию в крупную наркологическую клинику. Пусть процент излечившихся небольшой, но почему Вова не может попасть в их число? Света с интересом обнаружила, что дети самых известных и уважаемых людей тоже нередко впадают в наркологическую зависимость. А в той клинике, куда она ездила, ей намекнули, что у них существуют даже VIP-палаты для особо привилегированных клиентов.

Сегодня Света собиралась съездить в один монастырь, куда по доброй воле стекались наркоманы и жили там, пытаясь избавиться от своей болезни. Она уже стояла в дверях, когда зазвонил телефон, и пришлось вернуться, поднять трубку.

— Как дела? — Это опять был Петюня — как всегда полный энтузиазма. — До сих пор не работаешь? — В его интонациях появилось что-то особое. — А я тут стал главным редактором журнала! Дел невпроворот! Работаю уже неделю. Издание новое, я пока тут в единственном экземпляре. Мне срочно люди нужны, набираю штат. Ты не могла бы сейчас ко мне подъехать? Все расскажу при встрече.

— А зарплата? — неуверенно спросила Света.

— Тебе — тысяча долларов, — великодушно пообещал Петюня.

Света записала адрес. Надо ехать. Она звонила в столько мест, пытаясь отыскать себе какую-нибудь достойную работу, но нигде ей не предлагали таких денег. Это шанс! И кажется, она все-таки ошиблась в Петюне, мысленно вычеркнув его за бестолковые прожекты из списка серьезных людей, на кото-

рых можно положиться.

Его новая работа находилась недалеко — всего пять остановок на метро. Она не сразу нашла нужный дом — он затерялся во дворе, среди высоких многоэтажек, неказистый, напоминающий детский сад. Но в подъезде ее остановил охранник, и они долго разбирались, куда же направляется Света — название журнала она забыла спросить.

Редакция занимала всего одну комнату, но она была большой, современно отделанной и обставленной новой мебелью. Перед двумя компьютерами сидели мужчина и женщина, поднявшие головы, когда Света вошла. «Наверное, подчиненные», — подумала она и вежливо поздоровалась. Петюня тоже сидел за столом, но почему-то без компьютера, а перед ним лежала знакомая по прежней встрече кожаная папка с бумагами.

— Пришла? — У Петюни был очень сосредоточенный вид. — Выйдем. — И, поднявшись со своего места, он почти вытолкнул Свету в коридор.

Она рассчитывала на теплый прием, на то, что ее угостят чаем или кофе, а параллельно последует неспешное обсуждение ее будущих обязанностей — все-таки она не уборщицей пришла наниматься, а в руководящий состав. Ее надежды не оправдались, но Света отнеслась к действиям Петюни с пониманием: своими разговорами они могли отвлечь подчиненных от работы.

На лестничной площадке, где висела табличка «Для курящих», новоявленный редактор остановился и закурил.

— Так как ты? Согласна? — нервно спросил он без всяких вступлений.

— Я не поняла, — Света две недели назад бросила курить, ее тянуло начать снова, и она еле сдерживалась, чтобы не попросить сигарету, — в качестве кого ты меня приглашаешь?

— Моего заместителя! — выдохнул дым Петюня. — Я зашиваюсь! Так что будешь моей правой рукой.

— А конкретно? Что я должна делать?

— Все! — Петюня снова выпустил струю дыма, и его глазки забегали по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли кто их задушевный разговор. — Тут строят против меня козни. Сегодня взяли и отобрали компьютер.

— Почему? — Света почувствовала себя неуютно.

— Завидуют.

— Чему?

— Моей успешности, — самодовольно заявил Петюня. — Я здесь неделю работаю, а уже столько идей предложил.

— Да, — согласилась Света, — с идеями у тебя все в порядке.

— Вот именно! — обрадовался Петюня похвале. — Но тут, знаешь, — он снизил голос до шепота, — люди собрались, которые ни в чем не смыслят. Они не могут оценить. Я ведь идеи выдаю им бесплатно. Сейчас формирую редакционный портфель. Свои старые статьи притащил — все для общего дела. У них же нет ничего. Сделали сигнальный экземпляр. И все, материалы кончились. А потом меня пригласили.

— Можно взглянуть на этот сигнальный экземпляр?

— Стой здесь, — остановил Петюня попытку Светы двинуться к кабинету. — Сейчас принесу.

Через минуту он вернулся с журналом в руке.

— Ничего интересного, — комментировал Петюня, пока Света перелисты-

вала страницы. — Мы сделаем лучше!

Журнал был профессиональным — для тех, кто интересуется новинками видеотехники. Света отметила про себя, что темы статей — специфические, не для рядового читателя. Много места занимала реклама. Пожалуй, главной в журнале была именно она.

На лестничную площадку вышли мужчина и женщина, которые в момент Светиноного прихода работали за компьютерами. Они очень странно посмотрели на уединившихся Петюню и Свету. В их облике не было даже намека на доброжелательность.

— Отличная полиграфия! — неожиданно возбудился Петюня. — Я бы, правда, фотографии и рекламу подавал не так.

Мужчина и женщина переглянулись и, передумав курить, ушли.

— Это твои сотрудники? — спросила Света.

— Они входят в редколлегию, а вообще — сотрудники фирмы, — туманно объяснил Петюня. — Ну ладно, мне некогда сейчас, тебе, наверное, тоже...

Он пожал руку Свете, и та, ничего толком не поняв, побрела домой. По дороге она решила, что эта затея с ее работой в журнале — совершенно идиотская, а главное — маловразумительная. И даже за тысячу баксов трудиться под руководством такого неврастеника, как Петюня, — полное сумасшествие.

Переодевшись и налив себе чая, Света смягчилась и подумала, что, может быть, конечно, его поведение носит временный характер и связано с личными переживаниями. Она еще совсем недавно вела себя не лучше. Ведь разглядели же руководители журнала в Петюне творческий и организаторский потенциал, пригласили на работу. А они наверняка не глупее Светы.

Из раздумий ее вывел очередной звонок Петюни.

— Ты представляешь! — Он был взвинчен, в его голосе слышались истеричные ноты. — Только ты ушла, как меня вызвали к начальству и объявили, что я уволен! Целую неделю выкладывался, столько идей предложил, теперь они ими будут пользоваться, а меня выкидывают на улицу! Объяснили, что я им не подхожу. Психологически.

— Тебе хоть заплатят? — ничего умнее Света спросить не могла.

— Так ведь посчитают как за пять рабочих дней! А я столько сделал! И днем и ночью думал, как улучшить журнал, предлагал варианты! Они же ничего сами не могут! Слушай, — вдруг осенило его, — а что, если ты свои деньги вложишь в новое предприятие? Я подскажу в какое! У тебя много наличных?

— Совсем нет, — приврала Света. — Я же говорила тебе, что с мужем развожусь.

— А-а, — разочарованно протянул Петюня.

Когда Света положила трубку, то про себя удивилась: и как это его терпели в этом журнале целую неделю — изо дня в день?!

Зря она потеряла время и не съездила в монастырь. Но ничего, сделает это завтра. Гораздо важнее сейчас найти Вову, привести домой, уговорить его принять ее помощь, и тогда им вместе, потихоньку, может быть, удастся что-нибудь сделать. В клинике ее предупредили, что от принудительного лечения толку не будет. Только если Вова захочет сам избавиться от пагубного пристрастия, возможен положительный результат.

Но ее сын так молод! И так глуп! Света ведь пыталась говорить с ним о вреде наркотиков! И она помнит, к чему это все приводило. Вова кричал, что

он — не наркоман, что наркотики не только не вредны, но даже полезны, сры-
вался и пропал из дома. Света понимала, что в среде, в которую он попал,
существует целая философия... Она внедряется в умы таких молодых людей,
как Вова, и противостоять ей очень трудно.

Глава восемнадцатая

Жанна узнала его сразу — по пакету апельсинового сока в руках. Она скользнула взглядом вниз, к обуви. Если бы Дима пришел в «гриндерсах», Жанна испытала бы разочарование. Она встречалась короткое время с бывшим одноклассником, который носил именно такие ботинки — черные, огромные, тяжелые, как у скинхедов или футбольных фанатов, и это ее страшно раздражало. Тот одноклассник был невысоким, ботинки поднимали его на недостижимую высоту — так он считал. А Жанна находила, что это полная глупость. Может быть, парень ей не очень нравился, но его «гриндерсы» быстро привели к окончательному разрыву.

Дима был в нормальных кроссовках фирмы «Найк». А рост у него оказался в районе метра восьмидесяти. Остальной «прикид» Жанна тоже оценила положительно: джинсы, футболка — все как у людей. Она сама была одета примерно так же. Конечно, для этой встречи Жанна выбрала самую новую майку и самые дорогие брюки, но со стороны это должно было смотреться естественно, без намека на особые старания. В зеркале она себе понравилась.

— Привет, — сказала Жанна. — А как я буду пить сок из пакета? Или ты стаканчики прихватил?

— Не догадался, — ответил Дима.

Он был похож одновременно на Брэда Питта и Дэвида Бекхэма. Неужели у него действительно нет постоянной девушки? У такого красавчика? Жанна заметила, что проходящие мимо девчонки откровенно рассматривают Диму.

— Это не проблема. Купим одноразовые стаканы, — сообразил «Билл Гейтс». — Вот хотя бы здесь. — И он показал на одно из летних кафе, которые уже всю работу на Тверском бульваре, недалеко от Макдоналдса.

Пока Дима договаривался о посуде, Жанна присела за столик. Невдалеке пили кофе мужчина и женщина. К ним подошел парень лет двадцати пяти с кудрей бородачкой и сказал:

— Вы не могли бы мне дать какую-нибудь мелочь на пиво? Я только что сдал экзамен по математике, а отметить событие не могу — средств не хватает.

— А сколько надо? — спросил мужчина за столиком.

— Если не жалко, то рублей тридцать.

Мужчина с женщиной рассмеялись, но что-то парню отдали, после чего поднялись и ушли. Бородатый тоже исчез.

«Какая наглость!» — подумала Жанна.

Дима нес стаканы и мороженое.

— Я подумал, что мы не будем ограничиваться соком, — сказал он, расставляя мороженое на столе.

— Здорово, — обрадовалась Жанна. — Я как раз мечтала съесть мороженое.

— А ты в жизни еще лучше, чем на фотографии, — признался Дима.

— И ты, — искренне похвалила Жанна. — Как киноактер.

— Скажешь тоже, — засмутился Дима.

— Ребята! — около их стола возник как из-под земли бородатый. — Извините...

— Вам, случайно, не мелочь на пиво понадобилась? После экзамена по математике? — спросила Жанна.

— Да, — удивился парень. — А я уже у вас брал?

— На, — высыпал ему рублей пять Дима.

— Зачем? — возмутилась Жанна, когда бородатый отошел. — Какой он студент? Такой старый уже.

— Да ладно... Раз человека так жажда мучает...

— Ребята! — около них снова нарисовался бородатый с кружкой пива в руке. — Как говорят в телевизоре, выпьем за наших спонсоров!

И он чокнулся с пакетом апельсинового сока.

— Экзамен по математике я на самом деле давно сдал, — разоткровенничался парень. — Когда учился в частном университете. А сейчас получаю второе высшее образование. Тяжело стало знания добывать.

— Вы совсем не похожи на студента, — вставила Жанна.

— Это все бутафория, — он вздохнул, допил пиво и попрощался. — Пойду к экзамену готовиться. Удачи вам!

— Видишь, — сказал Дима, — нормальный человек.

— Все равно все врет! — не согласилась Жанна и покатила по столу фингерборд, который ей на Восьмое марта подарила Машка.

— Что это? — спросил Дима.

— Не знаешь? — удивилась Жанна. — Как скейтборд, только для пальцев.

— Родной?

— В смысле?

— Фирменный, спрашиваю...

— А-а... Вряд ли. Мне подарили.

— Значит, неродной.

Разговор заходил в тупик. На взгляд Жанны, Дима чересчур умничал. Родной — не родной... Бред какой-то.

— Засиделись мы тут, — сказал Дима. — Давай прошвырнемся по бульвару. Признаться, я с компьютерами больше привык общаться, чем с людьми. Мне хочется тебе понравиться, но я не знаю как.

— Ты серьезно? — поднялась Жанна. — А я тоже стесняюсь незнакомых людей, пока к ним не привыкну.

После того, что сказал Дима, на душе у нее стало легко. Он хочет ей понравиться! Он старается! Да Дима понравился ей с первого взгляда! Вернее, с первых слов по «аське»! С первого телефонного разговора!

Они шли по бульвару, и Дима взял ее за руку.

— Жанка! — крикнул кто-то так громко, что люди вокруг стали оглядываться.

Жанна тоже обернулась и увидела, как к ним несутся со всех ног Машка с Викой.

— Привет! — сказали они хором, широко открытыми глазами поедая Диму. — А мы тебе звоним, звоним. Почему трубку не берешь?

— Наверное, не слышала, — Жанне понравилась реакция подруг — было очевидно, что ничего подобного они от нее не ожидали. — Познакомьтесь, это Дима.

Все раскланялись.

— А мы в библиотеку идем, к экзамену готовиться, — сообщила Машка. — Ты как его сдавать собираешься? Надо же еще реферат сделать.

— Успею, — Жанна изобразила на лице полную беспечность.

— Ты сегодня вся такая цветная, — томно осмотрела ее Вика.

Она, конечно, намекала на бордовые вставки в джинсах, такого же цвета ремень и сумку с яркими тюльпанами.

— Спасибо, — Жанна широко улыбнулась. — Всегда теперь так одеваться буду.

— Значит, с нами не пойдешь? — Маша смотрела выжидающе.

— Нет, — ответила Жанна. — Мы гуляем.

Девчонки, потоптавшись, ушли.

— Как тебе мои подруги? — спросила Жанна у Димы.

— Ничего, — он проводил их взглядом. — Как у них шеи не болят от такого количества цепей и мобильных?

— Ты заметил, что это самые последние модели телефонов? Особенно у Вики. Со встроенной цифровой камерой.

— А у меня вообще мобильного нет.

— Да ну?!

— Я без компьютера дня прожить не могу. А телефон в кармане мне ни к чему. Без конца звонят все кому не лень.

Жанна с таким отношением к давно привычному мобильнику еще не стала кивалась. Ее даже одолели некоторые сомнения. Возможно, у Димы серьезные материальные трудности. Он не может в этом ей признаться при первой встрече, вот и выдумывает версию о нелюбви к телефонам. В наше время это звучит как-то неправдоподобно. Тем более не надо было давать тому борода-тому лжестуденту деньги! При подобной щедрости, конечно, никаких средств на мобильные звонки не хватит...

Они добрались до Арбата, зашли на выставку кошек, где Жанна в очередной раз утвердилась в решении завести себе котенка. Обсуждая, какая порода лучше, они очутились у метро «Смоленская», где простились, потому что Диме нужно было обязательно успеть до вечера в свой институт.

И именно здесь, у метро, с Жанны слетела вся ее беспечность. О чем она только думает?! Реферата нет, учебник не раскрывала, а завтра экзамен!!! Мать со свету сживет, если она его не сдаст! Она набрала Машкин номер.

— Вы все еще в библиотеке?

— Я домой еду, — недовольно ответила та.

— Машунь, — Жанна вложила в обращение к подруге всю свою нежность, — можно я к тебе сейчас подгребу и ты мне поможешь с рефератом? Без тебя завтра точно завалюсь!

— Ладно, — Машка слегка колебалась. — Хотя с твоей стороны не очень-то красиво скрывать любовные связи. Где ты его нашла?

— В Интернете.

— Разве такое бывает? — Машкиному удивлению не было предела. — А ты его проверила? Он не маньяк? Не бандит? Там, в Сети, кого только нет. Даже если внешность у них ангельская, — наставительно добавила она.

— Потом поговорим. — Жанна не знала, как отвечать на Машкины предположения.

Слышала бы та, как Дима, например, разбирается в кошках и любит их! У него дома лет пять живут два перса. Огромный опыт! Если Жанна тоже заведет персидского котенка, то будет с кем консультироваться насчет кормежки, ухода и прочих тонкостей. Разве такой человек может оказаться бандитом?

Машка совсем уже! Сейчас начнет выпытывать подробности и находить в Диме недостатки. У нее манера такая: если рядом с Жанной появляется парень, то лучшая подруга делает все, чтобы начавшийся роман прервать. Или дело в другом? Когда Жанна с кем-то встречается, то Машке приходится искать других друзей, чтобы пообщаться или в кино сходить. А это не так уж просто. Во-первых, у всех свой круг общения уже есть. Во-вторых, многие девчонки Машку раздражают, она не находит с ними общего языка. Жанне, если честно, тоже не очень нравилось, когда Машка переключала свое внимание на парней, а о ней забывала. Тогда она начинала ощущать свое одиночество. Школьные подружки разбрелись, университетские заняты собой, к тому же все живут далеко друг от друга.

Лучший вариант, конечно, если у Димы обнаружится такой же симпатичный друг, как он сам. Тогда Машка в него влюбится, и они станут везде ходить вчетвером.

Ей стало приятно, что она столь великодушна и помогает подруге устраивать личную жизнь. Когда Жанна была счастлива, ей ничего не стоило осчастливить и кого-нибудь еще.

...Машка открыла дверь и с демонстративно равнодушным видом впустила подругу.

— Ты чего? — Жанна к такому обращению не привыкла. — Обиделась?

— А как ты думаешь? — взорвалась Машка. — Вика спрашивает меня об этом парне, а я ничего не знаю! Меня даже в известность уже не ставят! Когда что-то нужно — сразу к Маше, а как любовь — Машу в сторону! Прямо вся в секретах! Тайны Мадридского двора!

— Я просто не успела рассказать тебе. Все же случилось спонтанно. Специально вот пришла, чтобы поделиться. А ты кричишь.

— Да? — не поверила Машка. — Ты же сказала — к экзамену готовиться.

— Ну это тоже.

Перед тем как сесть за учебники, Машка взяла с Жанны обещание, чтобы та познакомила ее с новым бойфрендом поближе. Ведь иначе она не может проанализировать его внутренний мир и интеллектуальные способности, а сама Жанна относится к этому вопросу слишком субъективно.

Глава девятнадцатая

— Мы с соседкой ходили в баню! — Женю распирало от эмоций. — Но это совсем не то, что у нас! Ты не поверишь: тут парилки общие — для мужиков и баб вместе, народ набивается абсолютно голым, так и сидят... Когда мы вошли, мне даже в голову не приходило... И никто никого не стесняется! Ну просто ноль внимания! Как будто в общество nudистов попадаешь! Приедете ко мне в гости — увидите сами. Хотя вряд ли я с Серегой решусь идти... Одно дело — чужие мужики, а другое — знакомые... Когда у Сереги отпуск намечается?

— У него теперь бессрочный отпуск, — сказала Варя. — От меня.

— Ой! — Женька на том конце провода на мгновение потеряла дар речи. — Да объясни по-человечески! Что случилось-то?!

— Женька! — Варя неожиданно для себя всхлипнула. — Ты меня видела в прошлом году! Скажи честно: я стала сильно страшной?

— Да ты с ума сошла! Наоборот: прекрасно выглядела! Я тебе всю жизнь завидую: за последние лет двадцать ты совсем не изменилась! Вы с Любашкой как законсервировались. Это я все толстею и толстею.

— А Серега сказал, чтобы я сделала себе пластическую операцию.

— Он что, дурак совсем?!

— Он — не дурак. Он любовницу себе завел.

— Да-а-а, — Женька выдержала паузу. — Тогда понятно, конечно... Но ты не придумала это? Точно знаешь?

— Точнее не бывает, — Варя решила пока умолчать о месте свиданий. — Своими глазами видела...

— И что?

— Сергея я из дома выгнала...

— Зря, — осудила Женя. — Не жила ты одна.

— Но ты же развелась? И ничего.

— Ну да, — задумалась Женя. — Только инициатором был мой бывший муж. Разве ты не помнишь? Он тоже бабу завел. Я готова была все простить, он не хотел. Я год ходила с опущенной головой, думала, что все вокруг видят, какая я несчастная. Да ты вспомни! У меня ни работы не было, ни денег, ребенок на руках. Я бегала как угорелая, чтобы хоть что-нибудь заработать. А мой бывший процветал с новой женой. Ни разу про родную дочь не вспомнил. Каково мне было? Это потом жизнь все расставила по своим местам. Я и карьеру сделала, и денег заработала... А его вскоре новая жена бросила, отобрав при этом квартиру. И он медленно, но верно превратился в примитивного бомжа. Тогда, конечно, я испытала триумф! Когда он пришел ко мне, такой преуспевающей, и попросился назад. А я его послала подальше!

— Так ему и надо, — мстительно заметила Варя, которой очень нравился подобный финал. — В Германии себе кого-нибудь найдешь.

— Можно подумать, это так просто, — взгрустнула Женя. — Мне ведь от мужчины поддержка нужна — материальная, моральная... Вот заболела у меня нога, так чтобы он и к врачу свозил, и лекарства привез, и в магазин за продуктами... А просто так — зачем мне кто-то? Мужчины сами поддержки ждут. И еще претензии какие-то... Ходил тут ко мне один... Ну это же кошмар какой-то! Еле отвязалась. Знаешь, наверное, я стала таким человеком, что ко-

го-то долго рядом с собой уже не в состоянии вынести.

— А с ногой-то что?

— Неудачно спрыгнула, когда шторы вешала. — Женька отвлеклась, и Варя услышала, как она зашикала на своего пинчера. — Мерзавец! — объяснила она тут же. — Сделал лужу прямо посреди комнаты. Так о чем я? А-а, хотела тебе сказать, что к Полинке послезавтра московская подружка приезжает, причем надолго. Собирается здесь жениха себе найти. Полинка уже подготовила для нее три кандидатуры. Я даже обиделась: о подруге заботится, а о матери нет. А она мне говорит, что спрос на девушек от двадцати до тридцати — очень большой, от тридцати до сорока — намного меньше, а дальше — единичные объявления. Это в Интернете. Хотя, конечно, им больше все-таки молодежь пользуется.

— Ты же сама мне рассказывала, как одна твоя знакомая замуж вышла, как маме Полинкиного бойфренда мужа нашли...

— Это не через Интернет, а через специальные брачные агентства. Но там надо деньги платить. Мне в любом случае нужно сначала похудеть, я в последнее время располнела страшно. А здесь всем требуются или молодые, или стройные. И вот что я тебе скажу, подруга. Слушай умную женщину. Серегу твоего подберут, он один не останется. А ты будешь куковать, как я сейчас. Не очень, знаешь ли, сладко.

Варе больше понравилось бы, если бы Женька сказала ей сейчас совсем другое. Что Серега — подлец, что все это было написано на его лживом лице, что жалеть тут не о чем и чем раньше случилось — тем лучше. Что отольются ему Варины слезы и что ступил он на лестницу, которая ведет только вниз.

Тогда ей стало бы легче. А Женька своими последними словами только заставила ее усомниться в том, что она поступает правильно.

Варя сама не ожидала, что муж занимает в ее жизни столько места. Казалось бы, в последнее время они так мало общались. Но теперь ей катастрофически не хватало его присутствия. Она думала о том, что их сон рядом, совместные завтраки, пусть даже молчаливые вечера — это и есть их главное общение, некий взаимообмен. Они столько лет женаты, что необходимость пожимать друг друга глазами уже исчезла, а телепатическая связь, наоборот, укрепилась.

С Варей стали происходить совершенно необъяснимые вещи. Порой ею вдруг овладевало дикое, животное желание, какое, возможно, лишь иногда появлялось в молодости, а с годами забылось, стерлось из памяти. Вот так, наверное, хотят женщину вошедшие в половую зрелость молодые самцы, и тогда они не способны остановиться. Варя не думала о ком-то абстрактном или придуманном. Ее желание относилось только к мужу. И сегодня утром она проснулась уставшей и счастливой: всю ночь они занимались с Сережей любовью. Ощущения были такими сильными, будто это происходило не виртуально, во сне, а наяву, в самой что ни на есть реальной жизни.

Положив трубку, она осталась сидеть в кресле, думая о том, можно ли восстановить отношения после того, что случилось. Варя всегда считала, что искренность — основа семьи. Убеждение было столь сильным, что она ни на секунду не могла представить себе иную ситуацию. Всякие истории про других, где муж лгал жене и наоборот, лишь укрепляли ее в мнении, что те семьи — иллюзорные, ненастоящие и, что совершенно очевидно, несчастливые.

У них же была нормальная семья. Пусть с некоторым кризисом в последнее время. И вот эта мелкая хитрая тварь Ирка вползла между ними, выпустила свое жало в ее Сережу, заразила его своей лживостью и подлостью, все разрушила! Она сделала больно их ребенку! Разве Варя не видит, как тяжело сейчас Жанке, как она с надеждой спрашивает: а папа не вернулся? Не звонил? Да, Сережа был последнее время к ней не всегда справедлив, хотя требовал ведь тоже элементарного, прежде всего серьезной учебы, переживал, чтобы не сделала глупостей. А Жанка, конечно, обижалась, но отца она любит, тут и сомневаться нечего, и представить, что он теперь к ней вроде никакого отношения не имеет, она не может...

Она хотя и взрослая, но разве дело в возрасте? Да когда человек все уже понимает — это еще тяжелее. Вчера она смотрела программу телевидения на вечер и так грустно сказала: «А сегодня папина любимая комедия с де Ниро». Они любили вместе смотреть комедии.

И все из-за этой стервы, меняющей мужей и вытаскивающей из всех деньги!

Варю вдруг обуяла ярость, которая требовала немедленного выхода? Когда рушилось все вокруг, ей тоже хотелось участвовать в этом процессе! Она встала, походила кругами по комнате, потом открыла входную дверь и выглянула на лестничную площадку. Было тихо, со стороны Иркиной двери не доносилось ни звука. Варя вернулась в квартиру и набрала соседский номер телефона.

— Алло! — прозвучал мерзкий Иркин голос.

Варя тихо положила трубку. Что бы такое придумать, чтобы проучить эту стерву? Поджечь коврик? Вымазать дверь дерьмом? Написать крупными буквами на стене матерное слово? Она уже вошла в то состояние, когда невозможно остановиться. Вот только план мести никак не складывался в голове.

Варя опять вышла на лестничную площадку, приблизилась к соседской двери, встала так, чтобы ее не было видно в круглый выпуклый глазок, и нажала кнопку звонка.

— Кто там? — послышался Иркин голос. — Кто там?

«Любовник», — чуть не сказала Варя, но прикусила язык.

Дверь приоткрылась, и она резво поставила ногу так, чтобы проход в квартиру не закрылся. Потом Варя не могла вспомнить, как Иркины волосы оказались у нее в руке, но точно знала, что успела их несколько раз дернуть под истошный Иркин вой.

— За все тебе! — повторяла Варя.

Она вошла во вкус, вкладывая в свои действия всю силу и ярость, но сальные Иркины волосы скользили и вырывались из рук.

Каким-то странным образом они обе оказались на лестничной площадке: вцепившаяся в разлучницу Варя и извивающаяся Ирка. Странно, куда подевались остальные соседи? Никто на Иркин крик не отозвался, не выглянул, не поинтересовался, что происходит. Возможно, они наблюдали за происходящим из своих глазков — как зрители, которые привыкли по вечерам смотреть телевизионные сериалы с бытовыми страстями напоказ.

Варя подумала о соседях и слегка ослабила хватку. Ирка поймала момент, изловчилась и пнула ее ногой в бок. Ушибленное место заболело. Варя схватилась за него, отпустила противные Иркины волосы, повернулась и молча от-

правилась домой.

В душе она ликовала! Ничего не исправишь, деньги не вернешь, но пусть эта стерва знает, что не все сходит с рук! Пусть поостережется теперь попадаться Варя на глаза! Адреналин продолжал сумасшедшими дозами выделяться в ее кровь. Давно надо было так сделать! Еще там, в мастерской Валентина, когда Ирка нагло сообщила всем, что спит с Вариным мужем!

Варя брезгливо посмотрела на свои руки, прошла в ванную и тщательно их вымыла. Вот теперь она чувствует себя человеком!

Она вспомнила визжание Ирки, представила, как та после покушения лопается от злости, и ей стало совсем хорошо. Адреналин и дальше не давал сидеть на месте, требовал каких-то действий, и хотелось куда-то бежать, что-то кардинально менять...

Варя собралась, выскочила из дома, в глаза бросилась вывеска напротив: «Парикмахерская». Ноги сами понесли туда, хотя Варя не была записана, а в этом салоне принимали строго по предварительной записи. Ей несказанно повезло, к косметологу не явилась клиентка, и она готова была заниматься Варей целых полтора часа.

— Мне бы массаж, — сказала Варя. — И масонку. Таковую, чтобы скрыть следы увядания.

— Одна не поможет, нужно пройти курс. — Косметолог оказалась молодой, не больше тридцати, женщиной с прекрасной, ухоженной кожей.

— Конечно, — согласилась Варя, — хотя, наверное, и курс уже не поможет. Пора, видимо, делать пластику...

Она легла на удобную кушетку, а косметолог пристроилась у ее головы.

— Во-первых, — сказала она, рассмотрев Варино лицо под яркой лампой, — я что-то не вижу следов увядания... Немножко усталая кожа... Надо больше отдыхать, хороший сон, массажик поднимет тонус... Во-вторых, я противница пластических операций. Они далеко не всегда бывают удачными. Насмотрелась... Я ведь работала медсестрой как раз в такой клинике. Ну если вы актриса... Тогда, может быть... А обычному человеку... Зачем вам эти мучения?

Варя совершенно расслабилась под сильными и умелыми руками косметолога, а еще приятней, что, как бальзам на душу, лились ее слова. У нее нормальное лицо... Вот ведь специалист говорит... А Серега все придумал про увядание. Ему так показалось из-за плохого настроения. В последнее время он все видел в черном цвете, даже собственную жену.

— Некоторые женщины стараются сохранить молодость с помощью гормонов. — Голос косметолога журчал как ручей. — На время это помогает. Но сколько перекосов от этих гормонов! Естественные — другое дело. Я всем советую пить соевое молоко и больше ходить пешком. Конечно, неплохо сохранить молодость до глубокой старости. Но честно скажу, как женщина женщине: душевность важнее кожи. Мне, правда, все говорят, что я — нетипичный косметолог и одна такая по всей Москве, которая против пластических операций...

Маска, которую она только что наложила, давала ощущение свежести и покоя. Тихо играла музыка, Варя лежала, укрытая легким одеялом, и физически ощущала, как по ней разливается умиротворение, какого она давно не испытывала.

А ведь мужчины тоже озабочены тем, как они выглядят! Может быть, это

касается не столько внешности, сколько их значимости в глазах общества. Женщины, думала Варя, более органичные существа. Как кошки. Они ближе к природе — через детей, через свои земные заботы. А мужчины эти связи так или иначе отрезают. И живут часто умозрительной жизнью — работа, дела, дружба. Серега завел любовную связь на стороне, потому что хотел выпендриться и доказать себе и другим, какой он крутой, как достигает побед на разных фронтах. Хотя мог бы для начала рассчитать, что он своими действиями приобретает, а что теряет. А женщина же, даже самая благополучная в карьере и обеспеченная, все равно возвращается к плите, к детям, к постели. Она естественней.

Так что Варин выброс адреналина по отношению к соседке Ирке — нормальный природный зов. Она как может защищает свой дом. И ей ничуть за это не стыдно.

Глава двадцатая

Дорога была нервной. Водители словно с цепи сорвались и, как неразумные существа, лезли на встречную полосу, вырубивая с нее в самый последний момент. Уже раза три Сергей попадал в пробки, вызванные авариями. К счастью, насколько он успел заметить, там обошлось без жертв.

Сергей совсем не собирался ехать в аэроклуб. Но телефонный разговор с Варей вверг его в такое подавленное состояние-, что, как и сегодняшним водителям, ему хотелось что-то сотворить, чтобы обрести равновесие. Он всего-то и сказал, что хочет зайти и забрать свои летние вещи. Мог, между прочим, даже не предупредить. Это его квартира, он там прописан, и у него есть от нее ключ. Вместо благодарности за то, что человек поступает интеллигентно, культурно, предварительно звонит, Варя закричала, что не может его видеть, а потом вообще бросила трубку. Строит из себя невесть что!

Подумаешь, вселенская трагедия... Да он всегда стоял у Вари на последнем месте. Дочь, подруги... Как будто мужу не требуется никакого внимания! Ирка, например, обволакивала такой заботой, что продохнуть было нельзя. Любое желание угадывалось, особенно в постели. Никаких тебе «устала» или «давай не будем». А эта Варина манера, когда она, казалось бы, шла навстречу, но на ее лице огромными буквами было написано, как все для нее в тягость и как она, бедная, мучается, исполняя супружеский долг. Такие моменты Сергей люто ненавидел.

Может быть, жена просто его уже давно не любит, он ей неприятен, у нее кто-то есть и история с Ирккой лишь повод, чтобы избавиться от ненавистного мужа? В ином случае ни одна нормальная женщина не будет обращаться с мужчиной как с ненужной вещью. Тем более если с ним прожито столько лет. Вот если человек не нравится, тогда даже его тень неприятна и все дальнейшие действия легко объяснимы.

Сергей затормозил у клуба, где в прошлый раз ему рассказывали о марках отечественных самолетов. За большим столом несколько мужчин расправлялись с пирожными.

— Все-таки выбрали нас? — поднялся со стула уже знакомый пилот-инструктор. — Присаживайтесь, попейте с нами чаю, — пригласил он и тут же засуетился — принес чистую чашку, бросил в нее одноразовый пакетик, подвинул сахар и пирожные.

— Спасибо.

Сергей не очень любил сладости, но сейчас, откусив бисквит, он подумал, что давно не пробовал такой вкусотищи. Последнее время он плохо помнил, что ел на завтрак, обед, ужин, и ел ли вообще. Пилот отошел к холодильнику, вытащил оттуда бутерброды с красной икрой, поставил их перед Сергеем. Здесь о нем думали больше, чем в собственной семье.

Пока он жевал, за столом возобновился разговор. Один из мужчин только что вернулся из Греции, куда доставлял пилотажный ЯК-52, купленный греком-любителем.

— В Европе взлет и посадка стоят столько же, сколько кофе в баре, — рассказывал он. — А обучение там в три раза дешевле, чем у нас! И правила проще — нет такого геморроя, как здесь...

— Лучше скажи: заработал много? — спросили его.

— Впервые в жизни — по нулям, — грустно поведал рассказчик. — Две недели с двигателем разбирался — он чихал как ненормальный, и я никак не мог устранить перебои. Все деньги, пока там сидел, проел. Да еще такой грек попался! Когда мы стали пробовать с ним фигуры пилотажа, он уже через пять минут облевал всю кабину!

— Я поражаюсь! — сказал знакомый Сергею пилот-инструктор. — Ни одну женщину на пилотаже не стошнило, а мужиков всех выворачивает.

— А что за самолетики подвешены у вас к потолку? — вступил в разговор Сергей. — Образцы настоящих?

— Это мы так отмечаем самостоятельные вылеты. Видите, на каждом самолете — табличка с именем, — объяснил инструктор. — Эту традицию я привез из Франции. Только там вешают пробки от шампанского. А мы решили оригинальничать. Красиво, правда?

— Да.

Самолетная декорация действительно трогала, а таблички с именами вызвали у Сергея зависть к этим незнакомым людям, научившимся быть хозяевами в небе. Ему страшно захотелось как можно скорее увидеть и свое имя на этих самодельных макетах.

— Вчера столько народу приезжало летать! — инструктор даже присвистнул. — Скоро в небе тоже пробки начнутся, как на московских дорогах! Крайняя посадка была часов в десять — молодоженов катали.

— Что такое крайняя посадка? — заинтересовался Сергей.

— Последняя. Но у нас это слово не принято употреблять. Говорим: «крайняя».

— Не знал, что летчики суеверны.

— Еще как! Кстати, вы фотоаппарат с собой не брали?

— Нет.

— А то у нас фотографироваться перед полетом тоже нельзя. Ну что, — инструктор вытер салфеткой рот и обратился к Сергею: — Полетели, что ли?

Они уединились в другой комнате и составили полетное задание — определили, в какой зоне будут летать, и инструктор показал, на какие ориентиры надо обратить внимание...

В четырехместном отечественном Яке Сергей чувствовал себя гораздо комфортнее, чем в импортном «кузнечике», хотя на земле и предпочитал иномарки. Это было ощущение надежности. Более тяжелая машина, не качавшаяся от каждого дуновения ветра, казалась сильнее той, которая, как воздушный шарик, металась в воздухе и напоминала журавля в небе. Сергей предпочитал синицу в руках. Странная мысль посетила его: как невозможно объяснить, почему в этом аэроклубе ему нравится больше, чем в предыдущем, так нельзя и понять, отчего ему гораздо больше хочется иметь рядом свою невнимательную, неблагодарную жену, а не заботливую, услужливую Ирку. Вспомнив о последней, Сергей поморщился. Надо срочно купить новую SIM-карту и сменить номер мобильного: она замучила его своими звонками и сообщениями.

Сделав несколько кругов, самолет пробежался по бетонной полосе, съехал с нее и медленно пополз к месту стоянки.

— Вот говорят, что наши самолеты плохие, — сказал инструктор. — А вы знаете, что по всему миру существуют клубы любителей АН-2, наших «кукурузников»?

— Почему именно их? — удивился Сергей.

— Так ведь это единственный биплан такого размера, который до сих пор летает! Он настолько устойчив, что может существовать без летчика! Были случаи, когда он сам запускался, летал, а когда топливо кончалось, садился.

— Это ваши байки, конечно? — не поверил Сергей.

— Очевидцы были! — инструктор стукнул себя в грудь. — Так вот, в этих клубах любителей АН-2 чего только не придумывают — совершенствуют салон, звук, всякие прибабасы устанавливают... А потом со всего мира где-нибудь собираются на смотрины, хвастаются друг перед другом. Что характерно: только из России никто в этих мероприятиях не участвует.

Они дошли до служебного павильона, снова примостились у стола, за которым сейчас никого не было, и внимательно разобрали полет. Закончив, инструктор посмотрел в окно, где очередной борт готовился к полету, и сказал:

— На самолетах сегодня катаются самые богатые люди — банкиры, налоговики, прокуроры. А вы к какой категории относитесь?

— Боюсь, что скоро стану безработным, — постарался пошутить Сергей. — Возьмете к себе в клуб территорию убирать?

— Ну если хорошо себя зарекомендуете... — Инструктор шутку поддержал и дальше выяснять профессию нового ученика не стал.

Уходить не хотелось. Здесь Сергей чувствовал себя человеком, который занимается самым что ни на есть мужским делом. Здесь ему было все ясно и понятно. А за пределами аэроклуба начиналась сплошная головная боль.

— Мне не хватило, — сказал Сергей. — Я бы еще на пилотажном самолете полетал...

— Appetit разыгрался? — засмеялся инструктор.

Он вышел посмотреть расписание, а Сергей взял последнее — вернее, крайнее — оставшееся пирожное. Оно было свежим и таяло во рту.

Ожидая инструктора, Сергей подумал о дочери, о том, что она за эти дни даже не удосужилась позвонить отцу. Он, между прочим, подвергает свою жизнь опасности, а никому нет дела до того, нормально ли он приземлился.

Какой же ласковой была еще недавно его дочь! Даже подростком она благополучно избежала все угловатости и трудности этого периода и вдруг в восемнадцать совершенно изменилась! Этот высокомерный взгляд при любом отцовском замечании... Она такая умная, что знает все сама и не нуждается в советах! Хорошо быть самостоятельной за родительской спиной! Эти дебильные ухмылки... А как она одевается! Он не удивится, если узнает, что у нее уже были мужчины. С таким вульгарным внешним видом, с таким наглым взглядом...

Сергей закрипел зубами. Даже мысль о том, что его восемнадцатилетняя дочь может вступить с кем-то в близкие отношения, была для него отвратительной.

А ее мать, вместо того чтобы держать дочь дома в строгости, поощряет все эти гулянки и дискотеки. Как будто она не знает, что мальчикам требуется от девочек. Конечно, его мнение по этому поводу никого не интересует. И ладно... Пусть делают что хотят. Он предупреждал. Потом обе наплачутся. Раньше он дочерью гордился, а теперь снимает с себя всю ответственность, пусть о ней беспокоятся те, кого она нынче слушает.

— Ну что? Идем на пилотаж? — прервал его печальные размышления вер-

нувшийся инструктор.

...Самолет сделал резкий подъем и перешел в горизонтальный полет под углом в пятьдесят градусов. Сергей ощутил страшную перегрузку.

— «Горка», — назвал фигуру инструктор и сразу переключился на следующую.

Сергей пережил «мертвую петлю», пикетирование, «штопор», «бочку» и, наконец, собрав последние силы, попросил пилота прекратить эту экзекуцию. На первый раз, пожалуй, больше чем достаточно. Сергей был горд хотя бы тем, что сдержался и, в отличие от грека, не испачкал кабину.

— Молодец! — похвалил его за выдержку инструктор.

Уезжал Сергей с аэродрома, когда уже начало темнеть. Возвращаться домой, к отцу, куда он пока перебрался, совсем не хотелось. Матери не было на свете, и отец жил с женщиной, которая тяготилась постоянным присутствием чужого взрослого сына. Ей совсем не нравилось за кем-то убирать и для кого-то готовить. Отец каждый день спрашивал, не помирился ли сын с супругой и не собирается ли съезжать из родительского дома.

Да почему он должен мотаться по чужим квартирам, когда у него есть своя собственная! В конце концов, можно занять одну из трех комнат и не касаться ни жены, ни дочери. Поживут как соседи по коммуналке. Сергей согласен даже на дежурство по уборке общих мест пользования. Так и быть, он иногда будет чистить ванну.

Подобные мысли подействовали успокаивающе. Прямо сейчас он и поедет домой, на законную жилплощадь. Вообще непонятно, зачем он, как маленький ребенок, куда-то ушел, создал неудобства себе, отцу и его новой жене. Что за глупость? Подумаешь, семейный скандал на почве ревности... Не он первый, не он последний.

Столько лет они с Варей существовали на одной волне. Она дала сбой, но его всегда можно устранить, а потом просто сделать хороший ремонт. Тогда, как у старого самолета, запас прочности увеличится еще на несколько лет.

Сергею не хотелось никаких глобальных перемен в личной жизни. Хотя бы потому, что на строительство нового «гнезда» потребуется много сил, которых у него не осталось. Проблемы наступили и с финансами. Да он и не собирался ничего ломать! И Ирка ему в качестве жены совсем не подходит, тем более со своим ненормальным сыном. Впрочем, если бы сына не было, все равно не подходит. С ней можно провести ночь, но чтобы утром уже не видеть и не слышать. Черт его дернул связаться с женщиной, живущей с ними на одной лестничной площадке! Придется теперь на цыпочках ходить по подъезду. И все равно вероятность встречи увеличивается из-за близкого соседства в тысячу раз. А Сергей, будь его воля, сбросил бы Ирку со своей орбиты раз и навсегда, словно ее и не существовало. Но как объяснить Варе, что можно переспать с женщиной и не испытывать к ней никаких чувств?! Разве виноват Сергей, что бабы активнее мужиков в принципе, что это они устраивают всякие ловушки, тащат в загс, пользуются своими хитростями? Надо же им было устроиться в Женькиной квартире! Но разве он мог подумать, что все так быстро раскроется! Как только Варя начала поиски ключа, Сергей решил в ближайшие же дни очистить квартиру, вывезти злосчастную кровать. Но Ирка затянула, все не могла решить куда. В тот день, когда целая компания этих самодеятельных оперов во главе с Варей окружила его на лестничной пло-

щадке, Сергей как раз шел договориться с бомжами, чтобы они забрали все добро из Женькиной квартиры себе. Не повезло — не успел.

Он завернул к своему дому, который сейчас, после временного отсутствия, показался особенно родным и уютным. На клумбах около подъездов уже распустились цветы, на скамейках сидели старушки, в песке ковырялись дети под присмотром скучающих взрослых...

Пока Сергей поднимался на лифте, ему в голову пришли две гениальные идеи. Первая: он предложит Варю съездить вместе отдохнуть, они сто лет нигде не были. Вторая: им надо родить второго ребенка, сына, тогда жена полностью уйдет в это и забудет про все на свете.

Секунду он постоял перед дверью. Варя сейчас устроит сцену, закричит, разрыдается. До чего же не хочется на все это смотреть! А куда денешься? Он порылся в кармане, достал ключ и тихо открыл дверь. В квартире было темно, не слышалось ни разговоров, ни музыки, ни приглушенного звука телевизора. Сергей включил свет и заглянул в комнаты, на кухню, в ванную. И жена и дочь отсутствовали. Интересно, где это они ходят на ночь глядя?

Он снял пиджак, вымыл руки, включил компьютер. «Не сломали», — удовлетворенно подумал он. В их спальне на кровати были разбросаны Вариньки наряды. Куда-то собиралась, выбирала одежду. Может быть, пошли с Жанкой в театр?

На кухне он щелкнул кнопкой электрического чайника и, только когда тот зашипел, понял, что воды в нем нет. Открыв крышку, Сергей чертыхнулся: такая накипь скопилась, неужели нельзя почистить? Он взял ершик и поерзал им в чайнике. Кажется, стало почище. Без строгой мужской руки все в доме развалилось. Когда чайник вскипел, Сергей насыпал в чашку растворимый кофе, бросил два куска сахара и заглянул в холодильник на предмет еды. Там лежал кусок какого-то рулета. Он отщипнул кусочек, попробовал — слишком сладкий, совсем не похож на пирожные в аэроклубе. Больше ничего съедобного в холодильнике не обнаружилось.

Зазвонивший телефон заставил его вздрогнуть.

— Будьте добры Варвару Алексеевну, — попросил мужской голос.

— Ее нет, — ответил Сергей. — А вы по какому вопросу?

— Я позвоню позже, — сказал мужчина и отключился.

Не прошло и пяти минут, как раздался новый звонок. Уже другой мужчина опять спрашивал Варю. Пока Сергей пил кофе, позвонили еще четыре раза.

Как это надо понимать? Сергей не помнил, чтобы у Вари было столько знакомых с мужскими голосами. Откуда они взялись за столь короткое время? Она что — расклеила по городу объявления с предложением познакомиться? И сейчас встречается с очередным кандидатом? Может быть, они после свидания сюда придут? А Жанка специально отправлена на ночь к подруге? Ничего себе — сюрпризы! Неплохо Варя устроилась! Его из квартиры выжила, а сама времени даром не теряет!

Кофе показался слишком горьким, с каким-то привкусом. Сергей вылил его в раковину, достал новую чашку и сунул в нее одноразовый пакетик с чаем. Раньше его жена подобный чай не признавала. Какой нормальный человек будет дома пользоваться одноразовыми пакетиками? Сергей был уверен, что они продаются только для работы, где некогда заниматься кулинарными изысками. Кто же помог Варю изменить привычки?

Сергей зашел в спальню, внимательно осмотрел Варину косметику, открыл шкаф в поисках чужих вещей, заглянул под кровать... Видимого присутствия посторонних он не заметил. Но беспокойство не ушло, а только усилилось. Позднее время, завтра начинается очередная рабочая неделя, нормальные люди давно сидят дома и готовятся ко сну. А жена с дочерью плевать на все хотели, где-то гуляют... Его, Сергея, словно уже и не существует. Отлично!

Он сел к компьютеру, зашел в Интернет, бездумно прыгая с одного сайта на другой. Спать не хотелось. Каждый шорох заставлял его отвлекаться от компьютера в надежде, что домой вернулась его бестолковая семья.

Глава двадцать первая

Когда Света позвонила и стала приглашать в гости — на этот раз к себе домой, Люба даже не знала, что ответить. У нее не было ни малейшего желания продолжать отношения. Но она уже ссылалась на свою занятость в прошлый раз, придумывала причины. Просто неудобно так откровенно футболить одинокого, несчастного человека, который искренне к тебе проникся.

— А можно я приду с подругой? — спросила Люба. — Мы с ней договорились встретиться в этот день. Она не поймет, если я ей откажу и отправлюсь к вам.

— Конечно, — тут же согласилась Света. — Будет веселей.

...Она встречала их у ворот — успевшая загореть до черноты, в короткой белой юбке, открытой майке, в легких бежевых шлепанцах, с широкой улыбкой на лице. И Люба поразились внешним переменам, которые произошли со Светой с момента той встречи в ресторане. Будто какая-то потусторонняя сила, раздраженная человеческим несовершенством, превратила эту женщину сначала в глину, а потом вылепила из нее совсем другого человека.

Она показала им дом. Веранду и балкон заполняли цветы — такие свежие, ухоженные, что казались ненастоящими. Цветы стояли и на подоконниках всех комнат, обставленных очень функционально — здесь были только необходимые для жизни вещи. Этот минимализм создавал ощущение простора.

— Сразу видно, что вы любите цветы, — сказала Варя.

— Обожаю! — У Светы заблестели глаза. — Но домашним они почему-то всегда мешали. Вот сейчас, когда никого нет, я и разошлась. Все цветет, а розочки заболели... Такие капризные, вечно с ними что-то происходит. Откуда-то тля завелась... Я не сразу и заметила. Но, знаете, я их то мыльным раствором полью, то чесночным... Вроде лучше стало, — она любовно осмотрела заболевшие цветы.

— Вы очень изменились. — Люба все это время незаметно разглядывала Свету, пытаясь понять, почему тогда, в ресторане, она показалась ей совсем непривлекательной, малоинтересной.

Золушка умылась, обрела хрустальные туфельки и стала если не красавицей, то весьма обаятельной особой. Ей очень шла короткая мальчишеская стрижка, которая, видимо, была сделана недавно. Она открывала лицо, оказавшееся удивительно молодым, без единой морщинки.

— Перешла к здоровому образу жизни. — Сегодня улыбка прямо не сходила со Светиного лица. — А в прошлый раз я была в таком состоянии... Да вы сами видели! Почва из-под ног ушла. Жить не хотелось...

Она оставила розы и перешла к гардении, покрытой желто-белыми цветами.

— Так вот, — сказала она, проверяя землю в горшке, — я подумала, что если буду продолжать в том же духе, то просто умру — всеми брошенная и забытая. Для начала решила хотя бы найти кого-нибудь, кто по-человечески меня похоронит. Потом захотелось, чтобы обо мне осталось хорошее впечатление... Не лежать же в гробу совсем уж страшной... Стала по утрам бегать... В доме все перемыла и навела порядок. Несколько грядок сделала, хотя раньше ничего не сажала. Сейчас у меня и клубнички немножко, и морковки, и даже чуть-чуть капусты... А вообще я работу ищу, — она втянула запах гардений и оста-

лась довольна. — Я поняла такую вещь: если буду сидеть в четырех стенах и лить слезы, то окажусь в психушке. Без вариантов. Стала за волосы себя вытаскивать и насильно заставляла куда-то идти и что-то делать. — Света выпрямилась. — Девочки, — сменила она тему, — я вас пригласила, потому что сегодня день рождения моего сына, а справлять его не с кем. Давайте садиться за стол.

Она привела гостей на веранду, увитую плющом, который давал приятную прохладу и тень от жаркого солнца. А сама вернулась в дом, чтобы вытащить шампанское из морозилки.

Деревянный стол под веселой цветной скатертью был накрыт на троих. Закуски лежали в миниатюрных вазочках и были замысловато украшены зеленью, кусочками ананасов, киви...

— Смотри-ка, — Варя захотелось сдвинуть украшения, чтобы они не заслоняли содержимое. — Она еще и кулинарка!

— Хорошо-то как! — потянулась Люба. — Давно Генке говорю: давай дачу купим! Пусть хоть шесть соток! Зато земля, свежий воздух!

— А я дом хочу. Большой. Со всеми удобствами. Как этот, — Варя вздохнула и устроилась на одной из мягких подушек, которые покрывали широкую деревянную скамейку.

— Мечтать не вредно, — Люба отмахнулась от назойливой мухи, облюбовавшей ее оранжево-зеленый батник. — Хотя, знаешь... Жизнь так меняется! Кто из нас пятнадцать лет назад думал о том, что можно будет ездить за границу и деликатесы покупать не в «Березке», а в ближайшем от дома магазине? Если на уровне целой страны все так способно измениться, то почему отдельно взятый человек не может разбогатеть и купить себе дом?!

— Действительно! — согласилась Варя.

Она была за положительные перемены в своей судьбе. Но при этом подумала: как бы сделать так, чтобы судьбоносное решение принимала не она, слабая женщина, а кто-нибудь из индивидов, которым исторически предопределено отвечать за семейное благосостояние. Варя с радостью спряталась бы за широкую спину такого индивида.

По дорожке, ведущей к веранде, с шампанским в руках шла Света. Но не одна. Рядом, переваливаясь, как колобок, семенил мужчина маленького роста, в серых хлопчатобумажных брюках и такого же цвета рубашке. Он нес большое блюдо с чем-то завернутым в фольгу, блестящую от яркого солнца. На вид ему было лет сорок.

— Неожиданно подоспел помощник, — сообщила Света, забирая у мужчины блюдо и ставя его посредине стола. — Знакомьтесь: мой младший брат, двоюродный.

— Саша, — представился «колобок». — Извините, что вторгся в ваш девичник, но дело срочное.

Он выжидающе посмотрел на Свету.

— Говори, — сказала она, — девочки в курсе, — и добавила, обращаясь к Варя и Любе: — Это насчет Вовы...

— У меня предложение. — Саша вытер со лба выступивший пот. — Вову надо отправить во французский легион. Это единственный способ оторвать его от всех приятелей.

— Какой легион! — схватилась за голову Света. — Кто его там ждет?!

— Но мы не можем всю оставшуюся жизнь держать его под замком! И что тебя пугает? — Саша взял шампанское и стал его открывать. — Знаешь, что нужно сделать, чтобы попасть туда? Явиться к воротам и сообщить караулу, что хочешь у них служить. Вот и все. Тем более Вова французский учил. Адрес я узнал. Купим ему турпутевку во Францию. Там его встретят — попрошу знакомого, который работает в Марселе. Я ему уже звонил, он согласился помочь. Голова на плечах у Вовы есть, тесты он пройдет, ничего криминального за ним не числится. Единственное, что требуется, — положить его здесь в больницу и привести в нормальное состояние. Этим сейчас и займемся.

— А сам Вова согласится? Он захочет в этот самый легион? — спросила Люба, потому что вспомнила, как однажды обсуждала с несостоявшимся зятем тему службы в армии. Вова тогда с гордостью рассказывал, что с помощью родителей от призыва закосил, что он не такой дурак, чтобы убивать неизвестно на что целых два года. И еще он рассуждал о том, что совершенно не приемлет палочной дисциплины, никогда не сможет выполнять бессмысленные команды, что рабское повиновение для него чуждо...

— Надо убедить, — твердо обрубил Саша. — Последний шанс. Другого выхода я не вижу.

— Но... — запротестовала Света.

— Ты же не можешь ликвидировать его окружение? Допустим, он бросит наркотики. А потом встретит друзей, которые скажут: да ты что, пойдем с нами, словим кайф... Все начнется по новой. Как это уже было не раз! Его нужно увезти, выбить дурь прежде всего из головы. А там — дисциплина, распорядок такой, что вздохнуть некогда. И надо решать все срочно, пока Вова физически еще крепкий. Потом его могут не принять из-за внешнего вида.

Пробка выскочила почти бесшумно. Саша разлил шампанское по бокалам.

— И за это надо выпить! Кстати, что там на блюде у тебя?

— Да-да, — засуетилась Света, убирая фольгу. — Первый раз делала, новый рецепт, не знаю, как получилось... Семга с сыром. — Она стала раскладывать кусочки рыбы по тарелкам.

— У-у! — попробовав, оценил Саша.

— Обалденно! — подтвердила Варя. — Ничего подобного не ела!

— Правда? — обрадовалась Света. — На самом деле все просто... Семгу очищаешь, удаляешь косточки, посыпаешь солью, перцем, травками всякими, а сверху кладешь маленькими кусочками сыр...

— Так вот. — Саша уже расправился со своей порцией. — Вове нужно отбросить свое прошлое и все начать сначала. Контракт подписывается на пять лет. Потом он сам решит, что ему дальше делать. Ну, — Саша поднялся, — спасибо, все вкусно, но мне пора. Я тебе еще позвоню.

И он «покатился» к воротам...

— Мы раньше с ним почти не общались, — сказала Света, проводив брата. — А тут я всех знакомых и родственников вспомнила. И только Саша взялся как-то помочь. Он съездил к моему бывшему мужу, и они вместе Вову отыскивали. Сейчас держат его под строгим контролем. Саша сам бывший военный, ушел в отставку по здоровью. Он убежден, что только армия способна кого-то перевоспитать, вот и придумал насчет легиона.

— По-моему, вполне нормальная идея, — одобрила Варя. — Тем более если другие варианты не помогают.

— Кого, интересно, армия лучше сделала? — скептически вставила Люба.

— Можно и это попробовать, — вздохнула Света. — Хотя я думаю, что опасно служить наемником. Но это лучше, чем умереть от передозировки. — Она стала собирать грязные тарелки: — А Саше я доверяю. Он свою дочь вырастил совершенно идеальной! Всегда была отличницей, получала повышенную стипендию, при этом сама зарабатывала — делала однокурсникам курсовые... Репетиторством занималась... Сейчас в хорошей фирме трудится, много получает...

— Господи! — Для Вари рассказы про положительных детей были как нож по сердцу. — Как людям удастся таких дочерей воспитать!

— А семья? — спросила Люба. — Семья у нее есть? Или жених?

— Кажется, нет. Она мальчиками мало интересуется. Другие цели. Да ей всего двадцать три... Успеет еще. — Света, подхватив поднос с посудой, отправилась в дом за второй бутылкой шампанского.

— Двадцать три, — повторила Люба, — не так уж мало... Может, это мальчики ею не интересуются? Вот и подумаешь, что лучше: когда девушка вся такая серьезная и без женихов или когда с женихами, но без повышенной стипендии?

— Жанка на одни тройки сессию сдает, — грустно сказала Варя. — И Сергей звонил, хотел за своими вещами зайти. А я, как представила, что он будет как чужой ходить по квартире, поняла, что эту пытку не выдержу... Предложила вынести все, что ему нужно. Он обиделся...

— Ох, ох, какие мы ранимые, — заgrimасничала Люба. — Типа того, что человек под соседской дверью наложил кучу дерьма, а потом обиделся, что бумажку не подали.

— О чем это вы? — Света принесла не только шампанское, но и вазу с фруктами.

— Вспомнили Вариного мужа. — Люба бросилась помогать. — Кризис среднего возраста — потянуло человека на развлечения...

— Наверное, он у вас с деньгами? — осторожно заметила Света. — У мужчин кошелек — продолжение их достоинства.

— Да кому нужны их достоинства без кошелька? — возмутилась Люба. — Носятся с ними как курица с яйцами... И как только деньги завелись — бегом доказывать, какие они стопроцентные мужики. Потом друг перед другом похваляются, как напились до полусмерти, проститутток сняли, в казино проигрались... А жена, дети — в последнюю очередь. Они их утомляют, бедных, раздражают, денег просят. А ведь мужчинам надо отдыхать от нервных перегрузок, покоя хочется. И, главное, понимания. Пришел муж утром домой, духами пропах, рубашка в губной помаде. Что должна сделать жена? Обласкать, рубашку постирать, спать уложить. И чтобы вопросов никаких! А тем более — упреков! Понимать надо, что он, любимый, снимал стресс. А позвонить забыл — ну и что? Беда большая!

— Чего это ты так разошлась? — насторожилась Варя. — Генка, надеюсь, дома ночует?

— Пока, — Люба задумчиво посмотрела вдаль. — Но разве можно быть уверенной в наше время? Тебе ведь тоже в голову не приходило, чем занимается Серега, пока мы случайно это не обнаружили?

— Я чувствовала, что что-то не так.

— Сволочь он, — отрезала Люба. — Скажите, Света, а этот дом остается вам? Муж не претендует?

— Он считает, что если женщине отдавать все до последней нитки, то это получится мужской стриптиз. А он, — она усмехнулась, — этим не занимался и заниматься не собирается. Так что мы договорились дом продать и купить каждому по скромной квартирке.

— Варя может помочь с продажей и покупкой, — осенило Любу. — Она работает в агентстве по недвижимости.

— Правда? — Предложение Свете понравилось. — Это здорово. Я потом все расскажу и документы подготовлю.

— Честно говоря, мне давно хочется из этого агентства уйти и работать самостоятельно.

— Возьмите меня! — загорелась Света. — Вам ведь нужен помощник? Квартиры показывать, справки брать. Я это могу! И по телефону всем мой голос нравится. В общем, я готова пахать двадцать четыре часа в сутки. Даже не надо будет по утрам бегать. Когда начнем?

— Вот это темпы! — поразилась Варя. — Вы точно подходите для нашей работы. А я — человек нерешительный, долго собираюсь. Ну давайте, — она подумала, — для начала найдем помещение. Надо же где-то оформлять договоры, людей принимать, брать задаток. Причем нужен не какой-нибудь закуток, а чистое помещение, с неброским, но приятным дизайном... Люди обращают на это внимание. Придется купить оргтехнику, сейф.

— Понимаю. Сначала вкладываешь деньги, потом они окупаются.

— Если дело успешно пойдет...

— А если нет?

— Тогда вы замучаетесь продавать бэушную оргтехнику с сейфом, — влезла в деловой разговор Люба. — Не знаю, как вы, а я устала сидеть на одном месте. Может, прогуляемся? Хотя бы вокруг дома?

— У меня ведь баня готова! — хлопнула себя по лбу Света. — Чуть не забыла! Баня у меня шикарная, венички березовые, сама делала! Сейчас полотенца вам принесу. — И она упорхнула в дом.

— Я балдею, — сказала Люба. — У нее еще и баня. После шампанского в самый раз.

— Ой, ладно, много ли мы выпили...

Баня во дворе представляла собой небольшую избушку, срубленную из кругляка. Они разделись в чистеньком, с домоткаными половиками, предбаннике, где стояли две скамейки и маленький столик. Света завела их в парилку, брызнула на раскаленные камни водой, в которую, судя по разлившемуся запаху, добавила настойку эвкалипта, приготовила березовые веники и командовала:

— Ложитесь!

Она хлестала их так, что Варя взмолилась:

— Не могу больше!

— Для меня баня — лучший отдых, — сказала Света, проведя напоследок вениками по спинам подруг. — Но одна париться не очень люблю. Мне всегда не хватает банного общения. Оно меня больше, чем веники, расслабляет и успокаивает... Поболтаешь, чайку попьешь. Жалко будет с банькой расставаться...

— Говорят, в следующем веке мужчины вообще нужны не будут, — размеч-

талась Люба, намазывая себя бальзамами, которые в большом количестве стояли у Светы в предбаннике. — Зачатие станут производить искусственным путем.

— И сколько проблем исчезнет! — Свете перспектива будущего понравилась. — Когда я сегодня вижу независимых и самодостаточных женщин, то страшно им завидую! Хочу такой же стать. Но понимаю, что вряд ли смогу. Характер другой. Ну что, еще по заходу? — Света кивнула в сторону парилки.

— Я — пас! — отказалась Варя, которая еще не отдышалась от первого раза.

— Пойдем, — Люба была не против. — Только такую жару не устраивай больше.

Они зашли в парилку, а Варя прилегла на широкую скамейку и подумала о том, сколько труда и любви было вложено в этот дом, в эту баню. Наверное, здесь собирались жить долго, принимать сына с невесткой и внуками, устраивать по выходным пикники... Но все по какой-то причине разрушилось. Из дома ушли тепло и согласие. Он выставляется на продажу, как любая другая уже не нужная вещь. И сможет ли он ожить, когда окажется в руках других людей?

Глава двадцать вторая

Бабушке лучше было ничего не рассказывать. От неприятных новостей у нее начинало болеть сердце, она ойкала, капала корвалол и без конца спрашивала подробности.

Но если от нее всё скрывали — было еще хуже. Она надувалась, обижалась, намекала, что никому не нужна, делала несчастное лицо, твердила, что понимает: какой от нее теперь толк, только зря небо копит.

С появлением новостей бабушка оживала и, хотя жаловалась на усиленное сердцебиение, демонстративно показывала, как переживает и хочет помочь. Она словно обретала смысл существования, регулярно звонила, читала заметки в газетах на нужную тему, вспоминала примеры знакомых, живших в разные времена и на разных территориях, и таким образом чувствовала себя активным членом общества, участвуя в жизни родных и близких.

Кроме того, бабушке было просто необходимо рассказывать о своих трудностях и проблемах. Она отвлекалась на них и переставала изводить Варю многочисленными историями о том, как заботливы другие внуки, как они с утра до вечера готовят и убирают в квартирах своих бабушек, практически ежедневно делают там ремонт, возят в Макдоналдс и каждые пять минут интересуются здоровьем. У Вари создалось впечатление, что все эти внуки, во-первых, нигде не работают, а во-вторых, не имеют собственных семей и своего дома. Иначе трудно объяснить, когда они все успевают. Варина бабушка жила на другом конце Москвы, переезжать куда-то поближе отказывалась, в гости к внучке ходить не любила, тем более жить вместе не собиралась. Старое дерево, говорила она, нельзя пересаживать.

Она была слишком независимой. К тому же бабушке категорически не нравилось, как что-то делают другие. Варя, например, неправильно убиралась, не так готовила, надевала на себя не те вещи, покупала продукты, которые можно было найти и лучше и дешевле. Бабушка никому ничего не доверяла. Только она — одна-единственная — знала во всем толк.

— Ты совсем про меня забыла! — выговорила бабушка Варе, когда та выгружала на кухне пакеты. — А это зачем привезла? — показала она на йогурты. — Я их не люблю. И куда мне так много? Сколько раз говорила: не трать зря деньги! А это хорошо, — она увидела очередной номер газеты «Спид-инфо». — Я прошлую от корки до корки прочитала. Жуткий разврат, но как интересно!

Она любовно отложила газету на холодильник, потом быстренько включила газ и поставила греть грибной супчик, который специально сварила к приходу внучки.

— Да я есть не хочу, — попыталась отказаться Варя.

— Немножко, — бабушка сделала вид, что заставлять не собирается. — Ты последнее время совсем исхудала, посмотри, на кого стала похожа... Я сейчас...

Она сходила в комнату, сменила старый халат на нарядный и принесла свой слуховой аппарат, который носить не любила, но без него не могла вести с Варей душещипательные разговоры.

— Думала я о твоём гаденыше. — С тех пор, как бабушка узнала о недостойном поведении Сереги, по-другому она его не называла. — И о своем первом муже вспоминала. — Она налила Варе огромную тарелку супа и села рядом, подперев желтыми кулачками подбородок. — Он ведь под Москвой работал, а

домой приезжал на выходные. И вот один раз его нет, второй... Как-то оттуда его сослуживец заявился и говорит: чего ему домой торопиться, ему и там весело, компания у них, пьянки-гулянки, вот деньги просил тебе передать. И дает мне его зарплату. Я как швырнула этому знакомому деньги обратно, сказала: не возьму, вези назад! Он глаза вытаращил: почему? А потому, говорю, что ни он мне в таком случае не нужен, ни его зарплата! Знакомый уехал восвояси, а муж на следующий же день прямо на работу ко мне заявился: что случилось? Я сказала: развод! Ну он объяснил, что сплетни это, от зависти.

— И ты поверила? — Варя старательно поедала суп, чтобы не расстраивать бабушку.

— Конечно. Ему многие завидовали.

— Так ведь ты все равно развелась... Сама же говорила: из-за измен...

— Ну это потом было, — бабушка погрузилась в воспоминания. — Я и хочу сказать, что горбатого могила исправит. Да он сколько времени еще ходил, просил все сначала начать. На суде говорил: у меня хорошая жена, я ее любил, люблю и разводиться не хочу. А я как отрезала: видеть не желаю! Народная заседательница там была, хорошая женщина, она моему мужу прямо сказала: все вы — кобели.

Бабушка стала совсем грустной.

— А твой дед? — она вступила на любимую тропу. — Мало он мне нервов попортил! Я такой хорошенькой была, а он при мне однажды, напившись, зажимался с одной страшилищей... С тех пор смотреть на него не могла.

— Как же прожила с ним всю жизнь?

— Семью сохраняла ради детей, — гордо сказала бабушка.

Историю о том, как дедушка сто лет назад приставал к какой-то «страшилище», Варя слушала с детства. Бабушка изводила этим деда при каждом удобном и неудобном случае. Еще Варя знала, что первый раз бабушка выходила замуж без любви, а второй — по любви, но результат для нее, кажется, получился одинаковым. Хотя Варя деда очень любила — он был красивым, добрым и веселым.

— А когда дедушка умер, тебе лучше стало? Одной?

Бабушка потеряла кулачками щеки.

— Нет, — сказала она. — Вдвоем было веселей. Поговоришь, бывало... Помнишь, я в больницу попала? Так ведь каждый день приходил. А я, бывало, его жду... Две дощечки, если их вместе сложить, крепче одной.

— Вот видишь!

— Ко мне же потом сватался один старикашка, вдовец. Я, говорит, вас давно уважаю... А зачем он мне нужен? Трусы ему стирать? Да мой дед такой чистенький был, аккуратненький, а этот... Тьфу... А у нашей соседки, — повеселела бабушка после воспоминаний о своем последнем ухажере, — ну у той, с четвертого этажа, муж ушел к другой бабе. Ничего ведь хорошего в нем нет, а соседка — такая интересная женщина! Ходила вся убитая... А я ее подбадривала. Спрошу, бывало: как там твой с молодой поживает? Подлец он у тебя... Через год смотрю: она с мужем под ручку идет. Вернулся, оказывается. Каялся, в любви признавался, не знает теперь, как жене угодить. А дочь их, взрослая уже, ни в какую отца обратно принимать не хочет. Так они квартиру сняли и там живут. Каких только чудес на свете не бывает!

— М-да. — Раньше Варя пропустила бы эту бабушкину историю мимо ушей,

но теперь ей было интересно.

— Что он тебе говорит?

— Кто? — вздрогнула Варя.

— Гаденыш твой.

— Что мне все приснилось.

— Как это — приснилось?

— Ну он так говорит.

— Какой наглец, — презрительно протянула бабушка.

— Понимаешь, бабуля, это отмазка такая. Чтобы не объясняться. Вот ты скажи: почему ты сама мужьям не изменяла?

— Я — честная, порядочная женщина! — возмутилась бабушка. — Я терпеть этого не могу!

— Ну и зря.

— Ты что это говоришь? — забеспокоилась бабушка, обнаружив в мыслях внучки что-то неладное. — Не вздумай!

— Да кому нужны наши честность и порядочность?! Вот я тут ездила в гости к одной знакомой, мы в бане помылись, остались ночевать. А Серега в это время домой пришел, меня ждал. Всю ночь не спал. Утром на работу уехал. На следующий день не успела домой зайти — звонит: где ты была? Мол, мужики телефон оборвали. А это клиенты мои были, насчет квартир, они все время звонят. Раньше я домашний телефон никому не давала, а теперь даю. Из экономии. Потому что за мобильник платить не успеваю. Классическую сцену ревности мне устроил! И сразу предложил поехать вместе отдохнуть. Я ему говорю: у тебя любовь, вот с ней и отдыхай, а мне работать надо.

— Так и сказала? — Бабушкины глаза засветились.

Варя победно кивнула.

— Страдает, — жалостливо протянула бабушка.

— С каких это пор ты стала мужчин жалеть? — возмутилась Варя.

— Да не мужчин, — у бабушки на глазах выступили слезы. — Тебя. Как же ты одна? Молодая женщина, в расцвете сил...

От этой жалости Варя почувствовала себя человеком, у которого из-под ног выбили основу.

— Мало ли что бывает в семье, — вдруг сделала вывод бабушка. — Ни одна семья не обходится без ссор. Но потом ведь мирятся! Да, — вспомнила она, — я тебе говорила или нет, что, когда умру, не вздумай музыку мне заказывать. А вот отпеть — обязательно. Можно даже не в церкви, а домой батюшку пригласить. И платье мне надень синее, новое, оно чистошерстяное. Я ведь тебе показывала тот чемоданчик, где все у меня приготовлено?..

Возвращаясь домой, Варя думала о том, что бабушкина жизнь идет к естественному финалу, что все так быстротечно в этом мире, что скоро и ее женский век кончится.

Когда был жив дедушка, атмосфера в доме была совсем иной. Дед умел поднимать настроение. Он постоянно шутил, пикировался с бабушкой, подтрунивал над внучкой. Всем в итоге было весело и хорошо. Теперь квартира сиротела, и каждый раз после визитов сюда Варя испытывала необъяснимое чувство вины перед старушкой. словно в ее одиночестве есть и Варина вина. Действительно, неужели трудно лишний раз позвонить или приехать? А Жанка совсем потеряла совесть! Напрочь забыла о прабабушке! А ведь маленькой

так любила там бывать...

Все погружены в свои заботы, и никому нет дела до тех, кто сошел на обочину.

Варе вдруг стало страшно за собственное будущее. Она вытаскала мобильник и решительно набрала номер мужа.

Она поедет с ним отдохнуть! Почему бы нет? Почему нельзя пойти навстречу? Сергей хочет наладить отношения? Варя даст ему шанс. А может быть, все еще можно исправить? В человеческих отношениях нет справедливости. Но с ними можно что-то сделать, пока люди живы. И даже хорошо склеенная чашка способна еще долго служить в хозяйстве.

Мобильник Сергея оказался заблокированным. Варя набрала номер еще раз. Это было так непохоже на мужа, он никогда не забывал платить за телефон. И надо же было такому случиться именно в тот момент, когда он срочно нужен! Варя порылась в записной книжке, разыскивая Серегин рабочий телефон. Прошло совсем мало времени, а его номер уже выветрился из памяти! Через полгода она начнет спокойно думать о его измене. Через год вспомнит об этом и удивится: а из-за чего потрачено столько нервов? А через два все окончательно забудет.

— Он в отпуске с сегодняшнего дня, — ответил какой-то парень.

— А где его можно найти? По какому телефону? — спросила Варя и добавила: — У меня к нему очень срочное дело. Это касается моих акций.

— Вряд ли вы его найдете, — бодро сказал парень. — Человек улетел на отдых. Но по поводу акций вы можете поговорить с кем-то из наших сотрудников. Вас переключить?

— Не надо.

Ничего себе! Такой вариант даже не приходил Варе в голову. Она прислонилась к колонне у входа в метро. Вот для чего ему были нужны летние вещи... А предложение о совместном отдыхе — это так, для издевки. Конечно, он никуда с ней не собирался. Просто подобным изуверским способом поставил в известность... Перед глазами поплыла картина: ее Сerezка сидит в самолете бок о бок с соседкой Ирккой, они пьют вино, мило воркуют о предстоящем отдыхе...

Варя вспомнила: несколько лет назад они с мужем летели в Турцию. Рядом сидела одна парочка. Уже по тому, как сразу в самолете они бросились в объятия друг друга, долго и страстно целуясь на виду у всех, было понятно, что это любовники, временно сбежавшие от своих половин. Они не могли уняться весь полет!

И сейчас, вполне возможно, тем же занимается ее муж!!!

Варя заскрипела зубами. Только-только она начала оттаивать, а он все испортил, поломал, растоптал! Ему плевать на ее чувства, он делает все больнее и больнее! Мечтает совсем пригнать к земле, чтобы она уже никогда не поднялась!

Мимо спешили сосредоточенные люди... Кто-то ждал кого-то у входа в метро. Жизнь большого города шла своим чередом. И никому не было дела до Варе.

Она вошла в метро, вливаясь в пассажирский поток, спустилась на эскалаторе, на полном автомате перешла на смежную станцию и села в нужный ей вагон.

В Женькиной квартире у нее была назначена встреча с потенциальным покупателем. И хотя больше всего на свете Варя хотелось сейчас закрыться дома, никого не видеть и не слышать, ей пришлось тащиться в это ненавистное место, при одном воспоминании о котором у нее начиналось учащенное сердцебиение. Покупатель был респектабельным и дотошным. Чтобы окончательно согласиться на дорогую покупку, он потребовал повторного осмотра. Знала бы Женька, сидя в своей Германии, чего стоит для Вари каждый поход в ее квартиру!

Пока еще в ней обитал интеллигентный, милый Веня — было как-то легче. Но неделю назад он вернулся в родительский дом. Варя потратила кучу времени, а главное, сил на поиски жилья для его бывшей жены, которая постоянно капризничала и долго не соглашалась ни на один из вариантов.

Где были глаза, у вроде неглупого Вени, когда он женился на этой особе?! Варя хватило одного взгляда, чтобы понять, что она собой представляет! Да на ней пробы негде ставить! Внешне она чем-то напоминала Варю соседку Ирку, а своими хищническими манерами ее даже переплюнула! Когда настало время оформлять на ее имя купленную квартиру, то обычное мероприятие превратилось в настоящую пытку. Эта мадам довела всех участников сделки до белого каления: она подозревала их в нечестности, ко всему придиралась, успела оскорбить буквально каждого, а под конец сообщила Варю, что, если что-то будет не так, она ее из-под земли достанет. За время работы в сфере недвижимости Варю приходилось сталкиваться с разными людьми, но подобного она еще не видела.

...Покупатель не опоздал, явился вовремя, проверил сантехнику, внимательно осмотрел полы, стены, остался доволен, и они договорились, что завтра он внесет задаток. Оставалось дозвониться до Женьки, сообщить о долгожданном событии и назначить день сделки.

После ухода клиента Варя еще раз обошла квартиру.

Ненавистные халаты по-прежнему висели в ванной. Вид спального ложа вызвал у нее приступ бешенства. Свечки, которыми Веня за время своего проживания ни разу не воспользовался, казались бельмом на глазу.

Варя взяла большой полиэтиленовый пакет, смела туда все это барахло и, закрыв квартиру, выбросила свидетельства бурного романа в мусоропровод, громко хлопнув крышкой.

Спускаясь по лестнице, она думала о том, что делать с кроватью. Может быть, вернуться и разломать ее на части? Пожалуй, голыми руками не получится... Нужно зайти домой и взять какой-нибудь инструмент. Топор, например... Где-то он должен быть...

Она так погрузилась в эти мысли, что даже вздрогнула, когда, оказавшись на первом этаже, обнаружила прямо перед своим носом художника Валентина.

— Теперь, когда наверху раздаются шаги, я уже на стреме, — радостно сообщил он. — Рад, что это вы... Не зайдете ко мне? Я покажу вам портрет, который пишу по фотографии вашей подруги Любы. То есть она принесла снимок мужа, хочет сделать ему подарок. Почти готово. А вы все-таки знаете этого мужа, посмотрите, оцените...

Никакого желания тратить время на Валентина у Вари не было. Но она считала себя обязанной проявлять к нему внимание, все-таки он тоже им по-

могал, сочувствовал, кормил сухой рыбой... При воспоминании о последней Варю слегка затошнило.

Портрет стоял в центре комнаты, и Генка на нем был облачен почему-то в гусарский костюм. Это смотрелось, на Варин взгляд, смешно. Какой из Генки гусар? Скорее он похож на Илью Муромца... Только без бороды. Общая схожесть с оригиналом все-таки была, но чего-то не хватало, какой-то Генкиной изюминки...

— Ну как? — На лице Валентина застыл неподдельный интерес. — Похож?

— И да и нет, — деликатно ответила Варя.

— Понимаете, у любого человека существует собственное представление о себе, — пустился в объяснения Валентин. — Когда он впервые видит себя со стороны — например, его сняли любительской камерой, то страшно удивляется. Он ведь считал себя красивее, лучше! То же и с фотографиями. Мало кто любит собственное изображение. И почему-то больше всегда нравится тот снимок, где человек на самом деле совсем не похож на себя.

Он обошел портрет, удовлетворенно почмокал и неожиданно предложил:

— А хотите, я вам свои стихи почитаю?

— Нет-нет, — испугалась Варя, которая искала предлог, чтобы поскорее покинуть мастерскую. — У меня нет соответствующего настроения.

Валентин потух, весь сжался, его взгляд остановился на противоположной стене. Глядя на его сторбившуюся фигуру, из которой словно выпустили воздух, в Варе проснулись угрызения совести. Валентин принимал их с Любой, терпел бабские жалобы и даже не намекал, что они ему до смерти надоели. А вот когда ему потребовалось человеческое внимание, Варя ведет себя как последняя стерва. Все-таки он неплохой, этот Валентин, только неряшливый какой-то, вызывает чувство жалости. А Варе в ее теперешнем состоянии хочется, чтобы ее окружали не такие же размазни, как она, а уверенные в себе люди.

— Я не смогу оценить ваши стихи, — как можно теплее сказала она, — потому что плохо разбираюсь в поэзии.

Валентин оторвался от портрета и резко распрямился, как будто был пружиной.

— Вы — честный человек, открытый, а значит, незащитный, тонкий, — проникновенно перешел он на шепот. — Мне хочется вас нарисовать. Я думаю, что именно вы можете стать моей музой, если захотите, конечно. Ведь не случайно мы с вами встретились. Как вы думаете?

— Простите, — Варе было приятно, что ее так высоко оценивают, — я ничего не понимаю в творчестве. А на позирование для вас нужно время, которого у меня нет.

— А что вы делали в той квартире? — вдруг вспомнил Валентин.

— Я ее продавала.

— И продали?

— Почти.

— А можно мне ее посмотреть? Напоследок? — осенило Валентина. — Столько о ней слышал, а ни разу не видел. Мне это с художественной точки зрения интересно...

Варя пожалала плечами. Она хотела сказать: да мне все равно, раз так хочется, то не жалко, хотя лично ей очередной поход туда никакой радости не доставлял... Словно боясь отказа, Валентин поспешил к выходу, захлопнул дверь

мастерской, вприпрыжку, увлекая за собой Варю, поднялся на второй этаж.

— Шикарно! — восхитился он, оценивая, вероятно, уровень евроремонта. — Да тут и мебель есть!

Валентин стоял у кровати и почесывал свою лысину. Мимоходом Варя отметила, что растительности на его голове все-таки осталось совсем мало. А потом перевела взгляд на кровать. Она, застеленная синим покрывалом, по-прежнему возвышалась посередине комнаты как живое существо и словно излучала превосходство над окружающими предметами и людьми.

— Вот это ложе! — Валентин с размаху упал на кровать и дважды подпрыгнул. — Ой, — смутился он, — не сломаю?

— Кстати, — прыть художника заразила Варю, — было бы здорово!

Не снимая босоножек на шпильках, она решительно взобралась на это отвратительное лежбище и стала прыгать за компанию с Валентином. Каблуки дырявили тонкую ткань, которая застревала в Вариных босоножках и тянулась за ними вверх... Изумленный поначалу Валентин быстро включился в это безумство. Они молча прыгали, будто соревнуясь, у кого получится выше. Варя делала это яростно, вкладывая в странное занятие всю свою силу и ненависть. Кровать держалась как железобетонная, только слегка поскрипывала, словно жалуясь на усталость. А тонкие каблуки не выдержали, один подломился, проткнув матрас и оставшись там. Варя попыталась его вытащить, Валентин взялся помогать и вдруг впился в ее губы. Они упали на истерзанное синее покрывало... Все произошло слишком неожиданно, как продолжение их дурацких скачек на кровати, и Варя плохо осознавала, что делает.

Когда все кончилось и в голове прояснилось, она с ужасом подумала, что ей только и остается, как прыгать из постели в постель, открыть счет любовным победам и хвастаться этим перед подругами. И не то чтобы Валентин был уж слишком плох. Он хорош хотя бы тем, что не указывает Варе на ее недостатки, не посылает на пластические операции... Но это совершенно чужой, посторонний человек, при виде которого она не испытывает никаких романтических чувств. Может быть потому она никогда раньше не изменяла мужу, что часто влюблялась только до встречи с Серегой, а потом как отрезало — она не встретила никого в своей жизни, кто сильно превосходил бы ее мужа.

Валентин дежурно чмокнул Варю в щеку и спросил:

— Когда заглянешь в следующий раз?

Она помялась:

— Не знаю.

За последние дни Варя хорошо усвоила истину: никогда не говори «никогда».

Приехав домой, она подошла к Иркиной двери и позвонила. Никто не отозвался.

Глава двадцать третья

— Посмотри на эту пару, — Гена подтолкнул Любу и показал на мужчину и женщину, которые стояли в кассу перед ними с корзиной, доверху наполненной продуктами. — Мужик такой интересный, а жена... До чего страшная! Ей лет тридцать, а выглядит на сорок три. А тебе сорок три, а выглядишь на тридцать.

— Ну не преувеличивай. На тридцать один, — тихо сказала Люба.

— Сплошные мезальянсы, — продолжал удивляться Геннадий. — Как люди выбирают друг друга? По каким критериям? Я поражаюсь.

Он помолчал, а потом прошептал на ухо Любе:

— Вообще-то по женщине можно судить о ее муже. В том смысле, как он жену содержит. Вот по тебе сразу видно, что муж хороший. — Все утро у Гены было игривое настроение.

Подошла их очередь, и Люба стала выкладывать на движущуюся черную ленту набранные в огромном количестве продукты. Сегодня Инна собиралась привести в гости своего Веню. Это не обрадовало Любу. Она не могла понять, что за отношения у дочери с ее новым знакомым. Инна не откровенничала, вела себя ровно — без каких-либо всплесков эмоций и слезных переживаний, как бывало с Вовой. Значит, решила Люба, там никакой любви нет, типичная дружба двух людей, у которых параллельно произошли негативные события в личной жизни. И сейчас они просто поддерживают друг друга, найдя на ниве предательства своих возлюбленных общую борозду. Это ненадолго. А раз так, то зачем устраивать официальные смотрины, приводить Веню, суесться, накрывать стол?

Конечно, Любе нетрудно что-то приготовить, а за продуктами все равно надо было ехать, но пусть бы Инна сама встречала своего друга и вела с ним беседы, а они с Генкой лучше куда-нибудь в гости сходили бы. Или в кино, театр. Неважно. Это было бы гораздо интереснее, чем сидеть с этим Веней, менять посуду и пребывать в напряжении, размышляя, о чем говорить с мало-знакомым человеком. Ведь она видела его мельком только один раз — тогда, на Женькиной квартире! А с Генкой они и вовсе не встречались!

— Я не понимаю, — как нарочно ворчал Геннадий, усугубляя Любино состояние, — зачем Инка теряет время с этим парнем? Не может у себя в банке банкира подобрать? Почему другие девчонки находят себе нормальных женихов, а она связывается черт знает с кем? То наркоман, то разведенный... Если этого Веню жена бросила, то, может, он как мужик несостоятелен?

— О господи! — бросила Люба. — У тебя одно на уме.

— А от хороших мужиков жены не уходят. Они на дороге не валяются. У нас в стране мужчин и так не хватает. Кого только бабы не подбирают — любых уродов. А от вашего замечательного Вени жена сбежала.

— Женщины разные бывают! — рассуждения мужа Любу злили. — Некоторые всю жизнь гуляют, не могут без этого.

— Да, все вы об одном мечтаете, — с подозрением посмотрел на жену Генка.

— Ну приехали! Больше нам мечтать не о чем.

— Ты последнее время постоянно где-то пропадаешь. И все отговорки какие-то: баня, гости... Я же не хожу без тебя по гостям. Неизвестно, кто там в

этих банях собирается.

— Ген, и так настроение плохое, а ты еще с какими-то глупостями...

— Из-за чего это у тебя плохое настроение? — насторожился Геннадий.

— Из-за Инки, из-за чего же еще... Думаешь, я не переживаю?

— Ты как мать давно бы ее с кем-нибудь познакомила.

— С кем?

— Подумала бы. У твоих подруг есть ведь сыновья? Занималась бы дочерью, а не походами в бани. Раньше родители подыскивали женихов. И правильно, между прочим, делали.

Люба насупилась. Ей так и хотелось взорваться. Что за чушь Генка мелет? Прямо действует на нервы. Вот сейчас еще Инка с Веней придут, Генка будет дергаться и, улучив момент, шептать ей в ухо, как не нравится ему гость, как он что-то не так сказал, не так сделал... Люба не помнит случая, чтобы муж не раскритиковал тех парней, что приводила домой дочь. Вот еще и поэтому ей заранее не нравилось предстоящее застолье.

Она понимала, что в основе всех ее переживаний лежал страх. Перед новой неудачей, разочарованием... Инна такая легкомысленная и доверчивая... Вот и расплачивается. И неизвестно, действительно, почему от такого хорошего Вени ушла жена... Все-таки иногда Генка смотрит в корень...

В самом мрачном настроении она жарила мясо. Времени уже ни на что не хватало. «И ничего страшного, — думала Люба. — Подождут. Инка совсем обнаглела. Могла бы прийти пораньше и помочь. Кому это надо — мне или ей?»

Прозвенел звонок, Геннадий открыл дверь, и Люба услышала, как входящая наполнилась чужими голосами. Их было чересчур много для двоих.

— Мама! — крикнула Инна. — Ты где?

Люба вытерла руки, сделала потише газ, надела улыбку на лицо и вышла из кухни.

— Знакомься, — Инна светилась радостью. — Это родители Вени.

— Семен Васильевич, — поклонился невысокий худенький мужчина.

— Анна Степановна, — представилась такая же невысокая и худенькая женщина.

Они были как близнецы — оба черноглазые, черноволосые, с пробившейся сединой, которая странным образом совершенно одинаково расположилась на их шевелюрах. Одежду они покупали, видимо, в одном магазине. На Анне Степановне были бежевые брюки и тонкий черный свитер, а на Семене Васильевиче — черные брюки и бежевый свитер. Неужели с годами супруги могут стать настолько похожими не просто своими пристрастиями, но даже внешне?! Люба подумала, что пословица «Муж и жена — одна сатана» как раз про эту пару.

Веня стоял рядом со своими родителями, и, глядя на них троих, можно было не сомневаться, чей он сын: те же темные глаза, прямой нос, тонкие губы... Он отличался только ростом, молодостью и еще предпочитал носить джинсы. Инна выглядывала из-за его плеча, держась одной рукой за талию своего избранника, и эта картинка тронула Любу. Дочь показалась ей необычайно красивой, какая-то просветленность лежала на ее лице, какой раньше Люба не замечала. Инка явно похорошела. Исчезла изможденность, появившаяся после разрыва с Вовой и очень тревожившая Любу. Но задумываться над переменами, произошедшими в дочери, не было времени. На плите оставалось мясо, и

оно могло подгореть при слишком долгих церемониях.

Изобразив радушие и страшную радость от прихода гостей, Люба поспешила обратно на кухню, призвав на помощь Инну.

— Почему не предупредила?! — накинулась она на дочь, когда они остались вдвоем. — Разве так делают?!

— Да ладно, мам, что ты волнуешься? — Инна обняла мать и заглянула ей в глаза. — Все хорошо! Они милейшие люди, очень простые, и вам понравятся! У Вени просто и не могло быть плохих родителей! Понимаешь, мы сначала не думали с ними идти... В последний момент все решилось...

— Накрывай на стол, — распорядилась Люба.

Первый тост был «за встречу». Родители Вени скромно пригубили и совсем без аппетита поковырялись в тарелках. Разговор никак не клеился.

— Я смотрю, вы увлекаетесь женскими романами? — спросила Анна Степановна, кивнув на журнальный столик, где лежало несколько книг.

— Да это девчонки на работе дают почитать, — засмутилась Люба, у которой еще не нашлось времени хотя бы пролистать эти романы.

— А я вчера полдня провела в книжном магазине. — Вид у Анны Степановны сделался одухотворенным. — Когда я попадаю в это хранилище книг, то не могу оторваться — листаю, листаю... Все подряд. Сам вид печатных страниц рождает в моей душе праздник. Каждый раз обещаю себе, что ограничусь покупкой одной-двух книг, но не могу удержаться и приношу домой целую пачку.

— Наш дом уже тоже превратился в книжный магазин, — буркнул Вени.

— Ему это не нравится, потому что приходится прикручивать новые полочки, — ласково посмотрела на сына Анна Степановна. — Но, согласитесь: что может быть приятнее взять книжку и полностью погрузиться в мир ее героев? Вы ведь учительница по профессии?

— Да, — Люба решила перевести разговор на что-нибудь другое. — Семен Васильевич, вы совсем ничего не едите?

— Он на диете, — ответила за мужа Анна Степановна. — Не обращайтесь внимания. Вчера я купила всего Уэльбека! Вы как к нему относитесь? — Анна Степановна оказалась крепким орешком. Литературная тема обещала стать долгоиграющей.

— Стыдно признаться, но я его не читала.

— А Зюскинда? Вы любите Патрика Зюскинда?

— Мама, — Вене стало жалко хозяйку, — что за экзамен ты устраиваешь?

— Что ты! — искренне удивилась Анна Степановна. — Мне и в голову такое не приходило. Просто литературные пристрастия многое говорят о человеке.

— А я считаю, что вы придаете этому слишком большое значение, — бесцеремонно вмешалась Инна. — Я вот пыталась читать Зюскинда, но скучно стало. И о чем это говорит?

Анна Степановна снисходительно посмотрела на нее:

— Меня удивляет молодое поколение. Они совсем не хотят развиваться.

— Может, выпьем? — Геннадий наполнил свою рюмку. — Вам подлить, Семен Васильевич?

Тот покачал головой, а Люба одернула мужа:

— Тебе же сказали: человек на диете.

— Молодое поколение интересуют сегодня только деньги, — села на нового

конька Анна Степановна. — А современные девушки думают не о любви, а о том, какой у мужчины кошелек.

— Но богатство тоже легко не дается, — в Инне всегда бурлил дух противоречия. — Для этого нужны интеллект, трудолюбие, много чего еще, что как раз женщины ценят в мужчине. Деньги дают уверенность и свободу.

— По-вашему, если мальчик честный, интеллигентный, но не умеет хвать, так ему и надеяться не на что?

— Мужчина должен содержать семью, — не отступила Инна. — Честный, интеллигентный мальчик, если у него есть мозги, может устроиться на хорошую работу и достойно существовать.

— Мне кажется, что современные девушки мечтают о любви так же, как когда-то и мы с вами, — решила вставить свое слово Люба — ей показалось, что Анна Степановна кинула камешек в огород Инны.

— Мама так говорит, потому что сильно обожглась на бывшей невестке, — словно прочитал Любины мысли Веня. — Хотя та, между прочим, обожала Зюскинда. К тому же мама — специалист по зарубежной литературе, и это ее конек.

— Действительно, — вдруг прорезался голос у Семена Васильевича, — что ты, Аня, пугаешь людей? Знаете, — он обратился к Любе и Гене, — это она от смущения... Очень стесняется... Тем более такое событие предстоит...

— Мы с Инной решили пожениться, — буднично пояснил Веня. — Своим родителям я сообщил раньше, потому мы и пришли вместе, чтобы познакомиться.

Люба от неожиданности поперхнулась.

— И заявление уже подали? — невозмутимо спросил Гена.

— Да, свадьба двадцать четвертого...

— Где играем?

— Еще не выбрали. — Инна прижалась к сидящему рядом Вене. — Мы хотели попросить у вас денег в долг. Все получилось так спонтанно, мы ничего не откладывали...

— Понятно, — сказала Люба. — А может быть, не надо было вот так — спонтанно?

— Если дети любят друг друга — пусть женятся, — благословил Семен Васильевич.

— Нас никто ни о чем не спрашивает, — вздохнула Анна Степановна. — Хорошо хоть в известность ставят.

— Банкет оплатим, — поставил точку Геннадий и умиленно посмотрел на дочь.

Гости вскоре засобирались, отказавшись от кофе и торта, который сами же принесли.

— Да вы что? — возразил Гена. — Пусть молодые идут, если им скучно в нашей компании. А мы с вами сейчас киношку посмотрим. Я как раз кассету новую купил, с Умой Турман. Как, Васильич? Нравится тебе Ума Турман?

— Конечно, — оживился Семен Васильевич, — я люблю высоких женщин... Фигура у нее стройная. А еще глаза... Ты заметил? Они такие большие и широко расставленные. Я понимаю Тарантино... Турман лучше даже Шерон Стоун!

— Знаток, — скептически прокомментировала Анна Степановна. Возможно, ей не понравилось упоминание высокого роста Умы Турман.

Продолжая оживленно беседовать о достоинствах зарубежных актрис, мужчины удалились в сторону видеомангитофона. Дети, сославшись на многочисленные предсвадебные заботы, попрощались и ушли.

— Она беременна, — сказала Люба. — Наверняка. Иначе к чему такая спешка?

— И слава богу! — Анна Степановна перекрестилась. — Пусть будет ребенок, я ничего плохого в этом не вижу...

В этот момент из специалиста по зарубежной литературе она превратилась в потенциальную бабушку. Строгие черты ее лица разгладились и смягчились, и Люба легко представила ее гуляющей с коляской в каком-нибудь парке.

— Вы знаете, Любаша, — процесс чудесного превращения продолжался, — нам Инночка очень нравится, она человек открытый, прямой, умеет свою точку зрения отстаивать, я это ценю в людях. Инночка приходила на день рождения Семы и очаровала всех наших друзей! Она замечательная девушка! Вы ведь в курсе, что Веня был женат?

— Да-да, — кивнула Люба.

— Так вот этот его брак надолго лишил нас веры в то, что существуют порядочные девушки... Мы стали опасаться буквально всех! Особенно провинциалок. А Инночка — москвичка... Да дело даже не в этом! Просто я смотрю, как Веня изменился после встречи с Инночкой — летает как на крыльях! Я давно не видела сына таким счастливым! — На глазах Анны Степановны появились слезы. — Не возражайте против их брака, прошу вас!

— Да разве я против? — У Любы тоже подступил комок к горлу. — Просто у нас тоже есть печальный опыт... Жених на свадьбу не явился... И я, как и вы, боюсь теперь повторения...

— А мне Инночка про это рассказала, — Анна Степановна вытащила из кармана брюк носовой платок и вытерла глаза. — Ужасно, ужасно... Но неужели вы думаете, что и Веня на такое способен?! Это невозможно! Он так любит Инночку! И если она действительно ждет ребеночка... Боже мой, какое счастье!

Платок уже не спасал, слезы лились из глаз Анны Степановны рекой. Пример оказался заразительным. Люба тоже заплакала. Сейчас ее уже не смущал Венин развод, она вспомнила, как весь вечер светила ее дочь, глядя на своего избранника... Да что там говорить: они так хорошо смотрятся вместе, такая красивая пара...

— Что это мы? — встрепелась Анна Степановна. — Кто бы посмотрел на нас со стороны! Совсем нервы сдают, — пожаловалась она. — Ведь это наш единственный сын...

Они говорили и говорили — уже не о литературе, а о том, что близко каждой матери... Из соседней комнаты, где их мужья с наслаждением следили за приключениями Умы Турман, раздавались восхищенные комментарии.

Когда гости ушли, возбужденный встречей Геннадий сказал жене:

— Васильич — золотой мужик! И Венька, смотрю, ничего! А вот Инке надо характер свой изменить! Зачем она в бутылку лезет?! Какие-то дискуссии со Степановной устроила! Слушай, что старшие говорят, и молчи в тряпочку!

— И правильно, что лезет! — Люба поставила в сушку последнюю вымытую тарелку и повернулась к мужу. — Я вот молчала в тряпочку перед твоими родителями, а что толку? всю жизнь они занимались тем, что искали во мне

недостатки и придумывали небылицы. Помнишь, как однажды твоя сестра продала мне сапоги, которые ей не подошли? Мне строго-настрого было ею приказано, чтобы я ни в коем случае не говорила об этом вашим родителям! Двадцать лет прошло, а я до сих пор не понимаю, почему из продажи мне сапог нужно было делать тайну?! Может быть, сейчас мне объяснишь? И еще однажды твоя сестра дала мне в долг на два дня десятку. Между прочим, она мне нужна была для того, чтобы ее же и угостить. «Только не говори родителям, — сказала твоя сестра, — что я тебе в долг дала, а то они меня убьют». За что это, интересно?!

Люба готова была привести и другие примеры. Обиды, нанесенные ей родными мужа, скопились в огромный мешок. Она была виновата даже в том, что родила девочку, а не мальчика. Наверное, именно поэтому Генкины мама-папа не считали нужным поздравить ее с прибавлением семейства и не выразили ни малейшего желания посмотреть на новорожденную внучку.

— Если ты не любишь моих родителей, то нечего свою буйную фантазию пускать в ход. — Геннадий терпеть не мог, когда Люба касалась его родственников.

— Ха-ха, — не сдавалась Люба. — Такое даже выдумать трудно.

Она хотела посоветовать Генке позвонить своей сестре и осведомиться о том случае с сапогами, но, во-первых, они давно не общались, а во-вторых, это прямой путь к серьезной ссоре. Сейчас, перед свадьбой дочери, лучше сохранять мир. Генка и так уже набычился, вот-вот взорвется, а это ничем хорошим не кончится. Откажется участвовать в подготовке свадьбы — и что она одна будет делать?

— Как-то я нервничаю, — она решила разрядить обстановку.

— Ничего удивительного, — Генка еще не отошел от неприятных для него воспоминаний жены. — От прошлого банкета не оправились, теперь новое испытание. Как думаешь, этот жених не сбежит?

— Типун тебе на язык. — В сердцах Люба повысила голос. — Очень остроумно, вовремя и, главное, к месту.

— Праздника хочу! — На лице Геннадия появилось мечтательное выражение. — Чтобы все на полную катушку! У меня единственная дочь! Я на ней экономить не собираюсь!

Он взял калькулятор и удалился в спальню.

Глава двадцать четвертая

Рев Женькиного внука перекрывал все остальные звуки.

— Что там случилось?! — испугалась Варя.

— Вредничает! — проорала в ответ Женя. — Перелезает через спинку дивана и требует, чтобы я его оттуда вытащила! Иди сюда, малыш! Я тебе кассету поставлю! Мультик!

Крики моментально прекратились.

— Когда хочу чем-то заняться — ставлю ему кассету с мультиками, — объяснила вернувшаяся к телефону Женя. — Два часа покоя обеспечено. Целый год смотрит одну и ту же кассету. Сегодня вообще день сумасшедший! Вот по соседству со мной живет мужик — наш, русак. Знаешь, что он сегодня учудил?! Вывесил сушиться трусы на балконе! Такое только турки себе позволяют! И то до трусов они все-таки не опускаются! Обычно сушат джинсы. Настирают целую веревку штанов и вешают их в ряд на веревку.

— Жень, да что тут такого? Мы всю жизнь на балконе белье сушим.

— Здесь, знаешь, такое не принято. Можно где-нибудь на уровне перил разместить, но чтобы никто твое белье с улицы не видел, — назидательно заметила Женька, которая, живя в России, не обременяла себя подобными правилами. — А только что бабка заходила, которая надо мной живет, два часа о своих болячках вещала. Тоже интересная такая! За семьдесят уже. Она лет пять назад сюда приехала, одна, дочь с семьей в России осталась. Бабка тут деда завела, тоже из эмигрантов. Дочь, когда ее навещала, потрясена была: говорит, что сроду ее мамаша после смерти мужа романов не крутила, и вдруг на старости лет... А дед недавно умер, и бабка сразу затосковала. Говорит: не могу, обратно в Россию поеду, там все-таки дочь у меня. Собралась основательно, даже телевизор с холодильником прихватила. А дней через десять, смотрю, уже вернулась. Спрашиваю: передумали, плохо встретили? Да нет, отвечает, встретили хорошо, но не могу там жить, все не так, все по-другому, все раздражает. Холодильник с телевизором она родственникам оставила, а здесь еще купила. И опять около нее какой-то бургер крутится... Новая любовь!

— Тебе тоже придется приехать в Москву, — Варя в душе порадовалась за личную жизнь бабки. — Есть покупатель на твою квартиру. Берет за высокую цену. Задаток уже внес.

— Наконец-то! — обрадовалась Женя. — И не такая уж там высокая цена! Сама знаешь, сколько я туда денег вложила. Хорошо, что квартирантов не пускала. А то испохабили бы все, пришлось бы по дешевке отдавать.

Варя покраснела. Она сразу вспомнила Валентина и свое сумасшествие в Женькиной квартире. Как поет рок-певица Чичерина, ветром в голову надуло... Конечно, Варя расскажет Женьке о событиях последних месяцев. Но позже, когда та приедет в Москву и они встретятся, с глазу на глаз. Варя объяснит, что после истории с Валентином ее уже не раздирает та страшная боль, которая начиналась при виде синего покрывала. Хотя тот порыв ничего для нее не значит, и случившаяся близость не принесла ни радости, ни огорчения. Возможно, ее можно рассматривать как некую профилактическую процедуру — прививку от полного безумия.

Прививка, правда, сработала только частично и строго направленно. Например, она не смогла уничтожить полностью мысли о соседке Ирке и ее при-

частности к разрушению Вариной семьи. Который уже день Варя выходила на лестничную площадку и звонила в Иркину дверь, проверяя, дома та или нет. Она проделала это и сейчас, после разговора с Женькой, тихо, осторожно, оглядываясь, чтобы не нарваться на случайные глаза... Там опять стояла полная тишина. Он что, взял с собой на отдых не только соседку, но и ее сына?! Далеко же зашел ее муж! А чему удивляться? Ему вообще свойственна двойная мораль! Он вечно требовал от других того, чего не требовал от себя! И он думает, что Варя будет сидеть, лить слезы и ждать, когда он одумается?! Знал бы он, что у него тоже появились ветвистые рога! Так ему и надо! При случае она обязательно ему намекнет... Пусть тогда взовьется под потолок и забьется в конвульсиях! Пусть прочувствует, каково это, когда родной человек тебе изменяет!

Она вернулась к себе и уже с порога услышала, как надывается телефон.

— Варя, — это был легкий на помине Валентин, — ты умеешь делать уколы?

— Смотря куда. — Варя не поняла, зачем ему это понадобилось. — В вену не умею.

— Туда и не надо. — Голос у Валентина был плаксивым. — Понимаешь, я заболел. Сегодня был у врача. Мне надо каждый день колоть глюконат кальция. Я подумал, что живешь ты рядом, могла бы выручить. Это много времени не занимает.

Варя про себя чертыхнулась. Вот тебе пожалуйста: случайная связь, а тянет за собой какие-то обязанности. И не пошлешь подальше, не откажешься, человек заболел, приходится проявлять милосердие, хотя совсем не хочется, у нее, в конце концов, свои планы, которые надо теперь ломать... Но просто язык не поворачивается сказать «нет».

Он сидел в своей мастерской в теплом свитере, жалуясь на озноб, хотя было душно. Варя попыталась открыть форточку, но Валентин нервно остановил ее. Он подтянул свитер вверх и продемонстрировал усеянное красной сыпью туловище. Зрелище оказалось ужасным. Ни с чем подобным Варя еще не сталкивалась.

— Вчера ездил к врачу. Сказали, что у меня псориаз. Вон, выписали уколы, — он показал на лежащие ампулы.

— Где-то я читала, — сказала Варя, набирая лекарство в шприц, — что это нервная система дает импульсы. Ею надо заняться в первую очередь и питание упорядочить. Но ведь сейчас псориаз лечат?

— Ты что! — раздраженно сказал Валентин, спуская штаны. — Это неизлечимо!

— Не больно? — спросила Варя, вкалывая иглу в его тощий зад, где местами тоже расположились красные высыпания.

— Нормально.

Он застегнул брюки и пристально посмотрел на Варю.

— Не подняться ли нам на второй этаж? — Он поймал Варину руку и вцепился в нее, как хищная птица.

— Успокойся! — она никак не ожидала подобных действий от больного художника. — И вообще: квартира уже практически продана.

— А где же мы будем теперь встречаться? — недоуменно отпустил ее Валентин.

Варя поразила его наглости! Человек рассчитывает на дальнейший роман в то время, когда находится в таком состоянии! Он, наверное, считает, что это большое счастье — обнимать его тело, усыпанное подозрительными красными пятнами. Или мужчины убеждены, что это не играет никакой роли в сексуальном влечении? Что даже если они, как обезьяны, будут покрыты шерстью или любимыми болячками, то все равно станут подарком для женщины, особенно если она не очень молода?

Неужели Валентин не чувствует, что он совсем не интересуется Варю? И что случившееся между ними не может иметь продолжения? То была вспышка настроения, стечение обстоятельств. А то, что сейчас она здесь, — проявление милосердия, и не больше.

— Страшный зуд, — пожаловался Валентин. — Ты не почешешь мне спину?

Варя с ужасом представила себе эту картину.

— Думаю, — нашла она, — что тебе нужно съездить еще раз к врачу. Пусть выпишет специальные мази. Заодно договоришься с медсестрой, заплатишь — она будет приезжать, чтобы делать уколы.

— У меня денег нет!

Интересно! Может быть, Варю начать ему помогать и материально?

— Извини, — собралась она с духом, — но у меня тоже нет времени приходить к тебе. У самой забот хватает.

— Вот ты какая! — капризно заворчал Валентин. — Теперь я понимаю, почему от тебя муж гуляет. Тебе же наплевать на близких людей.

Варя почувствовала себя так, будто на нее вылили ушат холодной воды.

— На тебя — на-пле-вать, — по слогам сказала она. — С чего это ты записался ко мне в близкие люди? С какой такой радости?

Она пошла к выходу и услышала, как вслед ей Валентин крикнул:

— Подруге своей передай, чтобы расплатилась со мной за картину! А то из-за нее лекарства купить не на что!

У Вари все внутри кипело! Как, должно быть, приятно было этому горе-художнику ковырнуть ее в самое больное место! Конечно, у нее ведь нет мужа, он наслаждается отдыхом с посторонней бабой, а Варю оскорбляют все кому не лень! Видимо, хуже ее действительно никого нет, если даже первый встречный не стесняется ей на это указать. Мужа не устраивает ее внешность, вшивого этого «любовничка» — похоже, вся она...

Какая-то она, видимо, никчемная, никудышная... Носится целыми днями с этими квартирами, а даже приличных денег не может заработать. Еще и Свету потащила в этот гнусный бизнес, от которого одна головная боль. Зачем она вообще затеяла эту историю с созданием собственного дела? Все равно ничего из этой затеи не получится! А Света загорелась, без конца звонит, нашла несколько вариантов помещений, которые надо ехать смотреть. Что за тандем у них получится? Две несчастные женщины, которых бросили мужья и которые не сумели разобраться в собственных семьях. Как известно, деньги идут к деньгам, удача — к удаче, а невезение — к невезению. Наверное, они со Светой — из породы людей, которые притягивают неприятности. Какой уж тут бизнес!

На автобусной остановке Варя села в маршрутку. Устроившись на сиденье, она подняла глаза и увидела плакатик, висевший напротив. Он гласил: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, деньги — водителю». Варя достала из

кошелька пятнадцать рублей и расплатилась.

По дороге она думала о том, что при встрече обязательно скажет Свете: решение о собственном бизнесе было непродуманным, она жалеет, что втянула ее в это дело, обнадежила. А теперь поняла, что ничего не хочет менять — ни в жизни, ни в работе, что у нее уже ни на что нет сил, и главное — нет уверенности в себе.

Света ждала ее на Ленинградском проспекте, у метро, как договорились. Она была оживлена, взбудоражена, и они сразу отправились посмотреть помещения, которые располагались здесь, рядом, минутах в десяти ходьбы. В принципе, все они годились для офиса, но цены сильно отличались. Света проявляла практичность и торговалась с хозяевами. Принятие окончательного решения отложили на неделю.

Уставшие от напряжения, они зашли в ближайший бар выпить по чашке кофе. Здесь Варя и сообщила Свете о своей капитуляции.

— Прости, — сказала она. — Но, наверное, я — даос.

— Кто? — У Светы округлились глаза.

— Последовательница такого учения — даосизма. Думаю, что оно специально было создано для ленивых. В Китае, очень давно. Суть его в том, что надо плыть по течению и наблюдать за всем со стороны. Как-нибудь все само собой и уляжется.

— И давно ты стала такой последовательницей?

— Наверное, с раннего детства, — подумав, ответила Варя.

— Интересно, — Света постучала костяшками пальцев по поверхности стола. — Но я уже не могу остановиться... Не могу отказаться от идеи о собственном агентстве... Не смейся, ладно? Но у меня есть навязчивая идея: если я чего-то добьюсь в этой жизни, стану личностью, то у Вовы тоже все будет хорошо. Я как будто своей активностью его буду подпитывать, передавать энергию.

— А как, кстати, его дела?

— Сашка оформляет ему визу во Францию. Ехать Вова согласился. Более того — он рад такому повороту событий! Мечтает, что начнет новую жизнь. А я теперь сомневаюсь: может, не стоит его так далеко отправлять? Может, и здесь у него все нормально сложится? Если не вернется к этой заразе?

— А если вернется? — Варя плохо разбиралась в проблемах наркоманов, но Светины слова о «подпитывании» собственного ребенка ее потрясли. Действительно, ведь между детьми и родителями существует крепкая телепатическая связь! И Варя ни при каких обстоятельствах не должна демонстрировать перед дочерью свою несостоятельность — женскую, деловую... Не должна впадать в тоску и повергать в нее же юную и ранимую Жанну, в которой, как в зеркале, отражаются все Варины настроения...

— Придется зажать свою жалость к сыну в кулак и верить, что легион ему поможет. — Света допила кофе и отставила чашку. — Знаешь, что я предлагаю? Если ты не хочешь заниматься агентством, то побудь пока моим консультантом. Мне же нужно с кем-то советоваться, особенно на первых порах. А там видно будет. Захочешь — будем вместе работать. Не захочешь — твое дело. А я отступать не буду. У меня это пока единственная ниточка, которая, возможно, вытянет меня куда-нибудь. Я уже потратила напрасно столько времени, а в конечном счете — огромную часть своей жизни. И больше не хочу

терять зря ни одной секунды.

Светина уверенность действовала на Варю как антидепрессант. Чего она, в самом деле, мандражирует перед делом, которым давно занимается и которое знает как свои пять пальцев? Ну не получится — вернется на старое место. Там опытные риэлторы всегда нужны. Света абсолютно права. Единственный ресурс, который есть у человека, — это время. И от его использования зависит и развитие личности, и отношения с близкими людьми, и успешная карьера. Разве не это Варя пытается внушить своей дочери, которая абсолютно бездарно пользуется главным природным богатством?

Она вспомнила, что всю сессию Жанна сдала с горем пополам, на одни тройки, без малейшего просветления.

— А зачем мне стараться? — пожимала она плечами в ответ на упреки матери. — Если мои пятерки ничего не значат? Мне вообще там надоело. Можно я сменю вуз?

— На что? — ужаснулась Варя.

— На любой другой. Пока не знаю. Ну на тот, например, где надо меньше платить. Ты же сама говоришь, что я тебе дорого обхожусь.

— Ладно, — Варя прекрасно понимала, что разочарование университетом у Жанны началось тогда, когда она сама создала себе проблемы из-за долгов и прогулов. — Ищи варианты. Но у меня одно условие: перевод должен состояться без потери курса.

Сейчас, слушая Свету, Варя почувствовала себя такой же троечницей, как и ее дочь.

— Я еще раз подумаю, — сказала она. — Сегодня у меня дурное настроение...

— Бывает, — ответила Света и бодро встала.

Варю восхищала эта хрупкая женщина! Она хочет передать часть своего успеха сыну, а потому закачивает в себя энергию, как целая электростанция. Этому можно только позавидовать! И почему у Вари так не получается?!

Все следующие дни она думала о том, что можно считать успехом в жизни? Конечно, неплохо бы оставить след в истории, но это же не каждому дано... А ей, Варе, хочется дожить эту жизнь без больших катаклизмов...

Она так и не пришла ни к чему определенному, когда поздним вечером позвонила Люба.

— Забрала картину у Валентина, — доложила она. — Генке не понравилась. Сказал, чтобы этот портрет я задвинула куда подальше. Где, спрашивается, благодарность? И зачем я только деньги выбросила? Кстати, ты в курсе, что у Валентина розовый лишай?

— Он же говорил, что псориаз. — Вечно Люба все путает.

— Псориаз отменили! — было непонятно, почему Люба так радуется. — Валентин ездил к какому-то профессору, и тот сказал: поставьте свечку в церкви, что диагноз не подтвердился. Лишай через месяц пройдет, а вот псориаз — на всю оставшуюся жизнь! Только ему мыться теперь нельзя. Хотя раньше он по совету тех же врачей принимал ванны с морской солью. Слушай, — встрепнулась Люба, — а ты не в курсе: он заразный? Я так испугалась, когда Валентин мне показал свои болячки! Вдруг на картине микробы остались? В гараж, что ли, ее утащить?

— Не знаю. А Валентин ничего не говорил?

— Утверждает, что это на нервной почве. А ты отказалась ему помочь.

— Я ему укол сделала!

— А руки потом хорошо помыла?!

Варя вспомнить этого не могла. Возможно, она о гигиене и не подумала, поскольку уходила из мастерской в гневном состоянии и ни о чем разумном думать не могла.

— И зачем мы с ним вообще связались?! — вырвалось у нее.

— Вот именно! — назидательно сказала Люба. — Человек ничего собой не представляет! Я сразу поняла. Еще когда он нам свою мазню демонстрировал.

— Хотел мне стихи собственного сочинения почитать, — вспомнила Варя.

— Кошмар! — почему-то Любе это очень не понравилось. — Надеюсь, ты не согласилась? — она не давала возможности ответить. — А потом? Что он делал потом?

— Потом... Потом мы пошли смотреть Женькину квартиру...

— А зачем? Зачем? — Люба явно нервничала.

— Ну ему хотелось — для художественного развития...

— Варька! — Люба вела себя не совсем адекватно. — Ты от меня ничего не скрываешь?!

— Скрываю, — легко созналась Варя, а про себя подумала, что подлый Валентин наверняка намекнул Любе на свою сексуальную победу. — Даже не знаю, как сказать... Я просто не в себе была: когда мы зашли и я опять эту кровать увидела... Короче, мы с ним переспали...

— Так я и знала! — выдохнула Люба. Как только ты мне про стихи сказала... Он меня тоже этими стихами задурил... Как начал про любовь завывать, ну я и повелась, уши развесила... Это когда я ему Генкину фотографию принесла для портрета... Ну мы еще вина выпили, и настроение было такое — расслабленное...

— Ты хочешь сказать, что тоже?! — Подобный поворот событий не укладывался у Вари в голове.

Она знала Любу сто лет и не могла даже представить, чтобы та столь легко поддалась на какие-то там любовные стихи совершенно обычного, ничем не примечательного мужчины, пусть он хоть стократно художник и поэт!

— Тоже, — Люба сказала это так, словно облегчила душу. — Понимаешь, со мной что-то происходило последнее время... Какая-то опустошенность... Ничего не радовало... На Генку посмотрю и думаю: неужели остаток жизни так и проведем... Никаких открытий, все наперед знаешь, от всего тошно, еще с Инкой эта история... Я и в мыслях не держала, клянусь тебе! Но когда он под стихи начал ко мне подбираться, я подумала: а почему нет? Хоть будет что вспомнить! А то Генку даже сравнить не с кем!

— Сравнила? — глупо спросила растерянная Варя.

— В Генкину пользу! — твердо отчеканила Люба. — Я на него другими глазами посмотрела! Теперь, знаешь, мне сны кошмарные снятся. Будто Генка узнал и ушел от меня! Ночью просыпаюсь в холодном поту! А Валентин, слизняк этот, ничего толком и сделать не может! Он — импотент, точно тебе говорю! Видимо, с нашей помощью пытался возродиться... А мы, старые дуры, попались на его удочку! Я этот портрет и — забирать не хотела! Так он мне телефон оборвал! Пришлось пойти. Представь, он снова предлагал... Козел!

— И мне, — сказала Варя, — после укола...

— Тьфу! — сплюнула Люба.

Она еще долго ругала лишайного Валентина. А Варя думала о том, что надо же было им обоим столько лет сохранять верность своим мужьям, чтобы потом поскользнуться на одном и том же мужике, к тому же, по Любиному утверждению, импотенте. Хотя Варя почему-то этой важной подробности не заметила. Можно представить, в каком состоянии она все проделывала!

Положив трубку, она отправилась в ванную, стащила с себя всю одежду, сунула ее в стиральную машину и залезла под душ. Потом еще часа два наводила порядок в своей квартире, бегая по ней с мокрой тряпкой. Таким способом она хотела стереть все воспоминания о Валентине, синем покрывале и мнимом псориазе вкупе с розовым лишаем.

Глава двадцать пятая

Машка подготовилась к визиту бойфренда подруги со всей серьезностью. Она строила из себя строгую классную даму и даже вырядилась в белую блузку и черную юбку, о наличии которых в Машкином гардеробе Жанна даже не подозревала. Ее ждали и другие сюрпризы. Чинно усадив гостей на диван, Машка ни с того ни с сего сказала Диме:

— Наверное, ты в курсе, что мы с Жанкой занимаемся йогой? А ты как к буддизму относишься?

Жанна просто открыла рот: она впервые узнала о собственном увлечении. Когда-то они действительно хотели записаться в один клуб, который специализировался на йоге. Но Машкина мама отказалась спонсировать дочь и призвала ее тратить силы и средства исключительно на учебу.

— А что там хорошего? — проявил скептицизм Дима. — В этом вашем буддизме?

— Как? Ты не слышал? Сейчас все этим интересуются. Неужели тебя не волнует, каким ты будешь в следующей жизни? — Машка играла свою роль отменно.

— А тебя волнует?

— Очень! Вот почему нельзя совершать плохих поступков? Потому что за все надо расплачиваться! В следующей жизни человек будет несчастен, если он не вел себя достойно в этой. Вот скажи: у тебя много желаний? — наступала Машка.

— Конечно.

— А надо, чтобы их не было.

— Как это?

— Вот так. Ты их исполнить не можешь, а потому страдаешь.

— Да не страдаю я.

— Ты пока этого не понимаешь.

Дима, как ни странно, совсем не выглядел обескураженным, а, наоборот, смотрел на Машку с неподдельным интересом.

— Почему ты мне об этом никогда не рассказывала? — с каким-то даже осуждением спросил он Жанну. — Смотри, сколько знает твоя подруга.

— А я сама первый раз об этом слышу! — Жанну искусственность Машки и наивность Димы злили все больше.

— Ты ведь по гороскопу — Весы, — Машкин голос звучал как шипение гюры, — это очень уравновешенный знак. А сейчас я смотрю на тебя и вижу, что ты совсем неуравновешенная. — И, не дав Жанне даже ответить, она повернулась к Диме. — Я вот подумала и пришла к выводу, что ты во многом прав, — заворковала она. — Как, действительно, без всяких желаний жить? Вообще непонятно. Наверное, я что-то перепутала в этих восточных учениях. Один мамин знакомый недавно в Китае был, в монастыре Шаолинь. Ну и рассказывал о всяких чудесах, какие там монахи проделывают. Например, кладут на голову кирпичи и легким взмахом руки их разбивают. И все благодаря йоге. Это я точно помню. А вот теоретическая часть у меня как-то подвисла.

— Не в первый раз! — Жанна уже просто не могла сдерживаться. Дима внимал Машкиным бредням как откровениям свыше, а та совсем распоясалась и нагло игнорировала лучшую подругу!

— Что с тобой? — недоуменно посмотрел на Жанну Дима. — Какая муха тебя укусила?

— Зеленая! — Слова вылетали из Жанны как пули, главной целью которых было желание задеть этих двоих, показать Машке, что ее выделывания переходят все границы, они уже достали, надоели до чертиков и просто бесят! — Я тут, видимо, лишняя, — она постаралась сказать это спокойнее, но получилось плохо.

Ей никто не возразил, не бросился успокаивать, извиняться, и Жанне ничего не оставалось, как быть последовательной. Она поднялась, изобразив полное равнодушие, и направилась к выходу. Когда дверь захлопнулась, издав среди тишины звук короткого камнепада, Жанна немного постояла — во-первых, чтобы прийти в себя, а во-вторых, в надежде, что следом за ней ринется Дима, и они уйдут из Машкиной квартиры вместе. Но ничего подобного не произошло. Словно эти двое специально ждали, что Жанна оставит их наедине, перестанет мешаться, и вот теперь им наконец-то будет свободно, весело и хорошо.

Она пересекла зеленый Машкин двор, вышла на Ленинградский проспект и направилась в сторону Белорусского вокзала. У нее было чувство, что случилось что-то непоправимое, страшное и она никогда не сможет это забыть и пережить. Она двигалась как робот, с потоком людей зачем-то перешла на противоположную сторону, хотя ей туда было совсем не нужно, и опомнилась только у арки, через которую вела дорожка к магазину «Путь к себе». Жанна зашла туда, побродила по первому этажу, рассматривая экзотические товары, перебирая ароматические палочки... Как в тумане, вдруг вспомнила, что ее раздражение началось из-за Машкиных разговоров о восточных учениях, а здесь все было посвящено именно этому и лишний раз напоминало о том, что Дима остался с Машкой...

Жанна хотела еще подняться на второй этаж, посмотреть книжки, но передумала. Атмосфера магазина, в который она раньше любила заходить, теперь казалась фальшивой и неуютной.

Конечно, думала она, приближаясь к «Маяковской» и понемногу успокаиваясь, Дима не очень-то виноват. Он пришел в гости и обязан быть вежлив к хозяйке... Но неужели он настолько тормоз, что не понимает, как Машка над ним потешается?! Неужели не мог в ответ пошутить, проявить чувство юмора, забить интеллект?!

Ее внимание привлекло объявление на большом белом листе бумаги, которое висело на двери спортивного магазина. Она подошла поближе. Может быть, объявлена распродажа? Ей как раз нужны новые кроссовки. У старых протерлись задники, и их пора выбрасывать. Но сначала стоит для убедительности продемонстрировать негодную уже обувь маме, которая непременно заметит, что на Жанне все горит...

В объявлении говорилось, что в магазин набирают продавцов-консультантов. Предлагалось прямо здесь взять анкету, заполнить ее и пройти собеседование в офисе, который находится у метро «Арбатская».

Она сама заработает себе на новые кроссовки и ничего не будет у мамы просить! Жанна взяла анкету у девушки, которая скучала в магазине за компьютером, и поехала по указанному адресу.

Офис она нашла быстро, он находился в большом многоэтажном здании, с

охраной внутри. Ей показали, куда идти, но все равно пришлось поплутать по лабиринтам коридоров, прежде чем отыскался нужный кабинет.

— Кем собираешься работать? — спросила ее женщина, отвечающая за подбор кадров. — Для продавцов собеседование будет в пятницу. Приходи к десяти часам. И не опаздывай, иначе с тобой и разговаривать не будут. У нас с дисциплиной строго.

Жанна рассчитывала, что все решится сразу, с ней побеседуют, а с завтрашнего или на худой конец с послезавтрашнего дня она уже выйдет на работу, преподнесет маме приятный сюрприз. «Куда собралась?» — недовольно спросит мать. «На работу», — просто ответит Жанна.

Разочарованная тем, что сюрприз откладывался, она шла обратно и думала о том, какой невезучий день сегодня выдался. Коридор был абсолютно пустым, пока откуда-то не появился парень, сосредоточенно спешивший ей навстречу. Поравнявшись с Жанной, он спросил:

— Девушка, а где двадцать первый кабинет?

— Там, — показала Жанна. — Повернете направо, он будет с левой стороны...

— Спасибо! — бросил парень и быстрым шагом удалился в нужном направлении.

Не прошло и пары минут, как он ее догнал. Может быть, он занимался легкой атлетикой и специализировался в беге на короткие дистанции.

— Ты тоже на собеседование приходила? — Ему, видимо, было неудобно молча пройти мимо Жанны, и он, как вежливый человек, хотел обозначить, что помнит девушку, которая показала ему дорогу.

— Ага, — ответила Жанна. — Я хотела продавцом... Но для продавцов собеседование будет только в пятницу.

— Устроили цирк! — возмутился парень. — Больше делать нечего, как приезжать к ним сто раз! И что-то я не вижу толпы желающих. Ты как — еще приедешь?

— Не знаю. Других вариантов у меня пока нет.

Жанна остановилась, потому что они уже вышли на улицу, и нужно было заканчивать эту дежурную беседу, прощаться, расходиться в разные стороны. Парень, похоже, уже никуда не спешил, а переминался с ноги на ногу и смотрел на Жанну. Глаза у него были синие-синие, под цвет рубашки. Жанна никогда не встречала такого сочетания: брюнет с синими глазами. Но, возможно, он просто носил контактные линзы. Или солнце так высвечивало радужку...

— А я не хочу, — наконец продолжил он разговор. — Тем более меня в одно место уже берут. Сюда я приехал на всякий случай — для сравнения. Хочешь, тебя тоже устрою?

— Куда?

— Да тут недалеко. Супермаркет. Сетевой. «Седьмой континент». Наверняка ведь знаешь?

Жанна кивнула: конечно!

— Я там охранником буду.

— А ты спортсмен, что ли?

— Не без этого. Но вообще-то я студент. Виталий, — представился он.

— Жанна.

— Редкое имя.

— У тебя тоже.

— Так давай прямо сейчас сходим и все узнаем?

По пути к магазину выяснилось, что его возглавляет дядя Виталия, что заработки там небольшие, но Виталия устраивает охранная деятельность по ночам, что он копит на машину и ему осталось собрать совсем немного.

Дяди на месте не оказалось, он уехал на целый день по делам. Жанна с Виталием покрутились в магазине, посмотрели на персонал — в основном, естественно, женский — и решили вернуться к метро, пройдя через Старый Арбат.

Здесь шла обычная арбатская жизнь. Откуда-то звучала этномузыка, мелькали раскрашенные бока матрешек, лица знакомых киноактеров смотрели с рисунков уличных художников, у Вахтанговского театра, как обычно, собралась толпа, в центре которой шло какое-то представление... Летние кафе были заполнены народом. В одном из них от стола к столу ходила маленькая девочка лет десяти со скрипкой в руках. Она была одета в черные блестящие юбку и кофту, как какая-нибудь солистка консерватории. А гладко причесанные волосы переливались при каждом повороте головы, и Жанна сразу определила, что они покрыты специальным лаком.

Девочка подошла к столику, где ели мороженое две старушки — явно туристки заморского происхождения, и спросила по-русски:

— Вам сыграть что-нибудь? — она показала скрипку и постучала по ней смычком.

Старушки, поняв, закивали, обратившись во внимание. Девочка положила инструмент на плечо, закрыла глаза, подняла смычок... Жанна узнала мелодию из «Розовой пантеры» и попросила Виталия:

— Давай послушаем?

Соседний столик как раз освободился. Они тихонько прошли к нему и сели — лицом к девочке.

Она играла очень старательно. Ее детское личико отражало каждый звук скрипки — то хмурилось, то улыбалось, то вытягивалось в некотором недоумении... Когда девочка закончила, на глаза чувствительных старушек навернулись слезы. Одна из них достала десять рублей.

— Сыграть вам еще что-нибудь? — забрав деньги, спросила девочка.

Но старушки — с просветленными взглядами от соприкосновения с искусством — уже уходили, выражая свои чувства воздушными поцелуями.

— Подойди сюда! — позвали девочку от одного из столиков, где обосновалась мужская компания. — Возьми! — Один из мужчин протянул юной скрипачке пятьдесят рублей.

— Вам что-нибудь сыграть? — повторила она свою дежурную фразу.

— Не надо, — отмахнулся мужчина.

— Я просто так деньги не беру, — насупилась девочка.

— Это тебе за прошлую песню, — объяснил щедрый посетитель кафе маленькой глупышке.

— Мне за нее уже заплатили.

— Ладно, — согласился мужчина, — сыграй что-нибудь.

Девочка подняла скрипку и очень серьезно исполнила «Мурку».

— Надо же! — восхитилась Жанна. — Такая маленькая, а уже и деньги зарабатывает, и с принципами!

— Меня тоже в детстве мучили игрой на скрипке, — сказал Виталий. — Зря

не учился. Наверное, у этой крошки заработок больше, чем у меня. Но скажу как полупрофессионал: она — молодец, чувствует музыку...

Последние слова Виталий произнес протяжно, словно в такт медленной и томительной мелодии, которую девочка сейчас играла. Наверное, детские занятия скрипкой не прошли даром, и он действительно разобрался в музыке. Жанне же просто понравилась эта симпатичная девочка. Она подумала, что скорее всего ее родители тоже имели отношение к Арбату — не в маленькой же блестящей головке родилась мысль об этих выступлениях!

Кто-то вообще «выезжает» в этой жизни за счет собственных родителей. Жанна тут же вспомнила Вику. На последний экзамен та прикатила в университет на новенькой серебристой «тойоте», которую получила в подарок ко дню рождения, и с таким чувством превосходства смотрела на «безлошадных» однокурсниц, что это трудно передать словами!

— Вот ты на машину копишь, — сказала Жанна. — А родители тебе не могут помочь?

— Года два назад, — медленно заговорил Виталий, — я взял отцовскую машину и поехал с друзьями кататься. Ну мы что-то отмечали, прилично выпили... Кончилось все тем, что врезались в столб. Чудо, что остались живы, отделались легкими царапинами... А машина — вдребезги. С тех пор мои родители лишили меня и доступа к автомобилю, и серьезных финансовых вливаний... Я вступил на путь исправления... С тех пор, например, совсем не пью...

— А сколько тебе лет?

— Двадцать один. А тебе?

— Восемнадцать. А на каком ты курсе?

— Перешел на шестой.

— Шестой?!

— Будет еще и седьмой.

— Что же за специальность у тебя?!

— Ракетно-космическая техника. Я в Бауманке учусь.

— Ну ничего себе!

Какую голову надо иметь, подумала Жанна, чтобы учиться в таком трудном вузе! Да еще столько лет! А ведь Виталий совсем не похож на «ботаника».

— Давай свои телефоны, — сказал он. — Я с дядькой договорюсь, и ты подойдешь. И запиши мои координаты.

...Дома Жанна сделала себе салат из огурцов, помидоров, вареных яиц и села перед телевизором. Из музыкальных клипов, сменяющих друг друга по MTV, через поп-исполнителей рвалась с экрана красивая, гламурная жизнь... Где-то там, не соприкасаясь с Жанной, народ беззаботно радуется, веселится, а если и грустит, то не по-настоящему, играючи, точно зная, что это временно, ненадолго... Телевизионная картинка вдруг смазалась, осталась фоном, на котором Жанна, уже доедая салат, увидела свое ближайшее будущее. Каждое утро ни свет ни заря несется она в супермаркет, куда устроилась на работу благодаря Виталию, целый день взвешивает колбасу и сыр, улыбаясь покупателям так, что сводит скулы. Потом, валясь от усталости, не чувствуя ног, доползает до дома, где ее никто не ждет, потому что мама с папой занимаются собой. Не раздеваясь, она засыпает перед телевизором, и ей снятся толпы голодных людей, требующих все новой и новой еды. Они обступают Жанну и готовы задушить...

И никаких свиданий, никакой романтики, никаких прогулок!

«Ну и что? — подумала она в самый последний момент, когда уже собиралась зареветь от жалости к себе. — И у меня все это будет временно. Я же не собираюсь взвешивать колбасу в супермаркете до скончания своих дней! И потом — рядом будет Виталий, знакомый человек, к которому можно обратиться в случае чего...»

Она помыла посуду, поменяла старую скатерть на столе на свою любимую — веселую, с желто-зелеными цветочками и вытерла пыль с маленького кухонного телевизора.

Когда Варя пришла домой, ее дочь с деловым видом сидела у компьютера.

— Мам, — не поднимая головы, сказала Жанна, — вот ты у меня все знаешь... Что это значит: «Специально подготовьтесь к обсуждению вопроса об оплате труда»?

— А ты чем занимаешься? — Варя сунулась к монитору, пытаясь прочесть текст на экране.

— Файл нашла для тех, кто работу ищет. Ну и тут советы всякие дают... Как вести себя на собеседовании...

— Ты решила бросить университет?! — испугалась Варя.

— Да нет же! — Вечно мать делает какие-то свои выводы, исходя из собственных малопонятных Жанне умозаключений. — Так просто смотрю... На будущее... Так ты мне не ответила.

— А там разве не объясняется? — Варю ответ дочери не успокоил.

— Почему-то нет, — Жанна погоняла мышку. — Зато дальше сказано: «Избегайте на первом этапе задавать вопросы об оплате труда».

— Это правильно, — рассудила Варя. — Если человек еще себя не зарекомендовал, то вряд ли ему стоит об этом распространяться. Лучше мне вот что скажи: ты будешь менять университет или нет? Помнится, заикнулась, а теперь молчишь... Лето быстро пройдет. А ты, по-моему, ничего не предпринимаешь, — она с подозрением посмотрела на дочь.

— Да, мам, я уже забыла об этом. — Жанна закрыла сайт. — Это была так — минутная слабость. Теперь прошло.

— А-а-а, — сказала Варя, — ну тогда ладно...

Она прошла на кухню и обнаружила там идеальный порядок.

Глава двадцать шестая

Неделя подходила к концу. Сергей не мог дождаться, когда сядет в самолет и улетит наконец домой. Его доконали жара и эта девица, севшая ему на хвост. И дернуло же его зайти именно в то турагентство, а не в какое-нибудь другое?!

Оно просто попало по пути. Со скромной вывеской, без притязаний на роскошь... Женщина-оператор, подбирая ему приличный египетский отель, активно распространяла вокруг себя запах французских духов «Шанс».

— Что же вы один путешествуете? — мимоходом, не отрываясь от просмотра туристических файлов, спросила она.

— Так получилось...

Сергею ее любопытство не понравилось: с чего это работники турагентств лезут в личную жизнь своих клиентов? Он даже хотел поставить операторшу на место, но быстро себя остановил: было бы у него другое настроение — он бы и внимания не обратил на подобный вопрос. Ему точно нужно сменить обстановку, а то уже готов бросаться на людей из-за любого пустяка. К тому же Сергей чувствовал себя усталым, он сидел тут почти два часа, и ему хотелось поскорей все закончить, получить наконец путевку, и какая разница, какой будет отель...

Операторша вдруг перешла на доверительный тон и, наклонившись к Сергею, зашептала:

— У нас есть такая услуга — сопровождение. Как раз для таких импозантных, серьезных мужчин. Ну зачем вам скучать в одиночестве? Стоит это сущие копейки... Зато сколько приятных моментов!

Она скосила глаза на соседний стол и подмигнула, приглашая Сергея взглянуть: там сидели мужчина лет пятидесяти и совсем молоденькая девчонка, они интересовались Турцией...

— Видите, — шепотом сказала операторша, — это наш постоянный клиент, каждый раз приходит с новой подругой... А, между прочим, женат... Да я вам сейчас покажу предложения, девочки роскошные, сами и выберете...

Сергей лениво посмотрел на фотографии. Операторша была права — красавицы оказались на любой вкус и цвет. В конце концов, мужчина может позволить себе небольшое приключение. Даже при нормальных отношениях в семье. А тем более сейчас, когда Варя, судя по всему, пустилась во все тяжкие и забыла, что они еще не разведены... Значит, и ему не обязательно сдерживать свои порывы. Если его жена игнорирует попытки примирения, то Сергей тоже не будет скучать в одиночестве. Он ткнул пальцем в блондинку, похожую на Мишель Пфайфер:

— Эта свободна?

— Сейчас узнаю, — зашустрила операторша, схватившись одновременно за записную книжку и телефон.

Сначала все шло неплохо. В аэропорт сопровождение явилось в виде девицы в сильно открытом коротком белом платье, на высоких каблуках. Оригинал был не хуже фотографии и, правда, сильно походил на красотку Мишель Пфайфер в ее молодые годы. Это вызвало в Сергее приятное возбуждение, и он сразу повеселел, подумав о том, что правильно поступил, отправившись в

Египет в столь обворожительной компании.

Девицу звали Галя. В самолете она рассказала, что ей двадцать семь лет и она работала барменшей на Таганке. Но совсем недавно ее сократили, и Галя никак не может прийти в себя — это была полная для нее неожиданность, ведь свой бар она воспринимала как родной дом и даже представить себя не может в другом месте. Такой стресс надо было пережить, и Галя подумала: раз выдалось свободное время, то почему бы не махнуть куда-нибудь в теплые края? Таким способом — отдыхом за чужой счет — она пользуется впервые. И ей немного неловко. Но она — слегка авантюристка, любит экстрим, так что часто попадает в необычные ситуации.

— Я буду представляться твоей женой, — лукаво добавила Галя, — чтобы не возникало лишних вопросов.

Она была навеселе — для храбрости, как пояснила Галя, — а потому много говорила. Что-то про папу — известного ученого, который умер, а надо было поднимать на ноги сестру и брата, так что про высшее образование пришлось забыть. Про маму, которой надо помогать... Глаза ее туманились слезами, голос срывался. Галя рассчитывала на сочувствие.

— Я так разволновалась от воспоминаний, — сказала она, — что страшно захотелось выпить.

Сергей достал виски, которое купил в «дьюти фри», и попросил стаканчики у стюардессы. Инициативу по их наполнению Галя взяла в свои руки, и бутылка быстро и верно опустошилась.

В какой-то момент ее рука бесцеремонно полезла Сергею в брюки. Хмель и ему ударил в голову, но он все-таки огляделся по сторонам — большинство пассажиров спали, никто на них не обращал внимания.

— Давай выйдем, — предложил Сергей.

— Куда? В небо? — захихикала Галя, не убирая руку.

— В туалет, — Сергей поднялся, заставляя встать и ее.

Пока они дошли до конца салона, Галю пришлось пару раз ловить на ходу, чтобы она не упала. Сергей никак не ожидал, что его сопровождение так развезет. Он уже пожалел, что заставил ее шевелиться. Но падающая Галя о цели прогулки не забыла. Как только Сергей закрыл дверь, она молча сползла на грязный пол и занялась минетом.

Обратный путь они преодолели с теми же трудностями.

— Спи, — сказал Сергей и даже опустил для нее кресло.

Но Галю приключение в туалете сильно возбудило: она требовала еще виски, взвизгивала, рвалась в драку и только перед самой посадкой наконец угомонилась и задремала.

В аэропорту Шарм-эль-Шейха, набитом людьми, Сергей оставил Галю в сторонке — ждать, пока сам отстоит очередь к окошку, где продавались марки для паспорта — местная виза. Каким-то чудом они прошли контроль, получили небольшой багаж и выбрались на улицу. Полусонная и размякшая Галя повисла на Сергее, ему пришлось тащить и ее и сумки к автобусу, а потом чуть ли не пинками будить, чтобы выйти, когда их довезли до отеля. В глазах окружающих читались осуждение и сочувствие. Сергей сторал от стыда. Он не бросил Галю на произвол судьбы только потому, что все видели — они прилетели вместе.

Больше никаких чувств, кроме отвращения, Сергей к ней не испытывал.

Более того, он даже заочно разочаровался в Мишель Пфайфер, подозревая, что и у нее наверняка есть тайные пороки.

— Делай что хочешь, — сказал он Гале на следующий день, дал ей денег и договорился с портье о ее переезде в одноместный номер.

Рано утром Сергей уходил на море, плавал, сидел под тентом, умирая от тоски. Люди на пляже знакомились, собирались в компании, но его раздражало любое общение. Он записался на дайвинг, но после долгого плавания под водой у него заложило уши, они ныли по ночам, не давали спать, и Сергей ругал себя последними словами: взрослый человек, а с насморком полез любоваться кораллами.

Галя пыталась возобновить контакты: подходила на пляже, таща с собой пиво, стучала по вечерам в его номер, жаловалась на дороговизну в барах и ресторанах их пятизвездочного отеля. И тогда Сергей уехал на экскурсию в Каир — посмотреть пирамиды, чтобы сбежать от этой пьяной идиотки, которая опустошала его кошелек. Но ничего, кроме ощущения дикой жары и усталости, он из этой экскурсии не вынес. Его преследовали воспоминания от груд мусора, какие он видел в египетской столице, и был поражен, потому что ничего подобного нигде не встречал. Эти мусорные свалки стали немым свидетельством того, что и его жизнь превращается в помойку.

Впрочем, ему вообще ничего не нравилось. Он даже не ожидал, что отдых может превратиться в некое испытание. Улетая с обольстительным сопровождением, Сергей рассчитывал на нечто романтическое, а в итоге хотелось только плевать.

Настроение не улучшали ни теплое, чистое море, ни весьма приличный отель. По вечерам отдыхающие ездили в городок-спутник, который находился поблизости и в котором располагались увеселительные заведения, рестораны, магазины, сувенирные лавочки. Сергей подолгу сидел там в одной из многочисленных кофеен, выпивал по несколько чашек крепкого, черного, как египетская ночь, кофе, выкуривал чуть ли не по пачке сигарет. Однажды забрел в казино, куда местное население не пускали, только туристов по предъявлении паспорта, выиграл в рулетку двадцать долларов и больше судьбу не испытывал. Потом у него не возникало желания посетить данное заведение снова. Во-первых, за игровым столом здесь не подавали бесплатных напитков, во-вторых, взяв у казино такси, ему пришлось заплатить в десять раз дороже, чем обычно. Поначалу Сергей и не собирался этого делать, но водитель долго бежал за ним, совал под нос прејскуранты, грозил полицейским и так надоел, что пришлось отдать ему требуемую сумму.

Выступать в роли «лоха» Сергею не понравилось.

«Сопровождение» постепенно переключило свое внимание на других обитателей отеля. По вечерам Галя не вылезала из бара, заказывая коктейль «Кровавая Мэри» и вступая в беседы с обслуживающим персоналом, которые прерывала, как только на горизонте появлялся одинокий постоялец средних лет. Свои чары она проверяла и на пляже. Галя высматривала объект, проплывала мимо соблазнительной походкой манекенщицы, поигрывая мобильником, возвращалась, уловив взгляд, обращенный на нее, «ненароком» встречалась глазами, мило улыбалась, заводила пустячный разговор о температуре воды... С ней охотно общались. Но, в силу замутненного алкоголем сознания, Галя сразу не понимала, что почти все эти мужчины были с привезенными из Рос-

сии женами или, возможно, подругами, которые в данный момент случайно отсутствовали, но в самый разгар непринужденной беседы вдруг вырастали как из-под земли, все портили, и ее усилия оказывались напрасными.

И все-таки Гале улыбнулась удача. Вернувшись из Каира, Сергей увидел, как в пляжном кафе она обедала вместе с пожилым, рыхлым типом. Перед обоими стояли поллитровые кружки пива и большие блюда с жареной курицей. Галя не сводила глаз со своего спутника, а тот что-то одухотворенно вещал. Со стороны их можно было принять за отца с дочерью. Сергею было абсолютно все равно, он только подумал, что еще год-два такой жизни и Галей перестанут интересоваться даже очень глубокие пенсионеры.

Он решил взглянуть на выступление факиров, которые приехали то ли из Марокко, то ли из Туниса и зазывали на свое представление всех отдыхающих. Надо было как-то убивать время.

Вид у факиров был экзотический и даже немного устрашающий. Черные косынки, повязанные на их головах, навевали мысль о терроризме, горящие глаза — о неком фанатизме. Сергей подумал, что его буквально все вокруг настораживает и кажется враждебным, даже безобидные иллюзионисты, потому что он не может найти покоя ни в собственной душе, ни в окружающем его мире.

Почти все столики в баре, где должно было состояться выступление, оказались заняты, и Сергей с трудом нашел свободное место. Подошедшему официанту он заказал кофе, поднял глаза и только тогда увидел, что рядом сидит Галя.

К счастью, уже тушили свет, факиры стали зажигать свои факелы, которые отнюдь не сразу поддались, огонь гас через секунду, фитили не разгорались, а оттого эффект волшебства начинал улетучиваться.

Все трюки выполнял один человек, а остальные служили ассистентами. Был принесен мешок, оттуда высыпали на пол разбитое стекло. Для особого эффекта ассистент на глазах у зрителей разбил бутылку из-под кока-колы, бросив осколки в общую кучу. Факир лег на нее голой спиной, а на грудь ему поставили девушку из зрителей. Спину потом продемонстрировали: крови и порезов не наблюдалось. Это вызвало аплодисменты.

Сергей подумал, что мешок мог быть наполнен осколками со специально затупленными гранями. Его подозрение укрепилось, когда стекло тут же поспешили убрать.

Потом в ход пошли мечи. Факир полежал на их остриях. И еще постоял голыми ногами на доске, в которую были часто вбиты толстые штыри. В перерывах две девушки восточной наружности исполнили «танец живота». На этом действие завершилось, факиры потушили факелы.

И Галя тут же заметила Сергея.

— Сейчас будет дискотека, — сказала она как ни в чем не бывало. — Или что-то типа того. Танцы. Ты останешься?

— Не знаю, — ответил Сергей. — А где твой респектабельный господин?

— Ах, этот, — Галя закатила глаза. — Такой зануда... После купания он снимает свои плавки и полоскает их в море. Представляешь? Вообще-то я люблю мужчин в возрасте. Но когда мы пришли к нему в номер, как-то он себя слабо проявил. Умный, конечно, но все говорит, говорит, а я мало что понимаю. Он — политолог, на политике повернут. Но я так и не поняла, за кого он: за

коммунистов или демократов. Сейчас отдыхает. Очень устал. Кстати, он — вдовец.

— Поздравляю.

— А тебя я совсем не интересую? — обиженно спросила Галя.

Как ни странно, сейчас она была более-менее в нормальном состоянии. И при вечернем освещении выглядела роскошно.

— Я не люблю женщин, которые столько пьют, — сказал Сергей. — Тебе лечиться надо.

— Что ты хочешь? — даже не обиделась Галя. — У меня и папа и мама — алкоголики.

— Ты же говорила, что отец — известный ученый, безвременно погибший на трудовом посту.

— Разве? — поразились Галя. — Для чего ты это придумал? Знаешь что, пока мой политолог спит, пойдём к тебе в номер. Мне же надо твои деньги отработать. Только пару коктейлей мне возьми. Правда, они тут совершенно не умеют делать «Кровавую Мэри». Я тебе сейчас расскажу мой любимый рецепт...

— Не надо, — остановил Галю Сергей. — Проведай лучше политолога. Вдруг проснулся? Ты выяснила его материальное положение?

— Хвастается, что много за границей работал, лекции читал. Квартира, машина — все при нем. Ну а деньги я сразу не требовала. Неловко. Может, я за него замуж выйду, вот тогда и развернусь. Мне замуж надо, пора о стабильности подумать. Не в барменши же снова идти. А тут вдовец...

— Ну тогда удачи!

Начинались танцы. Любителей осталось буквально с десятков. Среди них заводилами выступали девчонки-аниматоры из отеля. Они утащили Галю в свой круг. Две пары из отдыхающих выделяли замысловатые па. Сергей видел их на пляже. По разговорам, которые они вели, он понял, что одна пара приехала из Сибири, а другая — из Москвы. Обе они мало напоминали семейных людей. В их поведении было слишком много самолюбования, они чересчур открыто демонстрировали свою преувеличенную нежность друг к другу. Им требовалось все время быть на людях, вызывать интерес и зависть. Женщины без конца меняли наряды, в том числе купальники, мужчины активно отзывались на любые предложения аниматоров.

Сергею такое поведение казалось неестественным. Он плохо себе представлял, чтобы они с Варей без конца целовались друг с другом, ходили в обнимку. И в любые поездки Варя никогда не брала с собой больше двух купальников. Даже на длительный срок. Она вообще старалась обходиться минимумом вещей в отпуске и не любила большого количества сумок.

Чем она занимается там, в Москве? Уже подыскала замену Сергею?

А ведь ей не трудно это сделать. Даже у него на работе, когда они вместе с Варей пришли на один банкет, сослуживцы делали ему комплименты. Мол, жена у тебя обаятельная, где таких находят, подскази место... Она была тогда в сногшибательном платье — знакомая портниха сшила за огромные деньги. Оно делало ее красавицей, и Сергей даже запомнил подробности — глубокий разрез на боку, из которого выглядывала стройная Варина нога, а главное — ее оголенная, ровная, загорелая спина, которую так и хотелось потрогать, погладить, прижаться...

Она была в ударе: выиграла «интеллектуальный» конкурс, а потом еще сплясала «Цыганочку». Варю наперебой приглашали танцевать, хотя на банкете было полно молодых симпатичных девчонок. Как же Сергей гордился женой! Он даже считал, что его статус на работе значительно повысился, когда все увидели, с какой женщиной он живет.

Пока не наступила эта черная полоса.

Свою машину перед отлетом Сергей оставил на стоянке аэропорта Домодедово. Не бросать же ее во дворе отцовского дома, где никто не будет за ней следить! А ключи от гаража он оставил в своей квартире, забыл забрать, и в тот момент ему не хотелось обращаться к Варе, выслушивать ее претензии, он был сыт ими по горло...

Дорога в аэропорт была нервной. Впереди рискованно перестраивался сначала водитель «БМВ», подрезая всех подряд, потом вылез такой же смельчак на «ауди»... Такая езда и сама Московская кольцевая автодорога напоминали Сергею фондовую биржу. Первая полоса, скажем, — «Лукойл», вторая — «Юкос», третья — «Автоваз», четвертая — РАО ЕС. Можно делать ставку на первое, второе, третье или четвертое, то есть все время перестраиваться, пытаться увеличить скорость и заработать больше. Можно ехать по одной полосе, спокойно дожидаться, когда твои акции вырастут вместе с рынком. А результат будет тот же. Вот и тогда через какое-то время Сергей нагнал «БМВ», который создавал аварийные ситуации, рискуя разбить не только свою машину, но заодно и чужие, наверняка нервничал, но ничего не достиг.

Точно так же человек действует в семейной жизни. Он так хочет везде успеть, получить все удовольствия, не обращая внимания на тех, кто неторопливо едет рядом. А на финишной прямой вдруг понимает, что его все обогнали. И не хочется больше никакой гонки.

Здесь, в Египте, было полно девчонок — загорелых, стройных, веселых. Сергей поймал себя на том, что даже они его не вдохновляют. Он подумал, что если бы сейчас начал принимать виагру, то это вряд ли помогло бы. Его дико тянуло домой, в тот мир, к которому он привык, к жене и дочери, к семейному уюту, к постоянству. Сергея внезапно пронзила мысль, что жизнь может просто закончиться на его разводе.

У уличного торговца он купил камень, приносящий удачу. Сдачи у продавца не оказалось, и он стал совать Сергею подобные сувениры «для мадам и детей». Тот покорно выбрал еще два камня: поменьше — для Вари, а совсем крошечный — для Жанны. Получился целый ансамбль, такая маленькая симпатичная компания. В отеле Сергей выложил их на стол рядышком и загадал: если есть какая-то сила в этих камнях, то все у них троих будет хорошо. Потом он вспомнил, что не купил никаких экзотических подарков. Завтра надо пробежаться по лавкам, набрать папирусов, красного чая... Может, купить кальян? Просто для дизайна. Эти заботы отвлекли его, приободрили. Кто знает этот Египет? Может быть, в его камнях, как и в пирамидах, кроются тайны, загадки, неведомые возможности?

Боль в ушах к концу отдыха прошла, и Сергею захотелось наплаваться всласть, налюбоваться кораллами, рыбами, которые вились стаями около каждого аквалангиста. Завтра — последний перед отъездом день, а как много надо успеть!

Он лег спать. И впервые за неделю уснул крепко, без сновидений, как здо-

ровый и уверенный в себе человек.

Глава двадцать седьмая

Люба сама вызвалась найти помещение для свадебного банкета, а теперь жалела об этом. Она уже объехала несколько ресторанов и кафе, но никак не могла на чем-то остановиться. Все удобные и дешевые помещения были заняты на два месяца вперед, а в других что-то не устраивало — то цены, то требование закончить праздник чуть ли не в десять вечера, то запрет на курение... Генка предлагал провести свадьбу в открытом загородном кафе, на природе, но ведь погода могла в любой момент испортиться, что делать тогда? К тому же вдали от общественного транспорта надо было решать вопрос с такси, чтобы развести всех гостей, а это еще одна головная боль.

Люба случайно забрела в гостиницу «Восход», без всякой надежды на успех, но совершенно неожиданно обнаружила в этом огромном комплексе небольшое уютное кафе, с автономным входом, с караоке, с чудной нишей, декорированной под звездное небо, где могли разместиться музыканты.

— Столы поставим буквой «п», — показала женщина-администратор. — В середине можно танцевать.

Они составили меню, куда входили три вида заливных, свежие овощи, мясное и рыбное ассорти, штук десять салатов, и прочая, и прочая... С собой разрешалось принести часть спиртного, фрукты... Люба осталась всем довольна и внесла задаток.

Вечером она рассказала о своей удаче мужу и предложила:

— Давай вместе посмотрим?

— Я тебе доверяю, — лениво потянулся Геннадий.

Его уже несколько утомила эта суета. Тем более когда она шла уже по второму кругу. Он помнил свой энтузиазм в тот, первый раз, когда сам взялся найти банкетный зал, придирчиво изучал меню, просмотрел все — от посуды до салфеток. И что? В глубине души Геннадий страшно боялся повторения ситуации с женихом номер один, который вдруг откуда-то объявился и бомбит Инку эсэмэс-сообщениями, то оскорбляя бывшую подругу и ее нового избранника, то признаваясь в любви, то обещая райскую жизнь во Франции. Все это травмировало девочку, а в ее положении всякие волнения не идут на пользу. Гена порывался навестить Вову и набить ему морду во второй раз. Пусть оставит Инку в покое! Но Люба обещала все уладить сама и через пару дней доложила, что Вову лишили доступа к телефонам и буквально завтра он уже улетает во Францию начинать новую жизнь. Она сообщила об этом даже с какой-то жалостью к этому злосчастному наркоману: мол, он сильно переживает из-за Инки...

Надо же быть такой наивной! Да Геннадий не верил ни одному Вовиному слову! Он знал мужчин. Все они вешали бабам лапшу на уши, пользуясь их доверчивостью. Чтобы завлечь женщину, надо рассказать ей, как ты несчастлив, какая у тебя плохая жена, хотя ты столько для нее сделал, и объяснить новой пассии, что только она соответствует его идеалу. Вот и Веня — будущий зять — именно из-за этих разговоров вызывал поначалу у Геннадия неприязнь. Ведь все эти слова нужны только для того, чтобы перепихнуться с симпатичной бабенкой, если захочется разнообразия. Но слабый пол безоговорочно верит любой бессовестной лжи.

Гена знает это по собственному опыту. Он тоже не был ангелом, и несколь-

ко раз такое в его жизни случилось. Какое счастье, что Любаша об этом даже не догадывалась! Задача любого мужчины — не делать больно близким. Гена это сумел. А другие, как тот же Серега, просто наглеют. Все когда-либо изменяют своим женам. Гена в этом даже не сомневался. Мало ли, какие порой случаются коллизии! Иногда и женщины бывают столь настойчивы, что невозможно отказаться. Да и мужская природа свое берет. Но одни мужики попадают, а другие — нет. И Геннадий гордо подумал о том, что он оказался в числе вторых.

В последнее время у него все меньше возникало желания «воспользоваться ситуацией». Как ни странно, но отношения с женой, несмотря на проблемы с выросшей дочерью, только улучшились, они двое словно вернулись в молодость и начали жить друг для друга, и Гене совсем не хотелось, чтобы эта близость вдруг исчезла из-за какой-нибудь его минутной слабости.

Надо же, он будет дедом! Только бы Инка родила мальчика! Хватит засилья баб в семье. Инка сказала, что у нее еще слишком маленький срок, чтобы определить пол, придется пару месяцев подождать. Все идет своим чередом, и Венька вроде оказался парнем серьезным, не в пример этому мерзкому Вове, хотя кто знает, что у него внутри...

Гена открыл шкаф, где у него хранились видеокассеты, и отыскал старую хитовую комедию со Стивом Мартином «Отец невесты», которую смотрел не один раз. Но ведь тогда он был совсем в другом семейном статусе... Любаша убежала на встречу с тамадой, так что можно спокойно и обстоятельно изучить, что чувствуют другие отцы, когда их дочери собираются замуж. И Гена устроился перед телевизором, прихватив из холодильника бутылку пива.

...В тамады Люба пригласила свою коллегу-учительницу, набившую руку на проведении свадеб как никто другой из ее знакомых. Она и попросила показать выбранное кафе, потому что всегда заранее смотрела помещение, в котором предстояло работать.

Администратора на месте не было, но официантки Любу узнали и разрешили все посмотреть.

— Мне кажется, — сказала опытная тамада, проверяя розетку, в которую она собиралась воткнуть микрофон, — что помещение маловато... Сколько, ты говорила, у вас гостей? Сорок пять?

— В прошлую субботу мы обслуживали свадьбу на сорок два человека, — вмещалась сопровождающая их официантка, — так двое не смогли поместиться за общим столом и сидели в баре.

— Как? — оторопела Люба. — Администратор сказала, что все отлично, а танцевать можно в проходе, где остается много места.

— Какие танцы?! — официантка всплеснула руками. — Мы и то только боком сможем протиснуться, чтобы подать блюда! Вот так! — И она на собственном примере продемонстрировала, с какими неимоверными усилиями будет обслуживать предстоящий банкет. — Кстати, — добавила официантка для полноты картины, — а вы знаете, что у нас низко висят лампы и если ваши гости хотя бы одну заденут и разобьют, то вам придется платить за все восемь, потому что таких больше не выпускают и нам придется менять все... А за посуду вы должны оставить залог. Вдруг ваши гости что-нибудь украдут или испортят... Когда столько народу — всего можно ждать. А наш зал рассчитан на тридцать человек.

Пока совершенно растерянная Люба беспомощно смотрела на тамаду и соображала, что делать, подошла администратор.

— Что же вы меня не предупредили, что на сорок пять человек ваше кафе не рассчитано?! — набросилась Люба на администратора.

— Кто вам такое сказал? — невозмутимо подняла брови та.

— Ваши девочки! Спасибо им! Как вы себе это представляете?! Собираются гости и сиднем сидят весь вечер, не в силах пошевелиться?! Как сельди в бочке?!

— Ни, одного конкурса толком не провести, — добавила тамада, озабоченно рассматривая караоке.

Администраторша так взглянула на официанток, что стало понятно: ничего хорошего их болтливость им не принесет.

— Все поместятся, — сказала она.

— Как?! — не выдержала тамада. — Я провела сто свадеб и скажу: нас ваше помещение не устраивает, мы будем искать другое! А вы обязаны были предупредить неопытного человека насчет ваших малых размеров!

— Свои глаза должны быть! — оцетинилась администраторша. — Причем на нужном месте, а не там, где задница!

— Без намеков! — ринулась в бой Люба. — Это у вас дефекты с головой, а у нас все нормально! Лишь бы деньги с клиента содрать, а там хоть трава не расти! Верните нам наш задаток!

Когда с криками и взаимными упреками расчет был произведен, Люба с тамадой выкатились на улицу.

— И что теперь делать?! — заломила руки Люба. — До свадьбы — считанные дни! А если я больше ничего не найду?! Куда мне гостей девать?!

— Остынь, — успокаивала ее тамада. — Все образуется. В Москве этого добра — всяких кафе — на каждом шагу! Ну не ринется же вся столица в один день жениться! Давай лучше сценарий обсудим, мне надо у тебя кое-что узнать о женихе.

Они расположились в какой-то забегаловке напротив гостиницы, служащей пристанищем для любителей пропустить по-быстрому некоторое количество алкоголя. Но кофе здесь тоже подавали, хотя своим вкусом он мало напоминал благородный напиток.

Тамада положила перед собой лист бумаги и ручку, оглядела жалкое помещение со следами полного распада и сказала:

— А ты знаешь, я, пожалуй, уйду из школы. Надоело мне копейки получать. Как тамада я зарабатываю значительно больше. По крайней мере, жить можно. После каждой свадьбы или банкета столько народу звонит — со всех сторон приглашают! И приходится часто отказывать из-за этой сволочной работы! Мне надо дочери на квартиру заработать, самой ей до пенсии не накопить. А жить вместе становится невыносимо. Ругаемся по пустякам каждый день. Тебе вот повезло — замуж отдаешь. А моя вообще не собирается. Она решила второе образование получать. Вот зачем оно ей? — Тамада завистливо вздохнула и перешла к делу, подвинув поближе бумагу: — Говори, как фамилия жениха, какой у него знак по гороскопу, как родителей зовут...

Она все старательно записала и перешла к следующему пункту.

— Подвязку жених будет с невесты снимать?

— А что это значит? — недоуменно спросила Люба.

— Ну ты даешь! Новая фишка. Невеста бросает букет подружкам, а жених подвязку — друзьям. Но сначала он должен ее зубами снять с ноги невесты.

— Только без пошлостей! — запротестовала Люба.

— Значит, без подвязки обойдемся. Хотя некоторые, между прочим, настаивают... А деньги собирать будем?

— Ни в коем случае! Я тебя прошу... Терпеть этого не могу! Люди придут, потратятся, а потом из них снова деньги выколачивают! Чувствуешь себя каким-то вымогателем!

— Но это же свадьба! — тамада покусала в раздумьях кончик ручки. — Положено. Традиция.

— Заменяем эту традицию на какую-нибудь другую!

— Легко сказать! — тамада поставила перед этим пунктом знак вопроса. — Ладно, я подумаю... Вот... Куклу тебе придется купить... У меня подходящей нет.

— Какую еще куклу? — поморщилась Люба после очередного глотка так называемого кофе. — Это еще зачем?

— Желательно — большую! Буду проверять, как новобрачные сумеют ее запеленать. Инна-то никого не ждет? А то ведь обычно расписываются, когда девушка беременна... Статистика...

— Ждет, — с вызовом сказала Люба. — А что?

— Ну вот, — миролюбиво подвела итог тамада. — Значит, кукла — актуально.

— А можно обойтись без нее? — взмолилась Люба. — Где я буду еще куклу искать? Когда у меня даже помещения нет!

— Можно, — согласилась тамада: она никогда не шла против воли заказчика, особенно если он к тому же был коллегой. — Ну а торт? Торт будет?

— Даже не знаю. Обычно ведь его никто не ест.

— Торт нужен, — проявила твердость тамада. — Мы его торжественно вынесем под финал. И свечи зажжем. Купи свечи.

— Какие?

— Любые.

Она сложила пополам свой листок и ободряюще сказала Любе:

— Ты, главное, не волнуйся так. Я эти свадьбы могу на автомате вести! Опыт как-никак... У меня столько конкурсов веселых! Боюсь, все провести не успею...

...Весь следующий день Люба провисела на телефоне, а вечером заставила сопротивляющегося мужа сесть в машину и отправиться вместе с ней на просмотр новых помещений. Геннадий порывался поехать сразу к старому знакомому, у которого намечали играть свадьбу номер один, но быстро передумал. Конечно, там не было бы никаких проблем, но его женщины столь суеверны, что ни под каким предлогом на это не согласятся. Он ведь уже закидывал удочку, но его даже слушать не захотели. Грустные воспоминания, то, се... Впрочем, и самому Геннадию эта идея не совсем нравилась. Хотя и избавляла от лишних хлопот.

Слушая Любу, он диву давался. Куда смотрят эти женщины? Для чего им разум дан? Неужели непонятно, в каком зале разместятся сорок пять человек, а в каком — нет?! И все кругом при этом виноваты! А еще вечно кричат о своей самостоятельности!

Он послушно остановился около невзрачной «стекляшки», которая в Любимом списке стояла на просмотр под номером «один». Они зашли внутрь. Уют здесь пытались создать с помощью огромного количества искусственных цветов, которые занимали все стены и свисали с потолка. В одном углу за длинным столом сидела большая компания — человек двадцать, и, видимо, отсюда по залу расползались бьющие в нос запахи спиртного и табака.

Хозяевами оказались муж с женой — азербайджанцы.

— Всего сорок пять человек? — переспросили они и поцокали языками. — Вам легче! А у нас на свадьбу надо приглашать триста! Так что мы свою дочь пока замуж не выдаем — деньги копим.

Пока хозяйка жаловалась на маленькие доходы от их скромного семейного бизнеса, Гена вертел головой и откладывал в ней свои впечатления: жалюзи на окнах — старые и покосившиеся, дорожка на полу — замызганная и протертая...

Между тем хозяйка сказала:

— Если вы хотите «закрыть» кафе от посетителей, то вам придется это оплатить отдельно.

— Какие посетители? — встрепнулся Гена. — У вас не так уж много места! Мы как раз все и займем...

— Все равно, — уперлась хозяйка, — за то, чтобы мы больше никого не пускали, надо заплатить отдельно. И спиртное полностью вы должны заказать у нас!

Они вежливо договорились подумать до завтрашнего дня, но, выйдя на улицу, Гена возмутился:

— Сарай! А сколько условий!

Следующее кафе было не лучше. В третьем — качеством чуть выше, но у черта на куличках — с них запросили по две тысячи рублей с человека, и Гена опять не понял, на каком основании раздулись подобные аппетиты. Дальше они попали в кафе восточного стиля, где рассаживать гостей собирались по непривычному принципу: жениха с невестой помещали на возвышение, которое закрывалось от остальных глаз многочисленными колоннами. Такой выбор диктовался не фантазией хозяев, а суровой необходимостью внутреннего убранства. Любе это очень не понравилось: она не помнила, чтобы Инка с Веней планировали прятаться от гостей.

Они уже возвращались домой, и Люба была в полном отчаянии, чуть не плакала, предлагала остановиться на азербайджанцах, потому что вряд ли они найдут лучше, а время идет, и дорогие рестораны им все равно не по карману, тем более что Генка ляпнул «банкет оплатим!» — кто, спрашивается, его тянул за язык... И тут ее взгляд через стекло упал на очередную вывеску со словом «кафе», которая красным сиянием призывала посетителей с высоты белого двухэтажного игрушечного домика, который раньше она и не замечала, хотя часто бывала в этом районе. Видимо, здание построили совсем недавно.

— Зайдем напоследок? — с полной безнадежностью показала Люба на кафе.

Оно называлось «Роза ветров» и занимало весь второй этаж. Несмотря на поздний час, зал был заполнен больше чем наполовину. Приглушенное освещение делало кафе домашним и уютным. Зеркальный шар гонял по потолку

разноцветные блики. Музыканты — девушка и парень — пели сентиментальную лирическую песню, от которой почему-то у Любы защемило в груди и захотелось мысленно подключиться к этому симпатичному дуэту. Она посмотрела на мужа: на него тоже, видимо, подействовала атмосфера кафе, которая будто специально была создана для проведения таких важных событий, как свадьба.

— То, что надо! — одновременно произнесли они, а Люба добавила: — И от метро близко.

Им несказанно повезло! Подошедший менеджер сказал, что нужная суббота как раз пока свободна, хотя все остальные выходные расписаны, и они быстро обо всем договорились.

— А ваши музыканты смогут нам поиграть? — спросила Люба.

Менеджер сделал знак, парень с девушкой подошли, выслушав просьбу, тут же согласились, назначив скромную цену — сто пятьдесят долларов за восемь часов работы.

От переполнявших ее чувств Люба спускалась по узкой железной лестнице вприпрыжку.

— А ты говорила: ничего не найдем, ничего не найдем, — ухмыльнулся Генка.

Наутро Люба радостно рапортовала тамаде, что новое помещение найдено. Вместе с живой музыкой.

— Да ты что! — возмущенно сказала тамада. — Я только что договорилась со знакомым музыкантом. Еле уговорила. Всего за сто пятьдесят баксов! Обычно он берет четыреста. И учти, музыканты играют только четыре часа! А он будет со мной весь вечер! Мы с ним уже несколько раз вместе свадьбы вели... У него есть баян!

— Господи, при чем здесь баян?! — Люба не понимала, чем тамада так недовольна. — Послушай, будет живая музыка, два человека за ту же цену, у них своя аппаратура, чудные голоса...

— А мне что делать?!

— Откажись от своего музыканта. Зачем он нам — такой дорогой? И зачем ему терять свои четыреста долларов?

— Ты не понимаешь! Мне же с ним дальше работать!

— Тогда не знаю.

— Дай мне телефон этих музыкантов, — обиженно попросила тамада. — Надо выяснить, что они вообще умеют. Может, у тебя в запасе и тамада другая есть? — ехидно и с вызовом поинтересовалась она.

Вот уж от кого Люба не ожидала капризов, так это от собственной коллеги... Еще не хватало искать нового ведущего...

На всякий случай она залезла в Интернет. Свои услуги по проведению свадеб предлагала куча фирм. Совершенно спокойно можно было нанять тамаду с музыкантом за сто двадцать долларов. Специалисты очень высокого класса стоили дороже.

Она выписала номера телефонов, но не успела разузнать подробности, потому что раздался звонок.

— Люба? — спросил молодой мужской голос. — Вас беспокоит музыкант из «Розы ветров». Ну вы просили нас на свадьбе поиграть... Мне только что звонила ваша тамада. Не понимаю, как мы с ней будем работать! Она так грубо со

мною разговаривала! Как будто я ей что-то должен! Как будто не у вас свадьба, а у нее! Знаете, мы играем давно, профессионально. Какое право она имеет так с нами обращаться?

— Никакого, — растерялась Люба. — Мне она всегда казалась культурным человеком.

— Незаметно, — сказал музыкант.

— Наверное, она была расстроена...

— А мы тут при чем?

— Вы абсолютно ни при чем, — постаралась успокоить парня Люба. — Просто она хотела пригласить своего музыканта, а я ей отказала. Извините за нее. Я сама удивлена. Не обращайтесь внимания.

— Хорошо, — согласился парень. — Но если она на свадьбе будет так себя вести...

— Не будет, — пообещала Люба.

Час от часу не легче! Что она себе позволяет?! Имеет Люба право заказывать то, что нужно ей, а не тамаде?! В конце концов, не хочет — пусть не ведет свадьбу! Обойдемся без нее! Помещение нашли, а уж тамаду...

— Мне бы Любу, — раздался по телефону новый мужской голос. — Ваш номер мне дала ваша тамада. Она пригласила меня в качестве музыканта, а теперь говорит, что срочно уезжает, что-то у нее случилось... Но я-то свободен... Вот и решил с вами сам договориться. Как же на свадьбе и без музыки...

— Вы знаете, — Люба попыталась быстро переварить информацию, — а новый тамада у нас будет со своими музыкантами...

— Да... — Голос помялся. — Но если вдруг что-то изменится — запишите мои координаты... У меня и баян есть... И беру я недорого... И вдруг у вас другое семейное торжество наметится...

— Хорошо, — Люба послушно почеркала карандашом, думая о том, что надо бросать все силы на поиски другого ведущего.

— Алло? — тамада была легка на помине и говорила так, словно хотела возвестить о всемирном потопе. — Приготовься: тебе может позвонить мой музыкант...

— Уже, — устало сказала Люба, — только что... Ты отказываешься?

— С чего ты взяла? — искренне удивилась тамада. — Баянист сказал? Так мне надо было что-то ему наплести, чтобы не обиделся... А Так... Я уже и «Розе ветров» позвонила, все мелодии, которые мне нужны, они, как оказалось, играют... Сценарий пишу... Мозги просто набекрень! Дочь мне такое вчера устроила! Притащила домой какого-то черного, с которым на улице познакомилась, я его стала выгонять, а она чуть не в драку со мной... Растишь этих детей, растишь, а потом... А я ей еще квартиру купить хотела...

...Положив трубку, Люба подумала: какое счастье, что у нее только один ребенок. Очередной свадебной подготовки она бы уже не выдержала...

Глава двадцать восьмая

Из «зеленого коридора» зала прилетов Шереметьево-2 Женька выплыла в числе первых пассажиров, прилетевших рейсом Франкфурт — Москва. Вкусы ее мало изменились. Она была все в том же своем любимом наряде, которому отдавала предпочтение последние лет десять, — свободных хлопчато-бумажных брюках и рубашке, скрывающих, по Женькиному мнению, все недостатки ее большой фигуры и позволяющих телу легко дышать. Объемная сумка, как обычно, болталась на ее плече. Свободной рукой она тащила за собой черный чемодан на колесиках, в который легко могла поместиться сама. И только ярко-розовая широкополая шляпа с крупными красными цветами была чем-то новеньким, совсем Женьке не свойственным: раньше она вообще не носила головных уборов.

Бросив чемодан на произвол судьбы, Женька кинулась в объятия встречающих — Вари, Любы и Гены, подпрыгивающих на месте от нетерпения: рейс задержался, они торчали в аэропорту второй час...

— Как вам мой цвет волос? — уже в машине кокетливо спросила Женя и стащила с себя нелепую шляпу.

Свежевыкрашенные волосы были с ярким рыжим отливом... Теперь стало понятно, что Женька на нынешнем этапе тяготеет к красному.

— Мы там в парикмахерскую не ходим — дорого, — тараторила она, сидя на заднем сиденье между Варей и Любой. — У своих прихорашиваемся, на дому, — Женька похлопала по большой сумке. — А это бесплатно в Красном Кресте выдали. Нормально, правда?

Живя в Москве, она обычно предпочитала товары известных производителей. И никогда не пользовалась услугами непроверенных, безымянных парикмахеров.

— Как хорошо, что ты приехала и что все так совпало: и продажа квартиры, и Инкина свадьба! — Варя вдруг переполнилась сочувствием к подруге, у которой с эмиграцией так резко поменялся социальный статус. — А Полинка под венец еще не собирается?

— Чтоб вот так конкретно — нет... Но все к тому идет... Честно вам скажу, сначала Полинкин бойфренд не произвел на меня особого впечатления... Не Аллен Делон... Но когда пообщаешься, посмотришь, как он к Полинке относится, к ребенку...

— Почему же разведен, если такой хороший? — Люба непроизвольно вспомнила Генкину позицию в этом вопросе.

— Его бывшая жена влюбилась в другого, — отвечая, Женька вертела головой по сторонам, отыскивая изменения на улицах, по которым они проезжали. — Ой, понастроили сколько! А ведь здесь раньше рынок был... Надо же, какой комплекс отгрохали... Но у них, между прочим, прекрасные отношения. Она звонит и поздравляет его с праздниками.

— Что ты, Любаша, зациклилась на разведенных мужчинах? — Варя поерзала на месте — все-таки втроем на заднем сиденье было тесновато, Женька занимала слишком много места. — Не всем же так везет, как твоему Генке...

— Это да! — Генка одобрительно посмотрел на Варю через зеркало заднего вида.

— Вот именно! — согласилась и Женька. — Кому-то везет, а кому-то... Одна

моя знакомая прожила в браке десять лет. Внешне это была идеальная семья. Муж ее боготворил и все по дому делал. А она его не любила с самого начала.

— Зачем замуж выходила? — вырвалось у Вари.

— По инерции. Все выходили, и она тоже. Юность бестолковая, первый мужчина, все такое. Сама не знаешь? Она даже детей не хотела от него заводить, но потом, правда, родила. Из-за натиска родителей. Ну а потом — абсолютно случайно! — познакомилась с одним человеком, безумно влюбилась. Несколько лет не могла решиться на развод, мучилась. Он тоже был женат. И все-таки оба развелись, оставили квартиры и имущество прежним женам-мужьям, начали жизнь «с нуля».

— А сейчас? — в один голос спросили Варя с Любой.

— Прекрасно! Преуспевают! Двенадцать лет вместе. Моя знакомая говорит: это мой человек, и я каждое утро, когда просыпаюсь, благодарю Бога за то, что он мне его послал. Ведь если бы не встреча с ним, она так бы и тянула лямку с нелюбимым, потому что по натуре очень ответственная.

— А муж бывший? — В Варе проснулось сочувствие к брошенному мужчине.

— Пьет сильно. Всегда был слаб на это дело...

— Понятно, — сделала вывод Люба. — Из-за пьянства не выдержала.

— Я же объясняю: не любила... В любви все дело...

— А я считаю, — безапелляционно заявила Люба, — что в основе любой измены лежат похоть и стремление к разнообразию...

— Прости меня, Любаша, — вскинулась Женька, обидевшись за столь неромантический подход, — но эти твои учительские замашки меня порой бесят! Типичная черта педагогов. Все-то они знают, всех учат, и только они правы! Терпеть не могла школу! Даже сейчас с ужасом вспоминаю.

Она насупилась и демонстративно направила все внимание на лобовое стекло.

— А что я такого сказала? — удивилась Люба. — Ну любовь и любовь... Бывает. Я же не спорю насчет единичных случаев...

— Помнишь, — Варя потрясла Женьку за мягкое плечо, — ты мне по телефону рассказывала про Полинкину подругу, которая поехала в Германию женькиха искать? И что? Удалось?

— Ну да, — Женька все-таки всегда отличалась отходчивостью. — Полинка ее познакомила с одним русаком, и та весь месяц с ним провела. Что хорошо: Полинке было некогда ее развлекать... Одно «но»: парень еще не разведен. А это очень долгий процесс. Только, — Женька покосилась на Любу, — я точно не знаю, кто там от кого ушел.

— И фиг с ними, — Любе слушать о судьбах неизвестных ей персон надоело. — Сейчас едем к Варьке! Нам столько тебе надо рассказать!

...Встав ни свет ни заря, Варя целый вечер готовилась к встрече Женьки: она потушила мясо, специально купленное на Ленинградском рынке, с черносливом и разными специями, а из магазинного теста испекла пирог со свежей капустой и яйцом. Для нее подобный поступок стал почти подвигом: последнее время Варя почти не включала электроплиту. Готовить было некому — мужа кормили другие, а дочь возвращалась поздно и никогда не хотела есть. Сама Варя ограничивалась бутербродами. Но даже их делать ей было с некоторых пор лень. Ее вполне устраивали перекусы в московских кафешках, в кото-

рые они забегали со Светой, мотаясь по делам своего зарождающегося агентства.

Из собственной семейной жизни Варя вынесла неутешительный вывод: домашний труд слишком мало ценится. Уборка, готовка, стирка, глажка, особенно если к ним относиться добросовестно, отнимают кучу времени, но ее усилий никто даже не замечает. Последнее время Варя почти прекратила все это делать, и никакой катастрофы не произошло. Жанна, вытащив какую-нибудь кофту из ящика с грязным бельем, спокойно ее стирала, не возмущаясь, как раньше, что у матери не дошли руки. А в квартире сохранялся сам по себе относительный порядок, потому что просто никто ничего не раскидывал.

И только по каким-то великим поводам на Варю нападало бытовое трудолюбие. Например, сейчас, перед приходом подруги. Она даже успела протереть полы, чего не делала очень давно.

Поедая одновременно и мясо, и пирог, запивая все это немецким вином «Молоко любимой женщины», Женька внимала рассказу подруг о драме, разыгравшейся в ее собственной квартире.

— Кошмар! — с полным ртом выкрикивала она, накладывая себе добавку. — Ужас! Как все было задумано! Так вы говорите, там теперь даже есть на чем спать?! До чего же вкусно! Я ведь целый месяц сидела на диете! Заметно? — Женька прожевала последний кусочек пирога и отодвинула тарелку.

— В общем, да, — дипломатично ответила Варя.

— Я вам сейчас пострашнее историю расскажу, — Женька облокотилась на стул, собираясь поразить воображение подруг. — К моей соседке приезжал родственник из Америки. Он работал в одной преуспевающей компьютерной фирме, которой успешно руководила женщина — из наших, тоже эмигрантка. Тетка хваткая, дело поставила как надо. Еще в России она была безумно влюблена в одного ученого-химика. Когда в Америке на ноги встала, перетащила к себе этого мужика. Они поженились, ребенок появился. Тетка и сама процветала, и мужа двигала. А он перспективный оказался, даже на какую-то премию претендовал в фармацевтическом деле. Разбогатели страшно. И вдруг ученый-химик пропадает, а через какое-то время полиция находит его расчлененный труп! Тетка в тоске! Все ей сочувствуют, жалеют! И тут — совершенно случайно — выясняется, что она сама же мужа и прибила! И расчленила тоже сама! А из-за чего? Да все на почве ревности! У ученого обнаружилась любовь на стороне. Даже, кажется, в другой стране. Точно уже не помню. Что в итоге? Тетка — в тюрьме. Сын, потерявший отца и практически мать, — в лечебнице. Состояние, фирма — под угрозой. Спрашивается: ради чего все это надо было делать?!

— Да, вот! — одновременно сказали Люба и Варя.

И все трое замолчали, думая о том, на что только люди не идут в порыве своих страстей.

— Этот родственник моей соседки, — продолжила Женька, — говорил, что бывшая его начальница — женщина властная, сильная, но все равно никто и подумать не мог... Ему уволиться пришлось — фирма-то разваливалась. Вот я и хочу сказать, — обернулась Женька к Варе, — нечего себе жизнь портить, если муж завел интрижку на стороне. Плюнь и живи дальше.

— Об убийстве я как-то не думала, — потрясенно заметила Варя.

— И слава богу! — сказала Женька.

Она перевела разговор на свою забугорную жизнь. В какой-то момент глаза ее увлажнились, она надрывно стала жаловаться, что чувствует себя в Германии вторым сортом, что до конца жизни останется там чужестранкой, что никому не советует уезжать, что деньги из «кубышки» тают и ей страшно за завтрашний день... Вот на днях у нее сломался телевизор, она пошла в «социал» просить деньги на новый, а ей дали только шестьдесят евро, а разве на них купишь нормальный телевизор, разве что какой старенький... Пришлось добавлять... И так на каждом шагу... Льготы урезают... Потому что раньше выдали бы спокойно двести семьдесят евро...

А уже через несколько минут, приняв очередную порцию «Молока любимой женщины», Женька резко сменила обличительное направление своей речи на жизнеутверждающее. Блеснув глазами, она заявила, что жить там лучше, человек социально защищен, и каждый знает, что как бы что ни случилось, государство его не бросит — обеспечит и крышу над головой, и кусок хлеба, и о здоровье позаботится. Пожилые люди ведут там активный образ жизни, ходят в клубы по интересам, дружат, путешествуют. А как здесь существуют на столь мизерную пенсию — Женька не понимает. И если у российского пенсионера сломается телевизор — куда он, спрашивается, за помощью пойдет... А сколько людей здесь, в Москве, разорилось, теряло все, какие были трагедии...

— Варюха вот тоже дело свое открывает, — сообщила Люба. — Хочет впрок денег заработать...

— Хотеть не вредно, — Варя покатила по тарелке зеленую оливку, — но это еще не значит, что я себе старость обеспечу, тем более все ниши давно плотно заняты. Может, и прогорим. Вот если бы я могла заработать интеллектуальным трудом... Как твой несчастный ученый-фармацевт... Но таланта не дано. А ты работать не собираешься?

— Я же с внуком сажу! — гордо сказала Женька. — Фотографии привезла, сейчас покажу. — Она полезла в свой огромный чемодан.

— А я плохо себя бабушкой представляю, — рассматривая снимки Женькиного внука, вздохнула Люба. — То есть там утю-тю, подарки, в зоопарк сходить — это пожалуйста. Но больше всего боюсь, что посадят мне ребенка на шею и забуду я, что у меня и другие интересы есть.

— В Германии не принято напрягать внуками. — С Женькиного лица не сходило умиление. — Там держат дистанцию. Никто просто так не позвонит родителям и не скажет: я вам ребеночка на вечерок подброшу, потому что мы в кино хотим сходить. А у нас это в порядке вещей. И когда все время соглашаешься, то потом любой отказ воспринимается как смертельная обида. Но я так своего внука люблю! Даже не представляла, что так бывает! Смотрите: он же на меня похож!

— Что-то есть, — согласилась Варя. — В овале лица...

— У нас на работе одна учительница стала бабушкой, — вспомнила Люба. — Дочь с зятем привозят ей ребенка на каждые выходные, потому что им, оказывается, надо отдыхать. На днях дочь сказала: «Мама, мы видим, как ты любишь внука! Знаешь что, не жди, когда мы о чем-то попросим, не стесняйся, проявляй инициативу. Если захочешь с ребенком посидеть — сразу звони».

— Вот-вот, — поддержала любящая бабушка Женька. — Они такие интересные! Видимо, думают, что наша жизнь уже закончилась. А, может быть, мне

просто хочется на диване полежать, задрать ноги? Заслужила я это или нет?

В этот момент у Вари сжалось сердце, щемящий комок подкатил к горлу... Почему-то вспомнилась зимняя ночь, канун Крещения, они трое у Женьки дома, на столе в ее комнате — огромное зеркало, перед ним — горящая свеча... Они сидят как загипнотизированные и пытаются высмотреть в полной темноте будущих женихов, но вместо них в зеркале лишь колышется язычок пламени... Потом они выбегают из дома, пытаются найти какого-нибудь прохожего, выяснить, как его зовут, чтобы узнать имя будущего суженого... Но на улице, как назло, ни души, мороз за тридцать градусов, все нормальные люди тихо сидят по квартирам... Люба придумала тогда еще один способ: вывесить за окно три полотенца. Утром они должны были их снять. Если бы полотенца намокли, то все бы в том же году вышли замуж. Если нет — оставаться им вековыми! Но они, видимо, плохо закрепили полотенца, которые все три наутро дружно исчезли. Наверное, их снесло ветром. И будущая судьба трех подруг осталась невыясненной.

Но они тогда и так были уверены, что у них-то все сложится как надо, что впереди длинная счастливая жизнь и они много чего в ней успеют. Как сейчас их подросшие дочери, которые пока и не подозревают, какие разочарования таятся в кустах у той дороги, по которой им придется идти.

Женька затормозила подруг: ей не терпелось взглянуть на свою квартиру. Как будто после приключений, которые в ней происходили, что-то там могло измениться. На завтра уже была назначена сделка по продаже, потом, если останется время, они решили посмотреть новостройки, куда Женька собралась вложить освободившиеся деньги. Эту логику Варя не вполне понимала: зачем менять шило на мыло, столько лишних хлопот... Но Женька никогда не слушала чужих советов, даже когда принимала решение об эмиграции, и поступала так, как считала правильным лично она, исходя из своих собственных резонов.

...Двери Иркиной квартиры были распахнуты настежь, и Варины ноги остановились, отказываясь двигаться дальше. Они вернулись из отпуска! Вместе! И вот сейчас — через мгновение! — предстанут перед ней, загорелые и счастливые! Как за последнюю опору, благодаря которой она сможет пережить эту встречу, Варя крепко ухватилась за подруг. Лифт, грохоча, двигался снизу. Щелкнув, он затормозил на их этаже, створки дверей раздвинулись, на площадку вышел мужчина — невысокий, круглый, как колобок...

— Саша! — дико и отчаянно крикнула Варя, словно выпустив вместе с этим воплем сковавший ее страх.

Мужчина посмотрел на нее. Изумление на его лице медленно сменилось смущением, в которое вкраплялись проблески узнавания.

— Вот так встреча! — облегченно сказал он наконец. — Я вас не сразу узнал... Подумал: какие знакомые лица, где-то я их видел... Теперь вспомнил: у Светки на даче... Правильно?

— Да-да, — подтвердила Варя. — Вы — Светин двоюродный брат... Любаш, помнишь? — Она оторвала от подруги свои сцепленные пальцы.

— Конечно! — вежливо улыбнулась Люба. — Вы с тех пор не изменились...

— А я здесь живу! — бодро сообщила Варя, поглядывая при этом в сторону открытой Иркиной двери — ей показалось, что там, внутри, произошло какое-то движение.

— Серьезно?! — неожиданно обрадовался Саша. — Какая у вас квартира? Эта? Вот здорово! Значит, соседями будем!

— Как... соседями... — До Вари плохо дошел смысл сказанного. — Почему соседями?

— Да я же переезжаю в эту квартиру, — Саша показал на Иркину дверь. — Мы как раз сейчас с ребятами смотрим, что тут сделать можно, какой ремонт, что покупать...

— Я не поняла. А куда эта... Ира... делась?

— Вот так мы и живем! — укоризненно сказал Саша. — Соседка уехала, а никто не заметил.

— Не заметил, — как во сне повторила Варя.

— Они не общались, — объяснила Люба.

— Бывает, — с пониманием кивнул Саша. — А мы с ней квартирами поменялись. Она объяснила, что ей срочно нужны деньги, а такая большая жилплощадь ей ни к чему. Вот и сделали обмен с доплатой. Очень быстро, буквально за два дня. Я доволен, мне этот район нравится. У нее какие-то проблемы с сыном... Для него деньги нужны. Кажется, в долги влез. Видел я этого сына. По-моему, у него та же болезнь, что у нашего Вовы, — Саша грустно вздохнул. — Бедная женщина...

У Вари возник порыв открыть Саше глаза на «бедную женщину», но она не знала, с чего начать.

— Так она с сыном в вашу квартиру переехала? — тоном следователя спросила Люба. — Или еще с кем-нибудь? Никто там поблизости не крутился?

— А кто? — насторожился Саша. — Я не понял...

— Ну там муж... Может, с мужем...

— Она говорила, что разведена... А там кто ее знает... Я квартиру освободил, все барахло на дачу перетащил...

— Света даже не сказала ничего, — обиженно заметила Варя.

— Она и не знает еще! Я же говорю: все слишком быстро решилось. Да мы с ней с того дня, как Вову проводили, больше и не общались... Надо будет позвонить...

— Где же вы жить будете? Во время ремонта?

— На даче. Лето ведь! Мы летом всегда там живем.

Из бывшей Иркиной квартиры высунулся мужчина и, не обращая внимания на теплую компанию, пробуравил Сашу взглядом:

— Ну ты куда пропал?! Где сигареты?!

— Елки, — Саша похлопал себя по карману, — с соседками заболтался, забыл обо всем... Ладно, девчонки, встретимся еще. — И он скрылся в бывших Иркиных комнатах, которые как по волшебству превратились в Варином сознании из ведьминой норы, где варят коварное зелье, в милый семейный шалаш.

Раньше она и не подозревала, что появление одного-единственного человека способно так изменить отношение к обычной каменной коробке. Вариное настроение при этом скакнуло на десяток градусов вверх. Интересно, а сбежала бы отсюда Ирка, если бы она не оттаскала ее за волосы?! Какое счастье, что теперь не надо бояться случайных встреч с этой стервой! Может быть, у Вари есть ангел-хранитель, который сжалился над ней и выжил соседку?!

— Жень, — развеселившись, сказала она, — имей в виду, там прямо под то-

бой один художник разместился, зовут Валентином. Если приставать будет — ни в коем случае не поддавайся. Он — полный придурок, к тому же у него лишай.

— Больше мне делать нечего, — фыркнула Женька. — Думаешь, в Германии такие ко мне не подкатывали? У меня требования завышенные. Так что любые попытки вашего художника обрублю на корню!

Они вошли в лифт, и Варя подумала, что это Женька привезла с собой удачу и теперь все должно быть хорошо.

Глава двадцать девятая

Все происходило именно так, как Жанна и предполагала, с одной поправкой: ее поставили не в колбасный отдел, а в кондитерский. Целыми сменами она взвешивала конфеты и упаковывала торты и уже через несколько дней удивлялась тому, как раньше без разбору килограммами могла поглощать сладости. Дядю Виталия она видела только один раз, когда устраивалась на работу. Но все в магазине считали, что Жанна — его дальняя родственница, а потому никто к ней не придирался даже тогда, когда она делала ошибки.

Если Виталий был свободен от своей охранный деятельности, то он ждал, когда Жанна закончит смену, и провожал ее домой. Полпути они проделывали пешком.

С ним она могла говорить. О маме. Об отце. О том, что ей не нравится эта монотонная работа. Конечно, она временная, но будущую профессию Жанна тоже плохо себе представляет... Виталик все понимал. Говорил: «А я больше двух часов с родителями вообще не выдерживаю». Или: «Я всегда с первого сентября начинаю новую жизнь». С ним можно было обсуждать даже совершенно потерявшую совесть Машку.

Та звонила пару раз и упивалась своими отношениями с Димой. В первый раз Жанна молча слушала, хотя ей хотелось разбить телефон. Но, возможно, в душе она была тайной мазохисткой, потому что на самом деле ее распирало желание узнать все подробности. Машка словно чувствовала это и старалась изо всех сил. Дима подарил ей розу. Они катались на роликах. Он готов не расставаться с ней сутками напролет.

Они шли домой после работы, получив свою первую зарплату, и Жанна, сдерживая усилием воли накатившиеся слезы, рассказывала Виталику про этот Машкин монолог. Вдруг он остановился, взял Жанну за руку, втянул в ближайший цветочный магазин и сказал скучающей продавщице:

— Выберите, пожалуйста, пять свежих роз, таких же красивых, как эта девушка...

И продавщица заметалась, вытаскивая то белые, то красные, то розовые...

Когда Машка позвонила во второй раз и запела свою песню о Диме, Жанна сказала:

— Мне это неинтересно.

— Что ты обижаешься? — тоном невинной жертвы спросила Машка. — Мы же подруги. И я не виновата, что больше понравилась Диме. Не будем же мы из-за него ссориться...

Жанна нажала на рычаг и отключила телефон. Она слышать не могла этот предательский голос...

Как-то позвонила и Вика, вернувшаяся из круиза по Средиземному морю.

— Говорят, — задушевно проворковала она, — что Машка отбила у тебя парня. Переживаешь, наверное?

— У меня их много, одного подарить не жалко, — Жанна хотела продемонстрировать свою жизнерадостность и рассмеяться, но у нее вырвался лишь нервный смешок.

— Говорят, — не унималась Вика, — что ты с горя в уборщицы подалась? Это было уже слишком.

— Меньше слушай завистников, — Жанна постаралась обронить это

небрежно, как бы между прочим. — На самом деле мне папа бутик подарил. В Петровском пассаже...

— Ничего себе! — поразилась Вика. — Италией будете торговать? А ты мне дисконтную карту сделаешь?

— Непременно, — пообещала Жанна. — Как только откроемся...

Виталик насчет бутика очень смеялся.

Впервые за все время у них совпал выходной. Лето подходило к концу, хотя на погоде это не отражалось — температура держалась в районе двадцати семи, все давно ходили по городу почерневшими от солнца, а Жанна еще ни разу даже не купалась.

И теперь они ехали к Виталику на дачу.

Перед отъездом мама конечно же провела инструктаж.

— А его родители там будут? — строго спросила она.

— Не знаю. — Если Виталик не способен находиться с родителями больше двух часов, то у Жанны начиналась аллергия на мамины вопросы после первой же минуты.

— Ты взрослый человек, — взгляд мамы сосредоточился, точно она собиралась открыть дочери страшную тайну, — и понимаешь, для чего молодые люди зовут девушек на дачу...

— Так мне что, вообще никуда не ходить? — не выдержала Жанна. — Ни в гости, ни на дачи... Если я взрослый, как ты говоришь, человек, то имею право сама решать, где и с кем мне встречаться?!

Сейчас, сидя рядом с Виталиком, она продолжала свой внутренний монолог с матерью. Сессию она сдала, на работу устроилась... Можно хоть теперь не контролировать каждый ее шаг и не диктовать, что ей делать в свой единственный выходной?! Папы нет, так мама все свои усилия направила на нее, уже просто не продохнуть! Почему все лезут в ее личную жизнь?! Конечно, Жанна в какой-то степени маму понимает... Уж ей ли не знать, как тяжело, когда тебя предадут близкие люди! Она вот купаться на Клязьму едет, а мама одна, будет сейчас слезы лить...

Жанна достала мобильник.

— Мам, — она придала своему голосу бодрость, — знаешь что, вы съездите с тетей Любой и тетей Женей на пляж. Погода отличная! Чего ты дома киснешь?

— Ладно, — сказала Варя, — отдыхай.

Они проехали Каширку, свернули с шоссе на узкую дорогу, где начинались дачные поселки, и уже в воздухе ощущалось, как городской ритм менялся на неторопливое существование местных обитателей. Полураздетые, часто в одних купальниках, они шли куда-то в сторону леса, копошились на своих участках, выходили из придорожных магазинчиков, держа в руках минералку и обязательно несколько батонов хлеба...

— Видишь, — показал Виталик на маленькие дачные домики по обеим сторонам дороги, издали похожие на скворечники, — вот такая у нас дача. Я потому и не люблю туда ездить, что даже ночевать негде, одна комната.

— Так мы купаться едем, — сказала Жанна, — а не ночевать...

Автомобиль шел мягко, не реагируя на неровности дороги, успокаивал, убаюкивал... Виталик держал руль одной рукой, а другой искал радиостанцию с подходящей музыкой, перепрыгивая с одной частоты на другую...

— А когда тебе отец машину дает, то на чем ездит сам? — спросила Жанна.

— Ему она не очень-то нужна, — Виталик наконец остановился на «Монте-Карло», где в эту минуту распиналась о своих чувствах Дженифер Лопес. — У него служебная есть, с водителем.

— Да? — Жанна никогда не интересовалась родителями Виталика. — Кем же он работает?

— Министром.

— Серьезно?

— А что тут удивительного?

Действительно, подумала Жанна... Правда, немного странно, что Виталик при таком папе работает охранником, а не плавает в круизе, как, например, Вика...

— Батя мне ключи вручил со словами «не балуйся!», и я не понял, что он имел в виду...

Они миновали пруды, по берегам которых расселись многочисленные рыбаки, и съехали на разбитую проселочную колею. По обеим сторонам был лес, и ветки от деревьев чуть ли не лезли в открытое окно, через которое Жанна с наслаждением вдыхала чистый сосновый воздух. Еще через несколько метров начался свежий асфальт, и, прокатившись по нему минут десять, они остановились около солидного дома с забором из красного кирпича, который ничем не напоминал полуразвалившийся «скворечник» с единственной комнатой.

Жанна шла по дорожке, выложенной серыми каменными плитами в центре ярко-зеленого газона, и ехидно спрашивала Виталика:

— Ты адрес, случайно, не перепутал? По-моему, здесь можно отыскать местечко для ночевки...

— Пошутить нельзя? — Виталик был доволен своим маленьким розыгрышем и произведенным эффектом. — Пойдем посмотреть дом...

На всех трех этажах царил идеальный порядок. Комнат было несколько — больших, светлых, обшитых деревом. Наверху в большом зале стоял бильярдный стол. Виталий сунул Жанне кий и предложил:

— Попробуй.

Она долго целилась, но удар получился слабым, и шар, сдвинувшись сантиметров на пять, остановился. Когда-то Жанна уже пробовала играть в бильярд, и у нее неплохо получалось. Сейчас она лишь беспомощно тыкала кием, как слепой котенок, пока Виталик загонял шары в лузы один за другим. Так что партия закончилась быстро и с разгромным счетом.

Выгрузив сумки, они отправились на Клязьму. Пологий берег, на котором за жаркое лето вытоптали всю траву, был заполнен людьми так же тесно, как сочинский дикий пляж в пик сезона. Народ располагался здесь основательно, на целый день — с детьми, провизией, напитками.

— Хорошо! — растянулась на полотенце Жанна, подставив спину солнцу.

— Я — купаться! — Виталик стянул с себя шорты и футболку и бегом помчался в воду.

Жанна приподнялась, слегка подвинулась в сторону, потому что вставшая перед ней парочка полностью заслоняла и реку, и скрывшегося в ней Виталика. Прищурившись, она всматривалась в мелькающие на поверхности воды головы... На несколько метров дальше всех купающихся вынырнул пловец и профессиональным кролем буквально полетел к середине реки. Жанна даже

не увидела, а, скорее, почувствовала, что это он. За то время, что они были знакомы, она уже привыкла к тому, что Виталик все делает лучше других. Она часто ловила себя на мысли, что испытывает за него гордость — когда он с кем-то общается, когда ведет машину, когда играет в бильярд, когда что-то ей рассказывает...

Виталик, наплававшись, уже выходил из речки, приглаживая пятерней волосы и одновременно подпрыгивая на одной ноге, чтобы вылить попавшую в ухо воду... Жанна уткнулась лицом в полотенце и сделала вид, что она так и пролежала здесь в подобной позе, совсем не интересуясь его заплывами.

Виталик подошел, провел холодной мокрой рукой по ее спине, и Жанна вздрогнула — и от прикосновения, и от знакомого голоса:

— Кого мы видим!!!

Парочка, заслонявшая ей вид на реку, теперь стояла к ней лицом, в полной своей красе, и демонстрировала акулий оскал шестидесяти четырех хищных зубов.

— Привет, — процедила Жанна.

— Отдыхаете? — глупо спросила Машка, которую неизвестно каким ветром занесло именно сюда вместе с торчащим рядом и совершенно по-идиотски улыбающимся Димой.

Больше всего Жанне захотелось сейчас зажмуриться, а открыв глаза, обнаружить, что этих неприятных для нее людей здесь больше нет.

— Познакомься, — она потянулась к Виталику, как к спасительной соломинке. — Это мои лучшие, — в последнее слово Жанна вложила весь свой сарказм, которого, впрочем, никто не заметил, — друзья: Маша и Дима.

— Очень приятно, — серьезно произнес Виталик и по-хозяйски обнял Жанну своей мокрой рукой.

Ей сразу стало легче. Как будто его ладонь стала проводником, через который в Жанну перетекали уверенность и спокойствие Виталика. Они так и сидели обнявшись, глядя снизу на стоящую как столб парочку. С этой точки обзора хорошо просматривались Димины ноги — тонкие, как у дистрофика, кривоватые и до умопомрачения белые. Малосимпатичное зрелище довершали огромные ступни, которые топтали крошечный, чудом сохранившийся островок зеленой травы... «Надо бы подсказать ему, — мстительно подумала Жанна, — чтобы он ни в каких ситуациях не снимал брюки. Тогда еще сойдет за человека».

— Ребята, за вещами присмотрите, — нарушил молчание Виталик и поднялся, — Жанке жарко, я ее искупаю... Мы быстро...

Взявшись за руки, они пробежали к воде и с размаху плюхнулись в речку.

— Как тебе Машка? — ревниво спросила Жанна, отплевываясь от попавшей в рот воды.

— Ничего хорошего! — Виталик взял ее за талию, тихонько подтолкнул вперед и добавил: — А рядом с тобой — так и вообще...

...Машке с Димой роль сторожей явно не нравилась. Со скучными, постылыми лицами они дружно следили за действиями Виталика, который поднял с земли одно полотенце, укутал в него Жанну и прижался к ее спине. Солнце пекло как сумасшедшее, и согреть кого-то, даже после купания, не было никакой необходимости...

— Пойдем, — потянула Машка своего худосочного Диму.

Как всегда, она не могла равнодушно смотреть на чужое счастье. У Машки сразу портилось настроение. И Жанне даже стало ее немножко жалко — такой она выглядела сникшей и потерянной.

— Мы собираемся на море съездить, — на прощание выбросила Машка свой последний козырь. — Опоздаю на недельку в университет... А вы в Москве будете париться?

— У нас несколько другие планы, — загадочно сказала Жанна.

— Ну пока.

Машка пошла впереди, а Дима засеменил сзади. Как же Жанна не замечала раньше его ужасной сутулой походки? Видимо, парочка с пляжа действительно ушла, потому что больше на глаза не попадалась.

Жанна с Виталиком еще несколько раз искупались и поиграли в волейбол. На густонаселенном еще час назад пляже появились пустоты — усталый и разомлевший от солнца народ потихоньку разъезжался.

— Кажется, я сторела, — повела плечами Жанна. — Даже странно. Обычно я сразу становлюсь коричневой.

Они стряхнули полотенца, забрали пустые пластиковые бутылки из-под кока-колы, чтобы выбросить их по дороге, и медленно побрели в сторону дачи. Появился небольшой ветерок, а потому идти было хорошо, прохладно, и только горячая рука Виталика, держащего Жанну за талию, напоминала о кончавшемся жарком дне. Они оба притихли, будто слова сейчас были лишними и ненужными. Глядя вперед, Жанна каким-то боковым зрением видела лицо Виталика, покрытое свежим загаром, его мгновенно выцветшие на ярком солнце, а оттого словно затянувшиеся дымкой глаза, слегка порозовевший нос... И ей казалось, что в жизни она еще не встречала более совершенного лица...

На даче нашлась мазь после загара, которую Виталик отыскал в родительской спальне.

— Красная, — констатировал он, изучив Жаннину спину, — но не сильно. — И принялся ее лечить.

Руки у него были теплые и ласковые.

— Тебе не больно? — спросил он.

Его пальцы дрогнули и остановились. Он повернул ее лицом к себе и поцеловал. А у Жанны замерло сердце. Ей не хватило сил его оттолкнуть. Да ей совсем и не хотелось, чтобы эти силы откуда-нибудь появились.

...Она вдруг вспомнила давние Машкины слова о смысле жизни. А все-таки в чем-то та была права... Весь смысл для Жанны сейчас заключался в этом парне, который лежал рядом и смотрел на нее своими синими глазами. И она подумала, что, наверное, сразу умрет, если он ее разлюбит. Что все ее переживания по поводу разных мальчиков смешны и нелепы, а сами объекты воздыханий недостойны даже воспоминаний.

Начиналась какая-то другая жизнь, где Жанну ожидало бесконечное счастье. Потому что она встретила самого лучшего человека на свете.

Глава тридцатая

В пустой квартире раздавались какие-то звуки — то скрип, то шорох, то стук. Варя вздрагивала и ходила проверять. Она понимала, что ее нервная система просто дает сбой. Утренняя стычка с дочерью выбила ее из колеи. У нее было ощущение, что внутри она вся выдохлась, будто ее опустошили... Все отношения рушились. Сначала чужим оказался муж, а теперь отдалялась и дочь. Конечно, надо со всем смириться, у всех своя жизнь, и от нее, Вари, тут ничего не зависит. Но как же ей одиноко! И как хочется душевной поддержки. Не от случайных людей или даже подруг, а от родного человека, который всегда рядом.

Она не строила козней ни мужу, ни дочери. Она любила их. И делала то, что умела. И так, как могла. Почему же в итоге никто ее жертв не оценил, ни от кого она не видит ни малейшей благодарности?..

Бабушка позвонила в тот самый момент, когда на Варины глаза уже набежали слезы.

— Как твои дела? — спросила она.

— Нормально, бабуля, а твои?

— Скриплю потихоньку. — Бабушкин голос никогда не скрипел, по телефону он всегда был бодрым и жизнерадостным. — А чем Жанночка занимается?

— Она со своим мальчиком уехала купаться.

— Варя, — бабушка сделала паузу, — я просто спать спокойно не могу... Этот мальчик, который у нее появился... Они, наверное, уже живут?!!

— Нет, не живут. — Варю потребовалось собраться, чтобы спокойно ответить на этот вопрос: бабушка задавала его каждый раз, когда они говорили с ней по телефону.

— Слава богу!!! — В ее голосе почувствовалась светлая легкость, словно с плеч свалился неимоверный груз.

Больше всего на свете она волновалась за невинность правнучки, потому что до сих пор пребывала в уверенности, что существует первая брачная ночь.

Как ни странно, но после этого разговора у Вари в отношении дочери появилась защитная реакция. Да что страшного в Жаннинном поведении? Обычный переходный возраст, который надо пережить. А разве она сама была ангелом в восемнадцать лет? Тоже считала себя очень умной, никого не хотела слушать, обретала свой собственный опыт, наверняка не слишком вежливо отвечала на родительские расспросы... Что она хочет теперь от дочери? Дети всегда живут не прошлым и будущим, а только настоящим...

Варя сняла старенький халат, в котором с утра бродила по квартире, переоделась в свободное бежевое платье на бретельках, расчесала свои густые жесткие волосы... Все заняты. На пляж, по совету дочери, ехать не с кем. Но можно хотя бы прогуляться. Заодно зайти в магазин, потому что вернется Жанна и ее надо чем-то кормить. А в холодильнике шаром покати.

Когда она уже стояла в прихожей, в дверь позвонили. Варя посмотрела в глазок и остолбенела. В мутном полукружье коридора возвышался ее пропавший муж собственной персоной. Он приснился ей сегодня ночью — родной и чужой одновременно, показывал на свой небольшой шрам на брови, жаловался, что он болит, растет, кровоточит... Она гладила этот шрам, и он на глазах бледнел, уменьшался в размерах, пока не исчез вовсе... А потом она просну-

лась, увидела, как Жанка надевает свои короткие шорты, собираясь на встречу с Виталиком, и обрушила все эмоции на нее...

В первую минуту Варя затаилась, решив сделать вид, что никого нет дома. Но звонок раздался снова, а потом в замочную щель вставили ключ. Она не стала дожидаться, пока Серега хозяином войдет в квартиру, а повернула рычажок и резко распахнула дверь. Она стояла, загораживая проем, как страж своего домашнего покоя, который еще не успела обрести, но за потерю которого уже боялась.

Ее муж, посвежевший, подтянутый, в неизвестной ей рубашке, с беспокойным лицом, от вида которого у Вари заныло в области груди, держал в руках дорожную сумку.

— Здравствуй, — сказал он, не двигаясь с места. — Можно войти?

— За вещами? — Варя постаралась произнести это абсолютно равнодушно, а ноги сами по себе, бессознательно, сделали несколько шагов в сторону, открывая проход.

— Да нет, — Сергей поставил сумку на пол и остановился, как посторонний человек, который стесняется сделать неловкое движение в чужом доме. — Я... хочу вернуться...

— М-м-м... — промычала Варя, не зная, как правильно реагировать.

Она смотрела и смотрела на него, не в силах оторвать взгляд, и два желания совершенно одновременно боролись в ней — обнять и ударить... Или ударить и обнять... Ударяя обнять... Обнимая ударить...

— Давай будем жить, как раньше, — сказал Сергей, снимая туфли, тоже незнакомые, новые, летние, с мелкими дырочками на тупых носках.

— А разве получится? — глупо спросила Варя. — Как раньше?

— Значит, будем жить по-новому. У тебя есть кофе? — Не дожидаясь ответа, он прошел на кухню, уже освоившись, вспомнив родной дом, освободившись от первой неловкости.

Варя притащилась следом за ним, ей было все время не по себе, хорошо, что она успела причесаться, сменить халат, вот только забыла рассмотреть себя в зеркало — как там сейчас поживает ее овал лица, видны ли следы старения... Последнее время ей было совсем некогда обращать на это внимание. А с появлением Сергея, такого неотразимого после отпуска, она все вспомнила, в ушах словно зазвучали те слова про пластическую операцию...

Она вдруг поймала себя на том, что ей не нравится, когда Серега, от присутствия которого она успела отвыкнуть, роется на полках в поисках кофе. Он переставлял банки, нарушал порядок, рассеянно скользил взглядом по кухне — может быть, увидел неубранную пыль? Варю это задевало, как будто он сейчас влезал в ее личное пространство и посягал на ее свободу. Между прочим, последнее время она почти перестала пить кофе...

— Есть только чай, — сказала она.

— Пусть будет чай, — согласился Сергей и сел за стол.

Варя включила чайник, достала заварку, сахар, чашки.

— Как отдохнул? — выдавила она.

— Плохо.

— А где, если не секрет?

— В Египте.

— Один?

— Ну да!

Они разговаривали как коллеги, которые встретились после отпуска и в силу совместного нахождения в одном кабинете делают вид, что проявляют друг к другу интерес.

— Вот, — Сергей вытащил из кармана два зеленых плоских камешка, — это вам с Жанкой, египетские сувениры, мне сказали, что они приносят удачу...

— Спасибо, — Варя вежливо взглянула и отложила камни на полку. — А ты в курсе, что твоя подруга съехала из нашего дома?

— Да? — слегка оживился Сергей. — Меня это не волнует. И она мне не подруга.

— Ну-ну, — Варя налила ему чай. — Извини, печенья нет.

— Я так попою.

Что-то его тревожило. Может быть, он боялся, что их мирная беседа сейчас оборвется, превратится в склоку, в скандал, и тогда ему придется забрать сумку и опять уйти. А на следующую попытку не хватит сил. Или, подумала Варя, его изнутри разъедает чувство вины, и потому он кажется скованным. А возможно, никаких таких терзаний у Сереги нет и в помине. Просто человеку надо решить в свою пользу материальные проблемы — с квартирой, например. И он не знает, как подступиться к этому вопросу, чтобы в итоге выиграть, а не проиграть. У Вари была возможность убедиться, как хитер и изворотлив ее муж.

— Варя, — сказал он, отхлебнув чай, — прости меня. Я — дурак, но я не могу без тебя... И без Жанки... Что мне здесь без вас делать? Тогда уж лучше было бы остаться в Египте.

Он посмотрел на жену глазами побитого щенка.

В этот момент Варе показалось, что с ним можно сейчас делать все что угодно. Какая-то неподвластная ей сила спустила тормоза и стала выталкивать наружу все то, что накопилось, что Варя так старательно сдерживала в себе с тех пор, как открыла мужу дверь.

— Да как ты мог?! — крикнула она. — После стольких лет! Разве ты не знал, чем все может кончиться?! На что ты рассчитывал?! Что я не узнаю никогда?! Оказывается, ты нами так дорожишь!!! Поэтому и сделал из меня пошмище, тему для соседских пересудов?! Ты лгал, унижал меня, а сам в это время кувыркался с любовницей?! А если бы мы поменялись местами? Если бы я тебе изменяла?! Ты бы простил?!

— Ну если тебе при этом было бы хорошо... — понуро протянул Сергей.

— А тебе, значит, было хорошо, и я должна за тебя порадоваться?! Конечно, я уже древняя старуха! Мне ведь пора на пластическую операцию! А лучше вообще в гроб! Чтобы не мешала твоему счастью!

— Мне было плохо! — перебил Сергей жену. — Давай не будем об этом. Сдались тебе соседи... Кому до нас какое дело? Я соскучился. Я так соскучился...

Он поднялся, схватил ее в охапку так, что она не могла даже пошевелиться, и, глядя ее по голове, как маленького обиженного ребенка, сказал:

— Я люблю тебя, и какая мне разница, сколько тебе лет...

Он уткнулся Варя в шею, судорожно вздохнул, его горячее лицо обжигало кожу...

Варя не могла даже вспомнить, когда, сколько лет тому назад ее так тянуло к собственному мужу. И было ли подобное вообще? Чтобы от малейшего при-

косновения, от его дыхания, просто от его присутствия начинала сходить с ума вся ее природа, все женское естество... В этом сумасшествии не имели значения ни шорохи, ни скрипы, никакие иные страхи, ни подлая соседка Ирка, ни сексуально озабоченный лишайный Валентин...

— Я помню: в юности ты была очень страстной, — Серега продолжал ее обнимать. — Точно как сейчас.

Ей хотелось спросить: а с Ирккой, как тебе было с ней? Но она не разрешала себе, понимая: стоит только потянуть за эту ниточку — и разрушится то хрупкое состояние нежности и родства, которое сейчас у них возникло. Оно может исчезнуть безвозвратно. И Варя этого боялась.

Сергей заснул, обняв ее правой рукой. Ей было не очень удобно, к тому же захотелось пить... Но сейчас она боялась даже пошевелиться...

Варя знала, что в человеческих отношениях любая мелочь имеет значение. И иногда важно то, что на первый взгляд абсолютно неважно. Некий вредный налет накапливается изо дня в день, от встречи к встрече, и люди начинают отдаляться друг от друга, становиться чужими. Она думала, как теперь жить дальше. Ложь, конечно, облегчает существование. Но она коварна, а ее лукавое действие незаметно. Дело даже не в том, что Варя застучала мужа на месте преступления. Сможет ли она ему теперь доверять? Или ее жизнь превратится в пытку, и она замучает подозрениями и себя и Сергея? И как тогда оправдать собственную слабость, тот случай с Валентином в Женькиной квартире?

А возможно, это то испытание, которое дано им, чтобы по-новому взглянуть друг на друга, оценить то, чем раньше пренебрегали, сравнить и понять: пока им нужно быть вместе. Да и с какой стати она должна расставаться со своим мужем и кому-то его отдавать?!

Сергей убрал руку, перевернулся на другой бок, и Варя тихонько поднялась, оделась, оставила на столе записку: «Я пошла в магазин».

День был жарким, по улицам бродили редкие прохожие, вся Москва уехала за город. Варя подставила лицо солнцу. Сергей проснется, и они тоже отправятся куда-нибудь искупаться. Как раньше. Давно. Последний раз такое было, кажется, в прошлом году? Или в позапрошлом? Сколько времени каждый из них жил только своими заботами? Варя вспомнила, как порой даже гордилась, что они столь современны: никакой мелочной опеки, никакого контроля, никаких проверок... Она считала подобное унижительным. Более того, ей в голову не приходило, она представить не могла, что ее Серега польстится на другую женщину!

И к чему это привело?

По пути попался спортивный магазин, и Варя решила зайти, посмотреть себе какую-нибудь футболку.

Помещение было огромным и практически пустым. Лишь две девчонки возраста Жанны терзали молоденького продавца.

— Скажите, — интересовались они, — а какие беговые дорожки лучше? Чем они отличаются?

— Дорожки делятся на электрические и механические, — объяснял продавец. — Первые будут работать, когда вы их включите в розетку. Они стоят пятнадцать тысяч. А вторые вы разгоняете сами. Их цена в два раза ниже.

— Механические, наверное, шумят? — спросили девчонки.

— Наоборот, — заверил продавец.

— Как вы думаете, — сказала одна из подруг, — стоит ли мне понты кидать и покупать электрическую, если механическая дешевле?

— Конечно, не стоит, — согласился парень.

— Да, а семь тысяч — это в рублях или в долларах?

— В рублях.

— Ясно.

Девчонки отошли и остановились рядом с Варей у стеллажа, где висели майки и топы.

— Куплю дорожку и приглашу Илюшу в гости, — сказала та, что интересовалась ценами. — Под видом установки. Чтобы рассказал, показал... Потом угощу чем-нибудь. Надо продумать. Скажу, что давно мне нравится. Оденусь как положено. И куда он денется?!

Они отправились дальше по залу, а Варя так и осталась стоять в полном ступоре.

Вот так надо завоевывать мужчин, подумала она. Прилагать усилия, не жалеть денег, проявлять фантазию. Даже таким молоденьким и хорошеньким. Урок ей, Варя. Ведь она всю жизнь считала, что все происходит само по себе. Что раз Сергей ее муж, то обязан любить вечно. Что ничего не надо из себя изображать...

Она опять вспомнила соседку Ирку... Как та старалась — и свечи расставила, и халаты повесила... Хотя... Успех-то у нее оказался временным! Ирка стала калифом на час. Неужели это можно считать ее победой?!

Варя с гордостью подумала, что есть что-то другое, более важное, не внешнее, нет, а нечто такое, что не поддается объяснению, но тянет людей друг к другу и не дает им разбежаться, успокоиться в новых отношениях...

И все-таки как же все сложно...

А нужна ли в отношениях мужчины и женщины правда? Если да, то Варя должна прийти и рассказать Сергею о Валентине. Только зачем? Что от этого изменится? Кому станет легче? Сергею, чье самолюбие страшно пострадает? Ей, которой сто лет не нужен этот Валентин? Или Валентину, которому Варя тоже не нужна?

Да разве можно прожить так, чтобы не совершить ни одной ошибки?

А Любаша? Достоянная жена, мать и педагог! Что случилось с ней, когда она дрогнула не перед принцем на белом коне, не перед сказочным красавцем мужчиной, а перед вполне проходным вариантом, совсем не в ее вкусе? И теперь вспоминает, мучается чувством вины, не может понять, что на нее нашло... Ей что — бежать к Генке и, упав в ноги, каяться?

Не врут только больные, подумала Варя. А для здоровых — это форма защиты.

И хватит изображать из себя правдолюбцев! Никто правду не любит и никто ее слышать не хочет. Ложь порой оберегает наше спокойствие. А истина вообще не в устах говорящего, а в ушах слушающего. И нужно тщательно обследовать эти уши, чтобы понять, следует ли в них вливать полную информацию о себе и своих мелких проступках. В семье бороться за правду — значит обречь себя на постоянную борьбу. А два человека должны не воевать, а учиться дипломатии.

В супермаркете она купила кофе, курицу, нарезку для бутербродов, печенье. Зашла в винный отдел и взяла бутылку шампанского. Пакеты были тяже-

лыми, но ничего страшного. Зато Сергей обрадуется и сможет выпить наконец свой любимый кофе. Курицу она потушит, как он любит, — с шафраном, укропом, лимоном, чесноком...

Странное дело, но она с удовольствием подумала о том, что вернется домой, встанет у плиты и начнет кулинарить, вкладывать душу в приготовленное блюдо, как делала это когда-то... Она даже решила завтра с утра заняться генеральной уборкой в квартире, переложив временно все многочисленные заботы с агентством на Светины плечи...

Варя пронесла пакеты на кухню и стала раскладывать продукты.

— Куда ты пропала? — на пороге стоял Сергей, взлохмаченный после сна. — Я даже испугался... Мне и сон приснился, как будто я тебя ищу везде, а ты испарилась, нигде тебя нет.

— Я же записку оставила, — сказала Варя. — А тебе плохо спалось?

— Почему? Хорошо. Мне дома всегда хорошо.

— На улице такая погода... Давай съездим и искупаемся?

— Хорошая идея! — воодушевился Сергей. — И, может быть, успеем в мой аэроклуб.

— Куда? — не поняла Варя.

— Я тут от безделья учусь летать на самолете. Хочешь, и тебя запишу? — он открыл банку с кофе. — Там есть одна женщина, которая впервые села за штурвал, когда ей было за сорок, а теперь она мастер спорта.

— Правда? — Варя никогда не испытывала тяги к экстремальным видам спорта, но сейчас ей вдруг страстно захотелось попробовать. — Хочу!

— Отлично! — обрадовался Сергей. — Тем более мне туда нужно заехать и по другому поводу. Понимаешь, я решил работу сменить. Аэродром, где наш клуб находится, сейчас купили на аукционе новые хозяева. И мне предложили стать финансовым директором. Если договоримся, буду совмещать приятное с полезным.

Он начал захлеб рассказывать о клубе, о новых знакомых, о том, что скоро получит аттестат летчика-любителя... Перед Варей был другой человек. Не тот — потухший, злой, убитый неприятностями, потерянный, каким он виделся ей в последние месяцы. А мужчина, знающий себе цену, сильный, увлеченный, распространяющий вокруг себя уверенность в завтрашнем дне.

— А где же все-таки Жанка? — вдруг растерянно огляделся он. — Она живет дома?

— Конечно, просто уехала купаться, — Варя поставила около мужа тарелку с бутербродами, которые только что сделала, отложив курицу на вечер. — У нее появился мальчик...

— Надо же, — сказал Сергей, но никакой злости в его голосе не было. — Быстро она как-то выросла... Наверное, — он подмигнул Варе, — ее поколению мы кажемся древними стариками... И уж точно они себе и представить не могут, что мы еще занимаемся сексом... В Египте был один ветеран-путешественник, ему под семьдесят, который говорил: «У меня на это дело уходит один час пятьдесят две минуты: пятьдесят минут — на подготовку, две — на секс, а час — на отдых».

Варя засмеялась и пошла искать свой купальник.

Завтра же она купит новый! Хотя... и старый, оказывается, еще ничего... Варя внимательно осмотрела себя в зеркало. Никаких следов старения... Ей вооб-

ще показалось, что за сегодняшний день она помолодела лет на двадцать.

Глава тридцать первая

Народ сновал взад-вперед: из помещения на улицу — чтобы вдохнуть свежего воздуха, с улицы в помещение — чтобы не пропустить очередь... В какой-то момент одна из больших групп принималась разыскивать исчезнувших именно сейчас, в самую нужную минуту, родителей, свидетелей, жениха с невестой... Кто-то из самых активных начинал выкрикивать своих, собирать всех в кучку... Остальные ожидающие непроизвольно включались в эту суету, крутили головами, определяя, из какой компании, к примеру, тот гость, что только что вошел в медведковский районный загс и потерянно теребит цветы, и теряли всякий интерес, когда тот прибывался к нужной группе...

Потом все выходили умиротворенные, довольные прошедшей процедурой, насыщенные ответственностью момента. Они доверчиво отдавались в руки поджидающих их фотографов-операторов, отсматривали видеосъемку, платили деньги, получали квитанции...

Веня и Инна должны были влиться в поток четвертыми...

Несмотря на то что в загсе яблоку было негде упасть, Любе удалось занять диванчик. И сейчас они сидели, прижавшись друг к другу, как сельди в бочке, и Анна Степановна, Венина мать, не замолкала ни на минуту.

— У нас с Семей, — делилась она воспоминаниями, — регистрация была назначена на три часа. Я сижу в общежитии, где жила, в чужом платье, чужих туфлях, взятых у знакомой. Десять минут третьего, пятнадцать... А жениха все нет. Вдруг Сема появляется, причем совсем не в праздничном виде. Я — в слезы: что такое, почему даже не одет... А он, оказывается, пока по общежитию шел — раздал девчонкам нашим костюм гладить: брюки — в одну комнату, рубашку — в другую... Ко мне буквально ворвался и спрашивает: «Ты машину достала? Свидетеля предупредила?» У меня от этих вопросов — еще больше слезы. Я-то думала, что он все сам сделает. Сижу, тушь течет... А Сема, ни слова больше не сказав, опять исчез. Потом выяснилось, что побежал соседнюю клумбу обрывать. Заодно разбудил свидетеля, который крепко спал после дежурства в котельной, — мы ведь студентами подрабатывали почти все, вместе они нашли какого-то частника. И ровно в три жених предстал передо мной при полном параде, в выглаженном костюме, с цветами и при свидетеле. После загса посидели в общаге, все быстро напились и разошлись. Сема захмелел и уснул. А я сняла платье, туфли и стала все мыть, убирать. Потом на соседнюю кровать прилегла и тоже заснула. Такая вот свадьба.

— Оказывается, он очень деловой, ваш Сема, — сделала вывод Люба.

Она поправила свой костюм, за которым специально ездила в «Зару», — из легкого хлопка, с веселенькими цветочками. То чудное платье, с бледно-лиловыми вставками, купленное на ВДНХ, нравилось ей гораздо больше, но она запихнула его подальше в шкаф, чтобы даже не напоминало, не будило тревогу... Может быть, когда-нибудь, в другой раз, при случае Люба его еще наденет, но не сейчас, не в этот день...

Зато Инна наплевала на все приметы. Она была в том же свадебном платье, хотя выглядела совсем по-другому — невесомой, неземной, сияющей...

— Наши — самые красивые, — Варя уловила момент, когда Анна Степановна сделала паузу. — Женихи в подметки нашему Вене не годятся... А невесты... Смотрите, сколько из них глубоко беременны... А по другим не поймешь: то

ли они слишком упитанны, то ли тоже детей ждут...

— Я мечтаю стать бабушкой, — опять завладела инициативой Анна Степановна. — Помню, Венечка такой серьезный родился, все хмурился... Сема недавно сказал: он просто тогда, в колыбели, предвидел свой несчастный первый брак... А если верить теории, что в первые минуты у ребенка стирается в памяти вся его прежняя жизнь, то... — она подбирала слова, — то... Венечка, скорее всего, в прошлой жизни был маршалом!

— У Инки совсем еще ничего не видно. — Женька как европейская дама сидела с веером в руке и лениво обмахивалась, иногда эти струйки ветерка попадали на страдающих от духоты подруг.

В состоянии ожидания они пребывали уже около часа. Люба стала рассказывать, как жениху перегородили натянутыми веревками вход в квартиру, а он не мог угадать ни размера обуви невесты, ни ее точного веса, ни любимого блюда... А потом его друг-свидетель сказал: не будете нас пускать, так мы вообще уедем... И подружки Инны веревки сразу убрали...

— А вы видели, на какой машине они приехали? — спросила Люба. — У них там на номере написано: Инна плюс Веня равняется любовь. Когда мы со двора выезжали, бабули соседские дорогу перегородили, тоже выкуп требовали. А у нас ничего с собой нет, шампанское в другой машине, которая раньше уехала... Жениху пришлось раскошелиться. А бабули говорят: мало, что это за деньги, еще давай...

— Что ж вы так не подготовились? — Женька всегда была очень предусмотрительной, а после эмиграции в ней буйным цветом расцвела любовь к порядку.

— Слушай, когда однажды жених не явится на свадьбу, то в следующий раз ни о чем, кроме этого, не думаешь. — Люба поерзала на месте, пытаясь слегка подвинуть Женьку, которая с левой стороны мяла ее костюм. — Правда, Веня — молодец, он прибыл, когда Инка еще не одета была. Так спешил! Но я всю ночь не спала, боялась рецидива. Накануне в церковь сходила и свечку поставила.

Наконец их позвали.

Варя с Женей приготовили фотоаппараты. Пока они старательно щелкали, брачный союз был скреплен, слова регистратора пронесли мимо, а вот Люба всплакнула, и им пришлось дать ей носовой платок, который она, конечно, забыла дома. Торжественные Веня с Инной принимали поздравления, светясь от счастья.

На выходе из загса кто-то из гостей крикнул «горько», но был резко остановлен гармонистом, поджидавшим молодоженов и их окружение на улице.

— Тихо! — приказал он. — Кричим только по моей команде. — И заиграл марш Мендельсона.

Закончив, он перешел на какую-то игривую мелодию, дожидаясь, пока гостям разольют шампанское в бумажные стаканчики, а молодых осыпят монетками и рисом. И только тогда зычно выкрикнул:

— Приготовились! А теперь дружно три раза по моему знаку — «горько!».

Заплатив гармонисту-энтузиасту сто рублей, Гена восхитился:

— Ну мужик деньги рубит!

На ступеньки загса уже выходила следующая пара. Гармонист переключился на нее, растянул меха, пресекая любую инициативу со стороны новоис-

печенной семьи. Глядя на него, можно было не сомневаться, что выход молодоженов будет обставлен по всем правилам известной ему науки и он выдержит любой свадебный марафон, несмотря на жару и количество брачующихся.

Веня подхватил молодую супругу на руки и под аплодисменты отнес ее к машине.

Гости нырнули в свои автомобили, и кавалькада машин, украшенных лентами и воздушными шариками, которые сразу же начали лопаться один за другим, издавая жуткие Щелчки, двинулась в сторону Поклонной горы. Встречные автомобили приветствовали их длинными гудками, присоединяясь к чужому празднику... На Кутузовском проспекте в этот час стоял сплошной гул... Лимузины и «мерседесы» с кольцами на крышах образовали длинную очередь на подъезде к Поклонной горе...

— Такое впечатление, что вся Москва женится, — комментировала Женька. — И кто придумывает мифы, будто сейчас молодежь выбирает гражданский брак? А это тогда что?!

— И якобы рожать не хотят, — добавила Варя под впечатлением от невест из загса.

Головная машина с Веней и Инной остановилась, а следом выстроилась на обочине вся компания. Пока срочно собранный совет решал, вставать в очередь или, чтобы не терять времени, двигаться дальше — к Воробьевым горам, Женька начала настойчиво шептать Варе, что ей нужно в туалет...

— Да где ж его взять?! — Варя подруге сочувствовала, но плохо себе представляла, где искать нужное учреждение.

Переминаясь с ноги на ногу, Женька посмотрела вдаль, туда, где через параллельную с проспектом дорогу открывалась взору зеленая зона, и ее лицо просветлело от увиденной перспективы. Не говоря ни слова, она рванула навстречу природе, которая всегда принимала человека в свои объятия и помогала в самых критических жизненных ситуациях. Волны здоровых инстинктов, исходившие от Женьки, заразили добрую половину вылезших из автомобилей людей, которые тонкой струйкой потянулись за ней...

Мимо с большой помпой, окруженный навороченными джипами, проехал белый лимузин самой последней модели, из верхнего люка которого по пояс высунулись очередные молодожены, слегка качающиеся в длинном нескончаемом поцелуе...

— Скромнее надо быть, — пробурчала вернувшаяся Женька.

— Да, — засмеялась Варя, — ты, например, очень скромничала, когда в качестве Ивана Сусанина повела массы в никуда.

— Так ведь все благополучно вернулись, — резонно заметила Женька.

На смотровой площадке Воробьевых гор они обнаружили то же столпотворение, что и на Поклонной горе. Московские женихи и невесты соблюдали традиции: смотрели сверху на город, пили шампанское за счастливую семейную жизнь и фотографировались.

Варя нашла свободное местечко у парапета, облокотилась, наблюдая, как Веня-жених отделился от группы гостей, подошел к торговцу воздушными шарами, купил целую связку красных, белых, голубых, малиновых, зеленых, с сердечками, надписями про любовь, осторожно держа отнес их Инне, а она стала выпускать их по одному, и они медленно полетели вниз, в сторону Луж-

ников, на раскинувшуюся Москву...

— Пить не хочешь? — Серега протянул ей стаканчик с шампанским. — Чего-то ты загрустила...

— Сто лет мы с тобой здесь не были, — сказала Варя. — А раньше, помнишь...

— По машинам! — услышали они зычный Генкин голос, не давший разрастись Вариной ностальгии по их с Серегой юности. — Время, дорогие гости, время! Нас в кафе заждались!

...Тамада в длинном сверкающем платье, уже не имевшая никаких претензий к музыкантам, а всячески с ними кокетничающая, взяла в руки микрофон. В вазах с фруктами желтые банановые голубки, вырезанные умельцем-поваром, нежными клювиками соединялись в поцелуе.

Банкет начинался.

После первого госта гости по кругу начали представляться. Папа, мама, тетя, дядя, опять мама, снова папа...

— А я — подруга, — весело поднялась Женька. — У папы, у мамы, у тети, у дяди... У всех подруга...

Знакомство получилось веселым, запутанным, разрядило обстановку, и дальше банкет покатился как по маслу.

Тамада была в ударе. Люба, знавшая коллегу много лет, поняла, что та зря растрчивала свой талант на неблагодарных учеников. Ее призванием была сцена, а не жалкие школьные подмостки. Когда она брала интервью у молодоженов, публика лежала от хохота. Когда вместе с молодоженами пела песню, посвященную родителям, зрители среднего возраста, имевшие сыновей и дочерей на выданье, утирали набежавшие слезы.

Люба посмотрела в сторону новых родственников. Семен Васильевич тут же ей подмигнул и поднял рюмку с водкой. А Анна Степановна выпорхнула из-за стола, подскочила к Любе и предложила:

— Давайте закажем вальс!

— Я не умею, — испуганно попятилась Люба.

— Вы не представляете, как его танцует Сема! Ваша тамада сможет ему составить пару?

— Она все может! — В этом Люба была твердо убеждена.

Семен Васильевич, стройный как мальчик, с хохолком поседевших волос, оказался непревзойденным танцором. Вместе с тамадой они выделяли такие па, что зал остолбенел. Посмотреть на это чудо искусства собрались все повара, официанты и бармены. Некоторые представители молодого поколения тоже поплыли по кругу, но их попытки казались лишь жалким подобием вальса. На арене царили виртуозы!

Слегка запыхавшийся Семен Васильевич поцеловал тамаде руку и галантно раскланялся под аплодисменты присутствующих.

— Где же вы так научились?! — В Любиных глазах застыло восхищение.

— Занимался бальными танцами, — скромно объяснил свой успех Семен Васильевич. — Я и сейчас со студентками... На выпускных вечерах...

— Они в очередь к нему записываются, — гордо добавила Анна Степановна.

Люба обвела глазами зал: все в порядке, все при деле, веселье идет полным ходом. Она ревниво отметила, что Генка чересчур оживлен, танцует с какой-то симпатичной девчонкой — кажется, Вениной родственницей. Да, подумала

Люба, а они неплохо смотрятся... Все-таки она чересчур доверяет своему мужу, слишком уверена в нем, а вот попадетсЯ такая нимфетка, покачает стройными бедрами, поведет невинными глазками — и пропал мужик, забыл обо всем на свете... Возраст у Генки наступает критический... Так что глаз да глаз нужен... И хватит баловаться с этим доверием. Все люди слабы. Генка вон тоже ей безгранично доверял...

Даже легкое воспоминание о случае с Валентином способно было испортить Любе настроение. Она вдруг представила, что Генка изменил ей с этой молодой девчонкой, с которой сейчас танцевал... Ну и что? Она бы простила его сразу, без всяких объяснений... Если, конечно, это случайность, как у нее... Да нет! Чего это она?! Ноги обломает! Кишки выпустит! И ей, и ему!

Люба еще раз бросила взгляд на веселящегося мужа... Прямо из штанов от счастья выпрыгивает! Смотри у меня... Она вышла в холл, чтобы выкурить сигарету, к которой прибежала только в минуты сильных волнений. Мягкие кожаные кресла по углам были, к ее удивлению, пусты, не заняты гостями, она села в одно из них и не сразу заметила стоящую у окна сгорбленную фигуру, в которой узнала Свету. Они уже виделись сегодня, но не в загсе, куда та не приезжала, а здесь, в кафе, перекинулись парой слов... Света казалась веселой, шутила, а потом Люба закрутилась со всеми этими мелкими заботами... Кто тут мог Свету обидеть?

— Что случилось? — бросилась к ней Люба.

— Ничего-ничего, — Света отняла руки, которыми сжимала голову, и подняла заплаканное лицо. — Не обращай внимания. Это я от зависти, — она попыталась улыбнуться. — Ну почему на месте жениха не мой сын, не Вова?! Я ничего не хочу сказать плохого, — спохватилась она, — этот мальчик... у Инны... он такой милый... Но мне... больно, понимаешь, жалко Вовку...

— Я все понимаю, — Люба погладила ее по плечу. — И у Вовы все, дай бог, наладится... А что он пишет из Франции?

— Ничего, — Света всхлипнула. — Им нельзя пока... Первое время... Потом, позже... А Инна... Она не против, что я здесь?

— Конечно нет, — успокоила Люба, подумав, что Инна вряд ли замечает, кто гуляет на ее свадьбе. Видит ли она вообще сегодня кого-нибудь, кроме своего Вени? — Пойдем в зал... Хватит тут киснуть... Там, кажется, кто-то выступит...

Выступали Жанна с Виталиком. Около них стоял большой разукрашенный сундук.

— Мы тут подумали, — говорил в микрофон Виталик, — чего же не хватает нашим молодоженам, и собрали все недостающее в этот сундук.

Жанна торжественно открыла крышку.

— Хотя вам сегодня наверняка уже вручали хлеб, — продолжил Виталик, — но поскольку это символ духовного и материального благополучия, то пусть его в вашем доме будет больше. — Он достал несколько хлебных колосков.

— А ветка дерева принесет вам долголетие в браке, — громко объявила Жанна. — Тут еще орехи есть — для силы ума...

— И виноград, — подхватил Виталик, — который означает любовную страсть.

— Но главное, — Жанна, как фокусник, доставала и доставала из сундука предметы, — мы насыпали вам целый мешок семян тыквы, и это символизир-

рует плодородие в смысле многочисленных детишек...

В конце она по-хулигански крикнула:

— Значит, так: все, что здесь нами говорилось, — полная ерунда. И давайте наконец выпьем за молодых!

— Горько! — подхватили за столом.

— Ты не очень-то... — Варя, улучив момент, подошла к дочери. — Не увлекайся шампанским...

— Да ладно... Я же шучу... Для общего веселья... Мам, — в голосе Жанны появилась тревога, — ну как тебе Виталик?

— Нормально, — ответила Варя.

— И все?! — обиделась Жанна.

— Ну я же его почти не знаю, — начала оправдываться Варя. — Вроде симпатичный... Общительный такой...

— А папе понравился! — с вызовом сказала Жанна. — Он считает, что у Виталика высокий интеллект.

— Это хорошо. Мне нравятся умные мужчины. — «Интересно, когда это Серега успел выяснить такие подробности», — подумала Варя.

— А Инка, — горячо зашептала Жанна, — знаешь, она ко мне настолько равнодушно отнеслась, такая странная, даже не сказала, как ей мой парень! Я ее просто не узнаю! Может, мне самой у нее спросить?

— Давай.

Варя проследила, как ее взбудораженная дочь, утащив невесту в сторонку, выпытывает у старшей подруги мнение о своем Виталике. Для Жанны сегодня главным событием была не столько чужая свадьба, сколько возможность похвастаться своим избранником.

— Этот танец посвящается родителям! — объявила раскрасневшаяся тамада.

— Горько! — закричали гости. — Горько — родителям!

Генка с Семеном Васильевичем тут же нарисовались около своих половин. После скромного поцелуя они вышли в круг.

«Дорогие мои старики», — запели музыканты.

— Не старики!!! — возмутилась Люба.

«Молодые мои старики», — стали исправляться музыканты.

— Да что ж такое!!! — Люба даже остановилась.

— Ладно тебе, — умиrotворенно проворковал ей в ухо слегка захмелевший Генка. — Просто песня такая...

Тамада затеяла очередной конкурс, и народ покатывался со смеху, наблюдая, как участники пытаются изобразить героев русской народной сказки «Репка».

— А невеста? Где невеста? — в середине зала появились Женька и Света, пытавшиеся привлечь к себе внимание. — Невесту украли!!! Граждане, похитители требуют выкуп!

— Ну что это за самодеятельность?! — зарычала рядом с Варей Люба. — Как же я их не предупредила, чтобы не лезли с этими выкупами! Терпеть не могу, когда людей на деньги раскручивают!

Прихватив Варю, она быстро подбежала к инициативным подругам.

— Сворачивайтесь, — зашипела Люба. — И срочно верните невесту!

— Ну вот, — обиделась Женька. — Хочешь как лучше...

Но гостей уже мало интересовало наличие невесты и жениха, а потому слабый проблеск любопытства у отдельных представителей к новому повороту событий тут же погас. К тому же уже выносили торт...

Отверженные «похитители невесты» уединились в уголке, и Женька страстно уговаривала Свету:

— Обязательно приезжай ко мне в гости! Мы вместе смотаемся во Францию — это же рядом! — и навестим твоего Вову! Заодно по Европе прокатимся! И, знаешь что, я тебе заодно какого-нибудь бургера подыщу! Запросто! С твоей-то внешностью! Даже не возражай! Я же точно знаю: все хотят замуж! А кто говорит, что не хочет, тот просто врет!

...Домой Варя с Сергеем ехали на такси. Они сидели на заднем сиденье, уставшие от всего того, что вместил в себя этот день, — танцев, речей, гомона, обилия впечатлений, еды, вина...

— Странно, — сказала Варя, — вроде более бесполезного занятия, чем свадьба, и не придумаешь... Но почему-то она будит романтические чувства... Я вот думаю: все-таки одна свадьба у женщины должна быть...

— А сама? — встрепнулся Серега. — Мы-то ничего не справляли... Ты ни за что не хотела... А я...

— Не очень-то ты меня и убеждал...

— Варюша, — Сергей снисходительно взглянул на жену, — разве ты не знаешь, что все в женских руках? Я что-то не видел мужчин, которые бы на коленях упрашивали своих женщин пойти с ними в загс... Это все вы... подводите к такому решению... Вон Инка тоже добилась своего — заставила своего Веню штамп в паспорте поставить... Как она этому радовалась сегодня! Сразу видно, что ее мечта исполнилась!

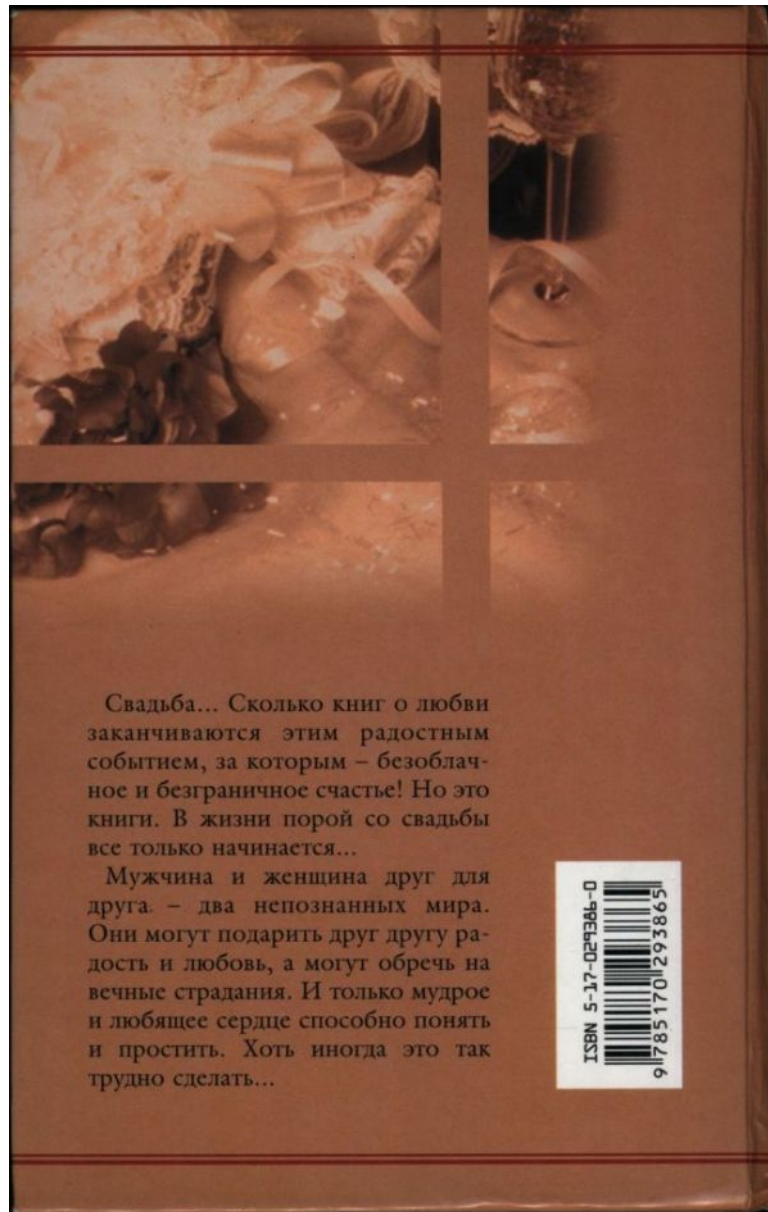
— Ну вот, — пробормотала Варя полусонным голосом, — взял и все опопшил...

— Да я ничего, — Серега пошел на попятную, — хорошая свадьба была, веселая... А мы тоже с тобой справим, раз женщинам это необходимо... Через сколько у нас там серебряная? Ну и вот... И в свадебное путешествие поедem... Куда бы махнуть?

— Только не в Египет. — Варя почти спала на плече мужа.

И уже через секунду ей снилось, что это они — Серега в темном костюме, она в подвенечном платье — запускают разноцветные воздушные шары на Воробьевых горах...

Определенно, в этих свадьбах что-то такое было.

Свадьба... Сколько книг о любви заканчиваются этим радостным событием, за которым – безоблачное и безграничное счастье! Но это книги. В жизни порой со свадьбы все только начинается...

Мужчина и женщина друг для друга – два непознанных мира. Они могут подарить друг другу радость и любовь, а могут обречь на вечные страдания. И только мудрое и любящее сердце способно понять и простить. Хоть иногда это так трудно сделать...

ISBN 5-17-029386-0
9 785170 293865

Свадьба... Сколько книг о любви заканчиваются этим радостным событием, за которым — безоблачное и безграничное счастье! Но это книги. В жизни порой со свадьбы все только начинается...

Мужчина и женщина друг для друга — два непознанных мира. Они могут подарить друг другу радость и любовь, а могут обречь на вечные страдания. И только мудрое и любящее сердце способно понять и простить. Хоть иногда это так трудно сделать...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.